

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

2

Председатель военного трибунала гарнизона полковник юстиции А. И. Глуценко и народный заседатель трибунала младший сержант В. М. Зюзин разрабатывают план бесед о советском законодательстве.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

2(74) ФЕВРАЛЬ 1977

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Е. Кленов, В. Малов. Право и повышение производительности труда	4
Б. Петелин. Психология правонарушения	12

СОБЕСЕДНИК:

Решения XXV съезда КПСС — в жизни!	
В. Тонких. Янтарные зерна полей	21
Нам пишут	
В. Кошкин. С любовью к делу	29
Г. Елизарьев, П. Бочилло. Когда подросток нарушил закон	30
Большие права дозорных	33
Письмо с комментарием	
А. Носков. На почве ревности	41
После выступления журнала	44
По следам неопубликованных писем	46

Критика и библиография

В. Сергеев. «Развод глазами судьи»	48
---	----

Т. Федосеева. Дело о Сашиной беде. Судебный очерк	52
--	----

Судебная хроника	61, 112
-------------------------	---------

А. Каменский. День обычного дежурства. Репортаж	62
--	----

А. Васильев. Отпечатки пальцев. Из записок следователя	70
---	----

Ю. Перов, В. Степанов. Святой Маврикий. Повесть	80
--	----

Главный художник **В. Т. СЕЛИВАНОВ.**

Технический редактор **Л. Л. ЕЖОВА.**

Корректор **А. В. ЕЛИЗАРОВА.**

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Лучшие материалы, опубликованные в журнале «Человек и закон» в 1976 году 111

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

М. Евтеев. Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления 114

Наши консультации

Н. Кузьменков. Правила обмена импортной мебели 118

Е. Гершанов. Дисциплинарная ответственность рабочих и служащих 121

Читатель на приеме у юриста

Ответственность гостиниц, домов отдыха, санаториев, общежитий и других подобных организаций за утрату или повреждение имущества граждан, находящегося в отведенных им помещениях 126

Материальная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу 127

Ответственность за мелкую спекуляцию 128

Гюнтер Продль. Государственная тайна — дело Бруно Людке 130

Зарубежная мозаика 144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота
Плечом к плечу стоят на Красной площади крылатые воины, готовые к торжественному маршу.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: о службе, о друзьях-товарищах пишет родным в совхоз «Заветы Ильича» деревни Каменка Могилевской области рядовой Николай Дашкевич.

(Смотрите на цветной вкладке фоторепортаж, посвященный бойцам-десантникам).

Сдано в набор 1/XII-76 г. Подписано в печать 10/I-77 г. А04320. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,91. Заказ 930. Тираж 3 300 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.)
Цена 40 коп.

Отпечатано 500 000 экз. (из общего тиража 3 300 000 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 1436.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. КЛЕНОВ, В. МАЛОВ,
кандидаты юридических наук

ПРАВО И ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Десятую пятилетку мы называем пятилеткой эффективности и качества.

«Для того, чтобы успешно решить многообразные экономические и социальные задачи, стоящие перед страной,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде партии,— нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства...

В восьмидесятые годы решение этой задачи становится особенно настоятельным. Это связано прежде всего с обострением проблемы трудовых ресурсов. Нам надо будет полагаться не на привлечение дополнитель-

ной рабочей силы, а только на повышение производительности труда».

В десятой пятилетке в целом по народному хозяйству производительность труда должна быть повышена примерно на 25 процентов. За счет ее повышения должно быть обеспечено 85—90 процентов прироста производства национального дохода страны, около 90 процентов прироста промышленной продукции, весь прирост продукции сельского хозяйства, строительно-монтажных работ и не менее 95 процентов прироста объема перевозок на железнодорожном транспорте.

Неуклонный рост производительности труда — один из основных объективных экономических законов социализма. В работе «Великий почин» Владимир Ильич Ленин подчеркивал: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

Ленинские указания, его идеи о путях построения социализма и коммунизма лежат в основе экономической стратегии Коммунистической партии и Советского государства.

Производительность труда определяется многими факторами. В конечном же итоге она зависит от результатов труда каждого работника. Поэтому XXV съезд, октябрьский (1976 года) Пленум ЦК КПСС указали на необходимость предусмотреть в пятилетнем плане более полное сочетание материальных и моральных стимулов и усиление их воздействия на эффективность производства, рост производительности труда, улучшение качества продукции, экономное использование материальных ресурсов.

Важная роль в достижении этих целей принадлежит советскому праву.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в нормах права находят свое выражение и юридическое закрепление требования объективных экономических законов социализма, в том числе закона неуклонного роста производительности труда. Так, Законом о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, принятым Верховным Советом СССР 29 октября 1976 года, предусмотрено, что производительность труда за пятилетие должна увеличиться: в промышленности — на 30,6 процента; в строительстве — на 30,3 процента; на железнодорожном транспорте — на 20 процентов; в колхозах и совхозах — на 28 процентов. В соответствии с этим Законом задания по росту производи-

тельности труда установлены для каждого производственного объединения и предприятия.

Таким образом, повышение производительности труда — это не только объективный экономический закон социализма, но и юридический закон социалистического государства. Выполнение плановых заданий по росту производительности труда — юридическая обязанность производственных объединений и предприятий, за неисполнение которой ответственность перед государством несут их руководители.

Трудовое законодательство закрепляет обязанность рабочих и служащих повышать производительность труда, выполнять нормы выработки и нормированные производственные задания, добиваться их перевыполнения. Выполнение норм выработки и нормированных заданий — это юридическая обязанность трудящихся. Неисполнение ее — дисциплинарный проступок. Перевыполнение же норм и заданий — обязанность моральная. Ее исполнение обеспечивается материальным и моральным стимулированием. Перевыполнение норм и нормированных заданий влечет за собой возникновение юридических прав работника: право на оплату соответственно фактической выработке при сдельной оплате труда; право на премию при сдельно-премиальной и повременно-премиальной системах заработной платы, если перевыполнение норм и заданий является показателем премирования.

Согласно закону администрация обязана также обеспечивать надлежащие условия для выполнения рабочими и служащими норм выработки, роста производительности труда путем внедрения новейших достижений науки и техники, передовых приемов и методов труда, рациональных форм его разделения и кооперации.

Если рабочим и служащим не созданы надлежащие условия труда, то действенность материальных и моральных стимулов повышения его производительности снижается. Отсутствие нормальных условий труда влечет за собой сверхурочные работы, работу в выходные дни (нередко скрываемые в отчетных документах).

Например, на одном из деревообрабатывающих предприятий оборудование устарело, необходимые приспособления для его ремонта отсутствовали. Из-за частых поломок станков и механизмов в рабочие дни возникали простои. Причем эти простои не фиксировались, рабочие, как это предусмотрено законодательством, на другую работу не переводились, и время простоя не оплачивалось. А план выполнялся за счет работы в выходные дни. Причем рабочие привлекались к работе в эти дни с нарушением установленного порядка: без согласия завкома профсоюза, без издания письменного приказа. Представители администрации просто объявляли, что в предстоящий

выходной день необходимо работать, а тех, кто высказывал недовольство, «уговаривали» в индивидуальных беседах выйти на работу добровольно. Такая «воспитательная» работа, как правило, имела успех, так как все знали, что при распределении премий это будет учитываться. Немалое значение имело и то обстоятельство, что время простоя не оплачивалось и невыход на работу в выходные дни мог привести к снижению заработка у рабочих-сдельщиков.

Подобная практика ведет к тому, что в числе передовиков иногда оказываются нарушители трудовой дисциплины, прогульщики и пьяницы, которые поднатужились во время аврала, помогли «спасти» план и получили за это «отпущение грехов».

Так, на одном из металлообрабатывающих предприятий рабочие часто совершали прогулы, опоздания и другие нарушения трудовой дисциплины, в результате чего не на полную мощность использовалось оборудование, возникали простои. И в это же самое время уменьшилось, если судить по документам, число сверхурочных работ и случаев привлечения к работе в выходные дни. Производственный план тем не менее выполнялся и перевыполнялся. И достигалось это, как было установлено, применением скрытых сверхурочных работ и работы в выходные дни. Рабочих «стимулировали» за такие работы премированием из фонда материального поощрения «за выполнение особо важных заданий». Причем «премии» за работу в выходные дни часто выдавались сразу после работы. В результате некоторые из «премированных» в понедельник оказывались «больными» и не выходили на работу. Все это способствует штурмовщине, разлагающе действует на некоторых неустойчивых работников, которые свыкаются с мыслью о том, что в обычное время можно работать с прохладцей, даже прогулять, поскольку все равно заработок будет обеспечен за счет штурмовщины.

На подавляющем большинстве предприятий повышение производительности труда достигается, конечно, только благодаря совершенствованию техники и технологии, улучшению организации труда, правильному применению материальных и моральных стимулов.

Основное средство материального стимулирования роста производительности труда рабочих и служащих — заработная плата.

XXV съезд КПСС указал на необходимость последовательного усиления стимулирующей роли заработной платы рабочих и служащих в росте производительности труда, ускорении научно-технического прогресса, повышении качества продукции и снижении ее себестоимости.

В соответствии с Конституцией СССР труд рабочих и служащих оплачивается по его количеству и качеству. Этот принцип находит свое выражение прежде всего в тарифных ставках и окладах. В них заложена база стимулирующей роли заработной платы. Размер их зависит от сложности, тяжести, ответственности, интенсивности и общественной важности того или иного вида труда. Размеры тарифных ставок и окладов тем больше, чем выше квалификация работника.

Во многих отраслях промышленности для рабочих, труд которых оплачивается сдельно, установлены более высокие тарифные ставки, чем для рабочих тех же разрядов, оплачиваемых повременно. Это объясняется тем, что при сдельной оплате труд рабочих более интенсивен, более производителен.

Необходимое условие, обеспечивающее стимулирующую роль тарифных ставок и должностных окладов,— строгое соблюдение штатно-финансовой дисциплины. Такие нарушения, как зачисление на рабочие места со сдельной оплатой лиц, фактически выполняющих обязанности служащих, отрицательно сказываются на организации труда, снижают уровень производительности коллектива, бригады, участка, цеха. Содержание работников управленческого аппарата за счет мест вспомогательных рабочих влечет за собой ухудшение обслуживания оборудования и снижение производительности труда основных рабочих.

XXV съезд КПСС поставил задачу совершенствовать тарифную систему как основу государственного регулирования заработной платы, повысить ее роль в стимулировании роста квалификации работников и их трудовых достижений.

Тарифная ставка и оклад — нормы оплаты труда работника определенной специальности, квалификации или должности. Фактический же заработок зависит от системы заработной платы (сдельной в различных ее разновидностях, сдельно-премиальной, повременной и повременно-премиальной).

Сдельная система оплаты труда повышает личную материальную заинтересованность работников в результатах своего труда, в выполнении и перевыполнении норм выработки, а следовательно — в повышении производительности труда.

Эту систему целесообразно применять на участках и видах работ, где есть количественные показатели выработки или выполненных работ, правильно отражающие затраты труда рабочих; возможности для установления норм выработки и учета их выполнения; производственные условия для перевыполнения установленных норм.

Сдельная система может сочетаться с премированием (сдельно-премиальная система заработной платы) за выполнение и перевыполнение производственных заданий. Делается это в целях стимулирования роста производительности труда. В тех случаях, когда премии выплачиваются за другие показатели (за улучшение, например, качества продукции, экономию сырья и материалов), выполнение производственных заданий и норм выработки становится обязательным условием премирования.

Действенным стимулом производительности сдельная заработная плата может стать лишь тогда, когда трудящийся будет заранее знать, какую ему предстоит выполнить работу и как она будет оплачена. А это возможно только при правильной первичной учетной документации: нарядов на сдельную работу, ведомостей учета выработки, актов о приемке выполненных работ и так далее. Документы эти должны оформляться и выдаваться рабочему или бригаде до начала работы. Эта обязанность администрации предусмотрена законом (Типовые правила внутреннего трудового распорядка (пункт 12) и Основные положения по учету труда и заработной платы в промышленности и строительстве (пункт 28)).

На некоторых предприятиях, к сожалению, администрация не выполняет эту обязанность. Наряды рабочим выдаются не перед началом работы, а в конце месяца. Иногда оформление сводится к тому, чтобы подогнать заработок под определенный уровень независимо от того, какая работа фактически выполнена. Интересы добросовестных рабочих при этом ущемляются, а недобросовестные уравниваются с передовиками. Ясно, что такая практика не имеет ничего общего с принципом оплаты по труду, с материальным стимулированием.

В 1975 году на страницах газеты «Труд» в течение нескольких месяцев обсуждались недостатки в оформлении нарядов. Рабочие многих предприятий из разных городов подвергли критике бытующую практику в этом деле. Ее существо красноречиво отражено в заголовках заметок, писем трудящихся: «Зарплата с потолка», «Задним числом», «Липовая экономия», «Филькина грамота», «Под одну гребенку» и тому подобное. Общий смысл этих критических писем сводился к тому, что нарушение правил заполнения нарядов ведет к уравниловке, либеральному отношению к прогульщикам, снижению материальной заинтересованности рабочих.

Стимулирующее значение сдельной оплаты во многом зависит от состояния технического нормирования.

Нормы выработки (времени), обслуживания и нормативы численности рабочих и служащих устанавливаются с учетом достигну-

того уровня техники, научной организации труда и производства, передового опыта работы. Пересмотр этих норм — один из основных путей (наряду с заменой оборудования, установкой новых станков, автоматических линий и тому подобное) повышения производительности труда.

Необходимо подчеркнуть, что пересмотр норм выработки не должен ущемлять интересы работника, вести к снижению уровня заработной платы.

О введении новых норм выработки (времени) и норм обслуживания рабочие и служащие должны быть извещены не позднее чем за две недели. Это дает работникам возможность освоить то новое в технике и технологии, в организации труда и производства, что послужило основой пересмотра норм.

Законодательство предусматривает не только гарантии интересов рабочих и служащих, но и меры, призванные материально заинтересовать их в повышении производительности труда, в освоении новых, технически обоснованных норм: для рабочих и служащих — авторов изобретений или рационализаторских предложений, изменяющих технические нормы и расценки, прежние расценки сохраняются в течение шести месяцев. Работникам, которые оказали им помощь во внедрении изобретений и предложений, прежние расценки сохраняются в течение трех месяцев.

За выполнение и перевыполнение технически обоснованных норм предусматриваются более высокие премии по положениям о премиальной системе заработной платы.

Для молодых рабочих могут устанавливаться пониженные нормы выработки. Причем если это нормы технически обоснованные, то и в период действия пониженных норм для молодых рабочих может вводиться премирование за их освоение.

Важным стимулом повышения производительности труда служит материальное поощрение за обслуживание того же или большего количества станков, агрегатов при уменьшении количества работников. Трудовое законодательство предусматривает доплату за совмещение профессий, повышенную оплату при многостаночном (сверх установленных норм) обслуживании.

В повышении производительности труда все большую роль играют моральные стимулы. На необходимость более полного сочетания материальных и моральных стимулов и усиления их воздействия на эффективность производства, рост производительности труда и улучшение других показателей работы указывается в решениях XXV съезда КПСС.

К моральным стимулам относятся прежде всего меры поощрения,

предусмотренные в статье 55 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, в правилах внутреннего трудового распорядка и в уставах о дисциплине (действующих в некоторых отраслях народного хозяйства), такие как: объявление благодарности, выдача премии, награждение ценным подарком, Почетной грамотой, занесение в книгу Почета, на доску Почета и другие.

За особые трудовые заслуги рабочие и служащие представляются и награждаются орденами, медалями, почетными грамотами, нагрудными значками и к присвоению почетных званий.

Рабочим и служащим, достигшим наиболее выдающихся результатов в труде, присуждаются Ленинские и Государственные премии.

В повышении производительности труда, как и в достижении других трудовых успехов, необходимо искать и применять наиболее целесообразные формы сочетания материальных и моральных стимулов. Главное здесь в том, чтобы материальные и моральные стимулы применялись за действительно достигнутые успехи. Важен принцип справедливости: чтобы тот, кто недостоин, не оказывался в числе поощренных, а те, кто достиг высоких результатов, кто трудится добросовестно, не оставались без внимания.

Действенность материальных и моральных стимулов повышения производительности труда, правильное их сочетание в решающей степени определяется организацией социалистического соревнования. Здесь наиболее ярко проявляются активность и инициатива трудящихся, их сознательность, понимание важности поставленных задач. Благодаря социалистическому соревнованию выполняются и перевыполняются народнохозяйственные планы. Оно вносит существенный вклад в повышение производительности труда.

Сейчас в нашей стране производственные коллективы широко развернули соревнование за успешное выполнение плана, десятой пятилетки, за эффективность и качество производства.

«Борьба за эффективность и качество,— говорил Л. И. Брежнев на октябрьском (1976 год) Пленуме ЦК КПСС,— означает, что каждый советский человек, каждый трудовой коллектив должен добиваться наивысшей производительности труда, строго соблюдать производственную дисциплину и режим экономии, изо дня в день улучшать качество своей работы, качество выпускаемой продукции».

Соединение трудового подъема масс с материальной заинтересованностью, сочетание материальных и моральных стимулов повышения производительности труда и других трудовых показателей — решающие факторы выполнения социалистических обязательств и в конечном итоге десятого пятилетнего плана.

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Наблюдая за каким-нибудь поступком, мы в первую очередь воспринимаем зримые, физические действия. Скажем, кто-то спасает утопающего. Мы воспринимаем это так: человек бросается в воду, подплывает к утопающему, хватается за него и плывет к берегу. Как видите, мы восприняли лишь внешнюю форму поведения. Однако этого далеко не достаточно. Чтобы понять поступок, надо уяснить его смысл, то есть узнать, по каким мотивам и в каких целях человек решил совершить те или иные действия.

...Некто Борисов обвинялся в том, что похитил дамское пальто из гардероба клуба. Сам же он утверждал, что унес пальто в шутку и не успел его вернуть, так как был при выходе из клуба задержан.

— Объясните, Борисов, как у вас оказалось пальто Никитиной?

На вопрос следователя Борисов, высокий двадцатилетний парень, разводит руками:

— Так ведь я хотел пошутить! Выхожу из клуба, гляжу — в раздевалке пальто меховое. Ну, думаю, припрячу его и посмотрю, как хозяйка, то есть Никитина, метаться будет: караул, дескать, шубу украли! А на деле-то все иначе получилось. Я выхожу — а меня дружинники за руку: украл, говорят... Вон как все обернулось...

Борисов, тяжело вздохнув, выжидающе смотрит на следователя.

Что ж, и такое бывает. Парень хотел пошутить, а его задержали с пальто в руках и обвинили в краже. Произошла ошибка... Ошибка ли?

В повседневных бытовых ситуациях нет надобности глубоко вникать в смысл поведения окружающих людей, в истинные мотивы и цели их действий, устанавливать их психическое отношение к

тому, что они сделали. При расследовании же и судебном рассмотрении уголовных дел внутренняя, психическая сторона поведения человека выдвигается на первый план. И задача следователя и судей — раскрыть, расшифровать эту внутреннюю сторону.

Недаром В. И. Ленин писал: «Есть ли разница между убийством с целью грабежа и убийством насильника?.. Не зависит ли оценка того, хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия». Чтобы понять смысл действий человека, необходимо провести психологический анализ его поведения.

Вернемся к примеру с пальто. Без выяснения психологических элементов действия Борисова могли бы остаться «шуткой», о которой говорил обвиняемый. Чтобы точно установить, что же произошло, следователю надо было выяснить, по каким мотивам и в каких целях Борисов взял меховое пальто, уяснить смысл поступка Борисова, провести психологический анализ его поведения.

Следователь допросил потерпевшую Никитину, женщину средних лет. Она заявила, что с Борисовым не знакома и поводов для шуток у него не было. Дружинник, задержавший Борисова, рассказал, что, когда того остановили у выхода из клуба с меховым пальто в руках, Борисов стал утверждать, что оно принадлежит его сестре. Одновременно было выяснено, что пальто Борисов снял с ближайшей к двери вешалки, когда гардеробщик повернулся спиной к нему и не мог этого заметить. Таким образом, рядом доказательств были установлены истинный смысл противоправных действий обвиняемого и лживость его объяснения, что он якобы пошутил.

Установить истину следователю помогло тщательное изучение психологии правонарушения.

Что же такое психология правонарушения? Это характеристика внутренней стороны противоправного поведения. Каждое преступление, как акт поведения человека, имеет две стороны: внешнюю, то есть физические действия, и внутреннюю — психологическую. Кроме того, каждое правонарушение имеет объективные обстоятельства, которые можно наблюдать непосредственно, и субъективные, психологические обстоятельства, которые непосредственно не воспринимаются другим человеком.

Объективные обстоятельства — это место, время, орудия преступления, действия правонарушителя и последствия преступления.

Субъективные обстоятельства — это психическое отношение лица к совершенному им преступлению, то есть вина, скажем, в форме умышленного или неосторожного деяния, мотивы и цели правонару-

шения; иные психологические факты противоправного поведения, которые учитываются законом: сильное душевное волнение, особая жестокость и так далее.

Психологические факты поведения так же реальны, как и порождаемые ими поступки. Например, любой человек из собственного опыта знает, насколько реальны и значимы для него его цели, планы, чувства и переживания. Хорошо известно, что, например, цель (и план), возникнув вначале в голове одного или нескольких людей, в дальнейшем определяет судьбу производства, изготовление множества различных вещей и предметов. Поэтому цель, план и другие психологические факты поведения, в том числе и преступного, будучи невидимыми, являются не менее реальными, чем, скажем, следы, орудия и результаты преступления, которые непосредственно воспринимаются.

Это не случайно. Названные психические элементы «записаны» в нервных клетках мозга человека. Наука пока еще не научилась расшифровывать эти записи. Однако они хорошо известны каждому человеку на основе его жизненного опыта.

Волевой характер противоправного поведения и его отражение в законе. Итак, психика (сознание) личности — это регулятор деятельности. Она связывает воедино отдельные действия и поступки человека. Любое противоправное поведение направлено против интересов общества, государства, других граждан, посягает на социалистический правопорядок. Одновременно оно содержит все признаки обычной волевой деятельности.

Вполне естествен вопрос: как быть, если человек не хочет идти на преступление, а его принуждают, угрожая расправой над ним или его близкими? И тогда он совершает общественно опасное деяние против своей воли. В подобных случаях виновный также не освобождается от уголовного наказания. Однако совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения признается судом обстоятельством, смягчающим ответственность.

Может быть и другое: общественно опасное деяние совершено, однако сознание человека в этом не участвовало из-за душевного заболевания. Например, на улице психически больной напал на прохожего и нанес ему тяжелые ранения. Такой поступок не будет признан преступлением. Согласно статье 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, уголовной ответственности не подлежит тот, кто во время совершения общественно опасного деяния находился в состоянии невменяемости, то есть не мог отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими вследствие душевной болезни. Вывод о невменяемости может быть сде-

лан лишь на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы. Наказанию такой человек не подлежит. По назначению суда к нему применяются принудительные меры медицинского характера: помещение в психиатрическую больницу.

До сих пор мы говорили только об одном виде поведения — волевом, то есть о таком, которое сознательно управляется человеком. Но ведь человеку свойственны и другие виды действия: рефлекторные, инстинктивные и импульсивные.

Рассмотрим каждое из них в отдельности.

...Вы задумались о чем-то и дотронулись до раскаленного утюга. Вы еще не почувствовали боли, а рука сама, помимо сознания и воли, мгновенно отдернулась. Это и есть **рефлекторное** действие. Оно совершается автоматически, без участия нашего сознания. Иначе говоря — это действие-реакция.

Другие действия направляются инстинктами человека, который не осознает и не предвидит результата этих действий. Называются они **инстинктивными**. К ним относятся реакции приспособления к жизненным условиям, доведенные до автоматизма бытовые навыки и так далее.

Рефлекторные и инстинктивные действия — это неосознаваемые виды поведения, которые не носят волевого характера, и, следовательно, уголовная ответственность за них исключается.

Работник охраны Нестеренко, придя домой, по просьбе соседа стал исправлять выключатель в прихожей. Он взял отвертку, встал на лестницу и начал снимать выключатель. Ему мешала работать портупья. Нестеренко снял ее, вынул из кобуры пистолет и, отвинчивая одной рукой выключатель, другой стал передавать пистолет соседу, но при этом случайно дернул за курок. Раздался выстрел, которым Нестеренко был ранен. От испуга и боли он упал с лестницы на соседа и причинил ему тяжкое телесное повреждение. Уголовное дело на Нестеренко было прекращено, поскольку его действия, которыми были нанесены повреждения соседу, носили не волевой, а чисто инстинктивный, бессознательный характер.

Импульсивные действия часто называют действиями-разрядками, действиями-вспышками. Они характерны тем, что у человека вдруг возникают непреодолимые или трудно преодолимые побуждения совершать непродуманные поступки, то есть без предварительного осознанного решения. В чистом виде импульсивные действия, как правило, встречаются у психически больных. В их основе лежит неудержимое стремление удовлетворить болезненную склонность, а поступки, совершенные в таком состоянии, становятся не только непродуманными, но и бесцельными.

Нередко импульсивные действия свойственны также несовершеннолетним правонарушителям, не имеющим опыта для зрелой оценки жизненных обстоятельств. Так, у подростков 14—16 лет семейные неурядицы, ссоры с родителями, неудачные отношения с учителями, неблагополучие в межличностных отношениях («неразделенная любовь» и тому подобное) могут вызвать глубокие переживания и привести к антисоциальному поведению.

У взрослых психически здоровых, вменяемых людей импульсивные действия могут входить в качестве эпизодов в волевое поведение. Если подобные действия-вспышки совершаются вменяемыми людьми и вызываются или провоцируются неправомерным поведением самого потерпевшего, то следственные органы и суды выясняют, не находился ли человек в состоянии физиологического аффекта.

Физиологический аффект — это внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное травмирующими действиями других лиц. Это состояние может возникнуть у психически здорового человека, если его тяжело обидели, оскорбили. В результате у него может наступить состояние сильного нервного возбуждения, когда контроль за сознательным регулированием своего поведения ослабляется. И тогда человек совершает поступок, не учитывая в достаточной мере ни сложившейся ситуации, ни возможности наступления вредных последствий.

Состояние сильного душевного волнения признается обстоятельством, смягчающим ответственность.

Сильное душевное волнение не ведет к болезненному расстройству психики. Поэтому человек, совершивший в этом состоянии преступление, не освобождается от уголовной ответственности. Так, в статье 104 Уголовного кодекса РСФСР (подобные статьи есть в уголовных кодексах и других союзных республик) говорится о наказании за умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насильем или тяжким оскорблением или иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Такое убийство наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года. Это и понятно. Ведь вспышка гнева, не уничтожая сознательного, волевого характера поведения, в то же время заметно снижает присущий каждому здоровому человеку уровень сознания и контроля за своими действиями.

Психологическая структура противоправного действия, Итак,

противоправное деяние — это сознательный и управляемый акт поведения. Причем такого поведения, которым достигается определенная цель. Таким образом, между целью действия и его результатом есть взаимозависимость. Сама по себе цель еще не порождает результатов. Для ее достижения нужны реальные средства и действия человека. В. И. Ленин писал: «Цель через средство соединяется с объективностью». Вот почему результат является продуктом не просто замысла человека, а его физических действий и примененных при этом средств.

Результат действия по отношению к цели может быть или прямым, или побочным. **Прямой** результат тот, который входит в поставленную цель. Бывает он в умышленных преступлениях. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сказано, что преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий.

Побочный результат не входит в замысел виновного, а наступает от рассогласования между попыткой достигнуть желаемой цели и способом поведения. Побочный результат имеет место в преступлениях, совершенных по неосторожности, то есть когда человек предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывал на их предотвращение либо не предвидел возможности наступления таких последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

В качестве примера можно привести случай с водителем автосамосвала Назаровым. Возвращаясь в гараж после работы поздно вечером, Назаров видел двигавшуюся навстречу ему «Волгу». Вместо того чтобы пропустить машину и только после ее проезда повернуть, Назаров решил, что он «успеет проскочить», и выехал на перекресток. «Волга» и самосвал столкнулись. Трое пассажиров «Волги» получили тяжкие телесные повреждения.

Как видите, у Назарова не было цели причинить телесные повреждения пассажирам «Волги». У него была другая цель — быстрее приехать в гараж. Однако при осуществлении этой цели он допустил «просчет» в своем сознании, нарушил Правила дорожного движения и неосторожными действиями вызвал наступление тяжких последствий. Назаров был предан суду.

Таким образом, чтобы установить, виновен или не виновен человек в правонарушении, надо выяснить, был ли у него умысел, или

он совершил преступление по неосторожности, либо его вины вообще нет и он не должен нести ответственность.

В нашем законодательстве нет ни одной нормы, которая бы предусматривала уголовную ответственность за действия без вины. Привлечение к уголовной ответственности человека без учета его вины чуждо советскому уголовному праву и противоречит этическим воззрениям и моральным убеждениям советских людей.

Кстати сказать, до сих пор есть еще немало людей, которые считают, что необходимо предельно смягчать наказание или вообще не наказывать тех, кто совершил преступление по неосторожности. Такое мнение неверно. Мало того: в наше время, в век научно-технической революции, неосторожность приобретает особое значение в некоторых преступлениях. Действительно, бурное развитие современной техники — автотранспортной, авиационной, строительной, сельскохозяйственной и так далее — привело к тому, что в быту и на производстве появилось множество источников повышенной опасности. От людей, которые работают со всей этой техникой, требуется большая продуманность действий и внимательность.

Неосторожность ни в коей мере нельзя назвать несчастным случаем: ведь это такая степень непродуманности поведения, которая равнозначна социальной безответственности и разгильдяйству. Поэтому-то за совершение по неосторожности ряда правонарушений закон предусматривает уголовную ответственность.

Кроме внутренних фактов — вины, мотива, цели и тому подобного — в психологию правонарушения включаются и внешние факты поведения: способ совершения преступления, орудия преступления и так далее. Орудия, инструменты и механизмы участвуют в противоправном действии не только как физические предметы, а и как средства достижения преступником цели. Двойственность природы этих орудий — предметная и смысловая — позволяет говорить о них как о «немых свидетелях», которые помогают выявлять психологию преступного поведения.

Психология на службе правосудия. Теперь, когда мы узнали основные проблемы, связанные с внутренней стороной правонарушения, давайте посмотрим, как же наука психология помогает следователю и суду. Мы уже знаем, что противоправное поведение человека подчинено его психике. Иначе говоря, человек совершает действия и поступки по собственному желанию, исходя из тех целей, которые он ставит перед собой. Вот почему следователь и суд тщательно выявляют не только объективные, но и субъективные, психологические обстоятельства дела: форму вины, мотивы и цели

правонарушения. Для этого применяются психологический анализ и другие научные методы из общей и судебной психологии.

Метод психологического анализа основан на том, что у человека физические действия и их внутреннее содержание едины. Внешние признаки преступного поведения несут информацию, рассказывают о его внутреннем содержании. При восприятии этих данных происходит как бы их двойное отражение. Мы можем говорить о «почерке преступника», то есть об индивидуальных особенностях способа действия совершившего правонарушение. Или же среди нескольких участников преступления один выделялся особой жестокостью.

Но, конечно, кроме этих данных собираются и сведения об индивидуальных особенностях правонарушителя. Следователю и суду приходится тщательно изучать, как у преступника формировались его антисоциальные взгляды, привычки, черты характера, насколько правонарушитель был психологически подготовлен к преступлению. Здесь уместно привести слова известного философа Спинозы: «Обдумывая человеческие поступки, я всегда начинал не с того, чтобы смеяться, скорбеть или порицать, а с того, чтобы понять». А чтобы понять, порой необходимо изучать личную переписку преступника, даже прочитанные им книги с пометками «для себя» и «для других». Все это и многие другие методы позволяют органам следствия и суда проникнуть в «тайну» преступления, в его внутреннее, психологическое содержание. Вот почему работники правосудия не руководствуются одним лишь житейским «здравым смыслом». На службе правосудия находится судебная психология. В обыденной жизни, как мы уже говорили, люди в большинстве случаев не вникают в психологическую природу поведения окружающих. Это же иногда распространяется и на неправомерное поведение. Обсуждая какое-либо правонарушение, вывод обычно делают путем простого сопоставления факта с его последствиями, без проникновения в психологическую глубину совершенного проступка. Но для того чтобы правильно разобраться во всем, нужна определенная правовая культура. Вот почему не только судьям, следователям, прокурорам, но и каждому гражданину требуется запас правовых знаний, чтобы психологически правильно понимать и оценивать противоправные действия, с которыми, к сожалению, приходится еще встречаться в жизни.

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

Свободное слово

А

обрые слова заслужили хлеборобы нашей страны. В истекшем году неутомимые сельские труженики одержали огромную победу. С высокой трибуны октябрьского (1976 года) Пленума ЦК КПСС Л. И. Брежнев выразил им сердечную благодарность: «Спасибо за большой хлеб!»

Нелегкой была эта битва за большой хлеб. Ведь погодные условия сначала не радовали. Зима затянулась, весна была холодной и дождливой. Но люди победили. Потому что делали все возможное, чтобы отстоять урожай. И наиболее выгодные сорта засевали, и

ЯНТАРНЫЕ ЗЕРНА ПОЛЕЙ

применяли минеральные удобрения, и разумно использовали технику, и внедряли новые агрономические методы... Но главное — упорно трудились, не жалея сил своих.

Здесь, как и в любом деле, очень важно отношение самого человека к труду, своей работе. Если хлебороб бережет каждую рабочую минуту, выполняет порученное дело с душой, качественно, по-хозяйски использует технику, ресурсы на своем участке — из года в год будет снимать высокие урожаи. Труженики колхоза «Украина» Очаковского района (Николаевская область) за девятую пятилетку получили на круг по 25,8 центнера с гектара. О таких урожаях когда-то мечтали колхозники той же Николаевской области, да и других областей, в том числе и черноземной полосы.

Помнится мне разговор мужиков Липецкой области в довоенные годы:

— Ничего урожай, центнеров по 15 возьмем на гектар.— И мечтательно рассуждали дальше: — Вот бы унавозить хорошенько всю землю, да дождичек пошел бы — могучие хлеба поднялись бы.

В оглоблю! Ехал бы мужик на телеге — одна дуга и виднелась бы. Тогда центнеров по 25 вышло бы!

Ныне сыновья и внуки тех мужиков добились урожаев, о которых мечтали их отцы и деды. Только сорта теперь пошли другие — низкорослые, но урожайные. Так что «в оглоблю» не получается.

Колхоз «Украина» уже в девятой пятилетке перевалил рубеж 25 центнеров с га. И это для него не предел. В десятой пятилетке потечет из Буга вода по каналам, заполнит местные водоемы, и тогда колхозу представится возможность оросить значительную площадь своих земель. Можно будет поддержать влагой культуры в засушливое время. А уж за людьми дело не станет.

— У нас колхозники на работу охотно идут,— говорит председатель колхоза Герой Социалистического Труда Иван Семенович Шевченко.— Без особого приглашения, по собственному желанию.— И, улыбаясь, добавляет: — Земля-то их, родная...

Конечно, родная земля дорога тем, кто на ней родился и вырос. Но, несмотря на привязанность, любовь к родным местам, к землематушке, из иных колхозов все еще уезжают люди, особенно молодежь, в города, на производство, стройки. Говорят: дышите тут чистым воздухом, пейте парное молоко, ешьте свежие овощи и фрукты, а с нас хватит. Нам, мол, перспективу подавай, жизнь интересную.

— Из нашего колхоза не бегут,— продолжает разговор Иван Семенович.— Ни старые, ни молодые. Наоборот, прибывают новые силы. С 1950 года влилось в колхоз около 50 процентов новых работников. В чем тут секрет? Скажу. Платим за труд неплохо и заботимся о людях. Стараемся изо дня в день улучшать их быт и условия труда. К человеку — по-человечески. Тогда и он в долгу не останется.

Какие же заработки в колхозе «Украина»? Сразу ответчу: приличные. На круглый год у механизаторов в среднем приходится по 150—170 рублей в месяц, а заработок лучших работников животноводства достигает 250—280 рублей в месяц. Поставлено так: сколько сделал, столько и получай. Но не гони гектары ради длинного рубля, не соблазняйся одним количеством выработки. Где пропахал, где не пропахал, где промолотил, а где не обмолотил — не годится так. Давай гектары с толком, не забывай при этом о зерне — конечном продукте труда. Добывай литры молока, но помни и о его жирности. Без качества — ни шагу. А перевыполнил задание с высоким качеством — получай доплату, премии всякого рода. К примеру, в конце года от чистой прибыли идет на выплату премиального вознаграждения 15 процентов. И если в году трудился

по чести и совести, то есть выполнял и перевыполнял производственные задания с высоким качеством, работал с творческим увлечением, подавал рационализаторские предложения — получай, дорогой товарищ, вознаграждение за свой усердный труд.

А животноводам и полеводам за сверхплановую продукцию еще выдается премия — 20 процентов стоимости продукции.

И шоферы, механизаторы не обижены: начисляют им определенную сумму за экономию запчастей и горючего. Ясно, если заслужили.

Платят еще механизаторам и животноводам надбавку за выслугу лет. Работай здесь постоянно, не рвись в город или дальние края, не прыгай в колхозе с места на место — будешь иметь надбавку до 15 процентов зарплаты (в зависимости от стажа на этой работе).

В общем, как по Основному Закону — Конституции СССР: оплата труда в соответствии с его количеством и качеством.

Но разве одним рублем, материальной заинтересованностью согреешь душу, поддержишь трудовую радость? Иной скажет: пошли вы со своей деньгой... За рублем человека не видите. Кинули премию — и отваливай. А мне, мол, теплое слово дороже. Сделал хорошо — отметь при людях, скажи пару добрых слов.

Делается и это в колхозе «Украина». Одновременно в полной мере используются оба, так сказать, рычага трудовой активности, как говорится в законе, материальные и моральные стимулы труда.

Начнем с того, что передовому работнику, скажем трактористу, вручается красный флажок. И пока тракторист по показателям идет впереди всех, красный флажок развевается на его тракторе. Горит огоньком над самым радиатором. А если кто его обогнал, флажок передается уже тому передовику. Лучшая бригада награждается переходящим Красным знаменем. В честь победителей в социалистическом соревновании по итогам за месяц на центральной площади села Каменка поднимается Флаг трудовой славы. Тут

Иван Семенович Шевченко

же рядом — витрина знатных людей колхоза. Смотри и любуйся — 48 крупных фотографий передовиков колхозного производства! Среди них орденосцы: заведующая скотно-товарной фермой № 2 Анна Кондратьевна Мусиенко, кузнец Михаил Антонович Серепухин, шофер Виктор Тихонович Чоков, доярка Нила Семеновна Жданова, оператор откорма крупного рогатого скота Евдокия Ивановна Снегур и другие. Здесь много тружеников, удостоенных наград. Из 1019 трудоспособных более 150 человек отмечены орденами и медалями.

О добрых делах знатных передовиков рассказывается в многотиражке, которую выпускает колхоз.

Нила Семеновна Жданова. Она работает на молочно-товарной ферме десять лет. Ежегодно обеспечивает удои молока от каждой коровы по 3500 литров. За успехи в труде в 1974 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Евдокия Ивановна Снегур на откорме скота уже двадцать лет. Средний привес закрепленного за ней скота — 600—650 граммов в сутки на голову. За доблестный труд награждена двумя орденами Ленина. Была участницей Выставки достижений народного хозяйства СССР.

Старания сельских тружеников прославили и сам колхоз «Украина». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1967 года за достигнутые успехи в развитии сельскохозяйственного производства колхоз награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«За достигнутые успехи...» Каковы они? Из года в год крепла экономика колхоза. Росло поголовье животноводства, поднималась урожайность культур. От реализации продукции в девятой пятилетке колхоз получил 19 689,5 тысячи рублей, а чистый доход составил 7 359 тысяч рублей. Это позволило делать крупные отчисления на капитальное строительство, увеличить оплату человеко-дня.

— Народ теперь зажил крепко, — говорят колхозники.

Изменился лик села Каменки. Да и весь сельский быт. Память еще свежо хранит картины жизни в недалеком прошлом. До войны, да и после, пока восстанавливали разрушенное хозяйство и жилые дома, в селах почти повсеместно не было электричества. В избах горела керосиновая лампа. Зимой замерзшие окна светились тусклым желтоватым светом. В домах одна-две комнаты. Русская печь — в пол-избы. На ней отогревалась зимними вечерами промерзшая на улице ребятня.

В Каменке до 1941 года и в послевоенный период также не

было ни электричества, ни техники. И жили колхозники, как и во всех селах. Какая же сейчас Каменка — село колхозное?

Когда въезжаешь на центральную улицу, удивленно оглядываешься. «Какое же это село? — думаешь. — Поселок городского типа. Не иначе». Тротуары и дорога асфальтированы. По обеим сторонам улицы стоят среди кустарника, фруктовых и декоративных деревьев двухэтажные дома с лоджиями, облицованные желтоватыми керамическими плитами. Компактные, удобные, красивые. Прямо виллы. В домах все удобства — водопровод, ванна, электрический свет, водяное отопление, газ, правда привозной. Все честь по чести, как в городе...

И все-таки это село. Временами голосисто поют петухи, на окраине лают собаки. Нет-нет да прогрохочет по асфальту конная упряжка. На бездорожье, в глухих уголках буйно прет из земли лопух, конский щавель и другое дикое разнотравье. В километре, на пригорке, виднеются животноводческие фермы...

Квартиры этих вилл-домов, естественно, не переходят в личную собственность колхозников. Жители платят квартплату, не больше чем в государственных домах, и эти квартиры остаются на балансе колхоза. Но если не хочешь жигь в общественном доме — живи, пожалуйста, в своем личном. Колхоз поможет построить, причем половина стоимости дома оплачивается из общественного фонда, а вторую половину (если она не была выплачена колхозником в период строительства и дом целиком построен на средства колхоза) правление может разрешать погашать в рассрочку.

Однако еще не все колхозники живут в благоустроенных домах. Поэтому колхоз намерен продолжать строительство жилья общественного фонда и оказывать помощь колхозникам в постройке индивидуальных домов.

В центре Каменки выло-

Евдокия Ивановна Снегур

женная цементными плитами площадь. На ней стоит памятник Ленину. Возле него летом пестреют цветы, благоухают розы. Невдалеке фонтан. А вокруг этой площади выстроены административные, бытовые и культурные здания. Здесь и правление колхоза, и комбинат бытового обслуживания, и колхозный музей с примкнувшими к нему бильярдной и тиром, и универмаг, и продовольственный магазин, и двухэтажное кафе с окнами во всю стену.

К услугам сельских жителей и Дворец культуры. В нем ежедневно демонстрируются кинофильмы, проводятся вечера отдыха. Зрительный зал на 500 мест вмещает всех желающих. Молодежь во Дворце занимается художественной самодеятельностью, физической культурой, спортом. Приходи каждый желающий, милости просим, открывай свои таланты.

При Дворце культуры — спортивные секции, духовой оркестр, хоровой коллектив, вокально-инструментальный ансамбль, драматический кружок, агитбригада и ансамбль бандуристов. Есть и библиотека с фондом — 13 тысяч книг.

Молодежи не только создают условия для культурного отдыха и духовного роста, но и помогают приобрести знания, специальность. При колхозе созданы курсы трактористов, есть вечерняя школа. Хочешь учиться дальше — поезжай. Колхоз направит в профессионально-техническое училище, техникум либо вуз. И материально поддержит.

Для детей запланирована новая школа на 850 мест. При ней будут интернат на 200 мест, столовая, мастерские, спортзал.

Строятся новые скотные дворы: коровник на 1200 голов с родильным отделением и свиноводческий на 1000 голов (дополнительно к имеющимся). На новых фермах все трудоемкие процессы будут механизированы. Так что труд людей облегчится, хотя и сейчас на животноводческих фермах многие работы выполняют машины.

В бригадах и на фермах для работников готовятся горячие обеды. Кормят там отменно, не хуже, чем в хорошем ресторане, а обеды стоят 20 копеек. Стоимость обедов удерживается из заработка колхозника в конце года.

Верно сказал председатель: забота о трудовом человеке в колхозе — первейшая задача. В этом глубокий смысл. Вся социальная программа, принятая XXV съездом КПСС, нацелена на дальнейшее повышение благосостояния советских людей. И в расчет принимается то, что улучшение условий жизни народа окупится сторицей. «Выдвигая широкую социальную программу,— говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— партия исходит из того, что ее выполнение будет способствовать повышению трудовой активности рабо-

чих, колхозников и интеллигенции, послужит новым стимулом лучшей работы каждого».

Вот такая взаимосвязь и наблюдается теперь в колхозе. Сельские труженики много получают от колхоза, и отдача у них большая.

Жизнь колхозников «Украины» не сразу пошла в гору. Колхоз постепенно набирал силы. Люди поняли зависимость условий жизни от собственного труда. Стали работать с каждым годом лучше, продуктивнее, извлекая наибольшую пользу от затраченного времени и вложенных усилий.

Секретарь парткома колхоза Яков Никифорович Чумак рассказывал, что человек для себя, личного хозяйства иногда

с устатку не старается сделать получше, авось дело потерпит, руки еще дойдут, а для колхоза — нет! Нельзя делать как-нибудь, лишь бы сошло. Совесть не позволит. Его труд всегда на виду, на глазах у всего народа, и он своей чести не замарает. Вот почему нерадивые в колхозе не приживаются. Как приехал, так и уехал. Если не хочет шагать в ногу со всеми. Начинает его коллектив перевоспитывать, а он сразу ходу из колхоза. Поехал искать где полегче, послабее дисциплина.

Был такой случай. В колхоз приехала семья Севастопольских. Их обеспечили жильем. Отцу и матери семейства сразу предоставили работу: ему — в бригаде сантехников, а ей — на молочнотоварной ферме. Но, к сожалению, оказанного им доверия не оправдали. Она с первых дней систематически опаздывала на работу, небрежно исполняла свои обязанности. На замечания заведующей фермой не реагировала. Когда муж приходил к жене на работу помогать, заступался за нее и не скупился на угрозы: «Я вам так сделаю, что и косточек не соберете».

Их поведение обсуждали на собрании. Разговор был суровый:

Нила Семеновна Жданова

либо исправляйтесь, либо уезжайте из колхоза. Они предпочли уехать.

В успехах колхоза много заслуг и самого председателя, Ивана Семеновича Шевченко. Двадцать пять лет работает в этой должности! Награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, «Знак Почета». Участник III съезда колхозников. Опытный руководитель, требовательный, деловой. Работать в колхозе начал, как говорят, с низов, с рядового механизатора. Исключительная у него трудоспособность (встает раньше всех и позже всех ложится), знает задачи всех звеньев, участков. Расчетливо, по-хозяйски решает вопросы. Рассказывали колхозники, как ругался прораб Николаевсельстроя: «Скорее бы уехать отсюда. Никогда не видел таких придиричивых».

Это он об Иване Семеновиче. Председатель заставлял прораба переделывать работу. Знает цену каждому колхозному рублю. Колхозники говорят: «Иван Семенович считать умеет. Прижимистый мужик». И других учит беречь народное добро. За все время существования автопарка списали только одну автомашину.

Как-то побывал я в одном колхозе Курганской области. Видел там опрокинутый в кювет комбайн. Поинтересовался, что же произошло. Оказывается, комбайнер соседнего колхоза отгонял комбайн в ремонт и под пьяную руку перевернул его на дороге. Так и лежал он несколько дней вверх колесами, свидетельствуя о людской неблагодарности и бесхозяйственности. В колхозе «Украина» этого не случилось бы. Здесь берегут даже солому. После уборки урожая ее не жгут на полях, как в некоторых колхозах, а скирдуют и хранят на случай нехватки кормов. В иной год с кормами бывает туговато, и люди не хотят рисковать. Животноводство — очень доходная отрасль, обогащает колхоз ежегодно. И хорошие урожаи оправдывают и ранние весенние заботы, и горячий летний труд, и напряженные работы осенью. Оправдывают и приносят радость. Когда янтарные зерна, еще пахнувшие солнцем, густым потоком сыплются в кузов машины, комбайнер, да и всякий другой хлебороб, испытывает истинное наслаждение. Его стараниями добыто людям, государству золото колхозных полей.

Ради всего этого и трудятся люди колхоза «Украина», преданные кормилице-земле.

В. ТОНКИХ

нам пишут

С ЛЮБОВЬЮ К ДЕЛУ

Первое, что бросается в глаза, когдаходишь в детскую комнату милиции, расположенную по улице Юбилейной в Березниках, — это обилие зелени, живых цветов. Красочно оформленная наглядная агитация. В комнате телевизор, шкаф с книгами и журналами, детские игрушки. Одним словом, есть чем заняться ребенку или подростку, по какой-либо причине оказавшемуся в этой комнате.

В том, что здесь создан такой уют, большая заслуга старшего инспектора детской комнаты Надежды Георгиевны Апанович. Очень отзывчивая по натуре, она любит свое дело и отдает ему все силы и способности. В милицию пришла с производства, по комсомольской путевке. Трудно, конечно, пришлось на первых порах. Не хватало опыта, знаний. Своими наставниками Надежда Георгиевна по праву считает бывшего инспектора детской комнаты Валентину Владимировну Рудакову и заместителя начальника уголовного розыска майора милиции Виктора Федоровича Волосатых. Кропотливо они учили ее трудному искусству перевоспитания подростков, вставших на неправильный путь. И главное, на что обращали внимание, — в одиночку она ничего не добьется. Надо действовать в тесном контакте с общественностью.

Надежда Георгиевна последовала этому совету, сейчас у нее солидный актив — сорок один внештатный помощник. Это в основном учителя школ, воспитатели детских клубов при домоуправлениях, представители предприятий города.

В пяти средних школах созданы и постоянно работают отряды юных друзей милиции. В каждом из них насчитывается от тринадцати до восемнадцати человек. Они проводят рейды, шефствуют над трудновоспитуемыми подростками. Особенно хорошо организована эта работа в отряде ЮДМ при школе № 30.

Есть в детской комнате совет общественности, который обсуждает наиболее важные вопросы по перевоспитанию подростков. Эта работа строится в тесном контакте с комиссией по делам несовершеннолетних при горисполкоме. Большое внимание Надежда Георгиевна уделяет пропаганде юридических знаний. Она — частый гость в школах и ПТУ, где с учащимися проводит беседы на правовые темы.

Каждый факт правонарушения подростков тщательно анализируется старшим инспектором детской комнаты и ее добровольными помощниками. В чем причина их неблаговидного поведения? Виновата ли в этом школа? Или семья? И что нужно сделать для того, чтобы не допустить подобного в будущем? Эти нелегкие вопросы приходится решать каждодневно.

Благодаря своевременному вмешательству Надежды Георгиевны Апанович и ее активистов немало подростков исправились и стали на правильный путь. Приведу лишь несколько примеров.

Павел Г. в свое время хулиганил, за что доставлялся в детскую комнату милиции. Надежда Георгиевна много с ним беседовала, убеждала его изменить свое поведение. Ее доброе слово возымело действие — подросток исправился. Сейчас он успешно учится в профессионально-техническом училище, ведет себя хорошо, увлекается радиотехникой.

Таня Х. вела аморальный образ жизни. При помощи работников детской комнаты и комиссии по делам несовершеннолетних была трудоустроена на комбинат бытового обслуживания. Девушка осознала прошлые ошибки. Сейчас она живет и работает в Ленинграде, отсюда недавно на имя Надежды Георгиевны Апанович прислала поздравительную открытку, в которой благодарит за напутствие.

Владимир К. более полугодом нигде не работал и не учился. Благодаря стараниям работников детской комнаты милиции исправился и трудится на предприятии. Изменили свое поведение и неплохо работают в геологоразведке Саша К. и Виктор И.

Большая и полезная работа проводится в детской комнате милиции на улице Юбилейной. Не случайно на областном смотре детских комнат милиции ей было присуждено первое место.

...Давно ли, кажется, Надежда Георгиевна пришла работать в милицию, а ныне она уже считается здесь одним из самых опытных работников. Неустанно повышает и свой теоретический уровень, заочно учится на пятом курсе Пермского отделения факультета заочного юридического обучения Академии МВД СССР. Сама уже является наставницей, передает свой опыт молодому инспектору Секлетине Федоровне Ельцовой. В коллективе Надежда Георгиевна пользуется авторитетом.

г. БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

В. КОШКИН

Когда подросток нарушил закон

Подросток совершил преступление. Вдумаемся в смысл этих слов: совсем юный гражданин нашего государства, только вступающий в сознательную жизнь, уже нарушил закон.

Практика показывает, что из числа привлеченных к судебной ответственности несовершеннолетних большинство впервые совершает преступления, причем зачастую малозначительные, не представляющие большой общественной опасности. В это время подросток еще не является глубоко испорченной личностью. Вот почему суд, как указывается в законе, может применить к нему принудительные меры воспитательного характера.

Подчас несовершеннолетний переступает грань закона под чьим-то отрицательным влиянием. Значит, этому вредному влиянию нужно противопоставить положительное нравственное воздействие. Такую задачу и призваны решать общественные воспитатели...

Идет собрание коллентива Красноярской трикотажной фабрики. Обсуждается вопрос о выдвигении общественных воспитателей. Единодушно рекомендованы для этой работы К. К. Костромынина и Я. А. Бугрей.

У Клавдии Константиновны большой жизненный опыт. На фабрике работает инструктором. Она же председатель цехнома. Многие годы была наставником молодежи. Ударник коммунистического труда. Трудовой стаж — около сорока лет. Дважды отмечена государственными наградами.

Добрые слова можно сказать и о Якове Алексеевиче Бугрее. Инженер по оборудованию. Активный общественник. Председатель группы народного контроля и заместитель секретаря парторганизации. Учится в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Из этих характеристик видно, что коллектив трикотажной фабрики со всей ответственностью подошел к выдвижению кандидатур общественных воспитателей. Совсем иначе отнеслись к этому важному делу на кондитерско-макаронной фабрике. Когда выдвинутых для работы воспитателями людей пригласили в райсовет, они заявили, что отказываются от поручения. К просьбе комиссии по делам несовершеннолетних заменить отказавшихся руководители коллектива фабрики несколько месяцев оставались глухими.

Общественный воспитатель назначается подростку, совершившему правонарушение, но освобожденному от уголовной ответственности по каким-либо причинам, а также осужденному условно или к мере наказания, не связанной с лишением свободы, либо возвратившемуся из мест лишения свободы, из спецшколы или спецучилища, детского дома, школы-интерната. У Костромыкиной, например, подопечный — Андрей Н., семнадцати лет, два года назад был осужден условно.

Общественный воспитатель обязан помогать родителям в воспитании несовершеннолетнего. Некоторые отцы и матери, не умеющие повлиять на своего ребенка, нуждаются в такой помощи. Но встречаются и такие, которые равнодушно относятся к детям. К сыну жительницы Красноярска Н. прикрепили общественного воспитателя. Она отнеслась к этому совершенно безразлично. Когда общественный воспитатель пришел к ним домой, она даже не пожелала с ним разговаривать.

По вине матери парень уволился с работы, куда был устроен с помощью общественности. Поразительное равнодушие к судьбе сына! С таких нерадивых родителей надо строго взыскивать.

Сложен и ответствен труд общественного воспитателя. Вот что рассказывает Янов Алексеевич Бугрей:

— Свою работу я начал не с подопечного, а с его родителей. Выяснилось, что отец нередко пьянствует. Пришлось в отношении его через соответствующие органы принять меры административного воздействия. После этого он пить стал меньше.

Я не раз бывал у него дома и на работе. Часто беседовали о жизни, о его планах. И парень постепенно стал меняться в лучшую сторону. Больше начал читать. Решительно порвал с прежними приятелями. Конечно, о полном его исправлении говорить еще рано, но начало уже есть. Пробудить в человеке добрые ростки, помочь ему определить место в жизни — трудно, наверное, найти более почетную задачу!

Г. ЕЛИЗАРЬЕВ,
прокурор Красноярского края,

П. БОЧИЛЛО,
прокурор отдела

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Конституция СССР провозглашает всеобщую воинскую обязанность законом, священным и почетным долгом граждан нашей страны.

Советская Армия, родившаяся в суровые дни революции в жестоких схватках с врагом, не только отстояла великие завоевания Октября, независимость своей социалистической Родины, но и с честью выполнила благородную интернациональную миссию, освободив народы Европы от фашистского рабства. Всем этим Вооруженные Силы СССР снискали себе глубочайшую любовь и уважение советских людей, всего прогрессивного человечества.

Последовательно выступая за мир и разоружение, наше государство вместе с тем исходит из того, что опасность агрессивных войн в современном мире пока не исключена. Именно поэтому мы придаем большое значение укреплению обороноспособности страны и повышению боевой мощи Советской Армии.

...Каждый год молодые парни уходят на действительную военную службу. Уходят в прославленную «царицу полей» — пехоту, на подводные лодки, в ракетные части с родительскими напутствиями, с наказом — честно и беззаветно беречь мир и счастье советских людей.

Познав под руководством командиров нелегкие азы ратного дела, молодые солдаты у овеянных славой боевых знамен торжественно присягают на верность своему народу и Родине: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик... клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни...»

Эти исполненные высокого гражданского смысла слова наши воины каждодневно претворяют в жизнь, добросовестно изучая военное дело, всемерно повышая готовность Советской державы в любой момент дать сокрушительный отпор агрессору.

Достойный вклад в выполнение столь ответственной задачи вносят десантники, которые занимают в солдатском строю армии одни из самых передовых позиций. Цветные иллюстрации номера рассказывают о боевых буднях одной из наших десантных частей.

На верность Родине, на верность народу присягает перед строем однополчан молодой солдат Владимир Маронов.

**От тренажера (снимок сверху)
до первого прыжка с пара-
шютом.**

**Боевую машину тоже надо го-
товить к десантированию. ▶**

Есть о чем рассказать молодым воинам-десантникам ветерану части, участнику Великой Отечественной войны прапорщику Н. Г. Жилкину.

Фото В. ЗИМИНА, М. ШИШАНОВА.

БОЛЬШИЕ ПРАВА ДОЗОРНЫХ

«Дорогая редакция, весной 1976 года нас избрали народными контролерами. За работу взялись с большой энергией — хотелось оправдать доверие товарищей. Сделали уже немало: выявили неполадки в хранении инструментов и смазочных материалов, потребовали их устранения, провели рейды-проверки использования рабочего времени, содержания рабочих мест. Результаты этой работы освещались в молниях и листках народного контроля, где здорово досталось лодырям и бракоделам. Но когда мы сказали об этом начальнику цеха и предложили внести кое-какие изменения в организацию работ, то он нам ответил, что мы, дескать, несколько «перегибаем палку», превышаем свои полномочия.

Хотелось бы на страницах вашего журнала прочесть о правах и обязанностях народных контролеров, узнать об опыте работы своих коллег на других предприятиях».

СВЕРДЛОВСК

**В. АКИМОВ, Ю. КИСЛОВ,
народные контролеры**

С подобными просьбами в редакцию обращаются и другие товарищи, выполняющие миссию дозорных. Мы попросили ответить на вопросы наших читателей заместителя заведующего организационным отделом Комитета народного контроля СССР Владимира Тимофеевича Степанова.

Предоставляем ему слово.

М

ногое ли может сделать в своем трудовом коллективе группа народного контроля? Судите сами. Однажды на Канашском заводе синтетических строительных материалов увеличился брак готовых изделий. Выяснить причину было поручено народным контролерам М. Зубановой и З. Ногачевой. Они проверили

все операции в технологическом процессе и пришли к выводу, что нежелательные примеси, способствующие браку, попадают в сырье на складе, где смола выгружается прямо на бетонный пол. Группа народного контроля внесла предложение администрации покрыть пол специальным составом. В результате брак сократился вдвое.

Это — один из примеров использования группами и постами народного контроля права ставить перед администрацией вопросы, которые возникают в результате проверок. Бывает и так, что недостатки устраняются прямо в ходе проверки самими народными контролерами, работающими здесь же, или при их участии. На том же заводе одно время плитки выходили из-под пресса с заусенцами. Выяснив, что причина этому — большой износ штампов, народные контролеры прессовщица Н. Яковлева и дежурный слесарь Н. Семенов, не дожидаясь ремонтников, сами заменили штампы, таким образом брак был устранен без простоев механизмов.

Группам и постам народного контроля предоставлено право участвовать в осуществляемых вышестоящими органами проверках и ревизиях производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятий, колхозов, учреждений и организаций, знакомиться с документами и материалами, характеризующими состояние дел на проверяемых объектах.

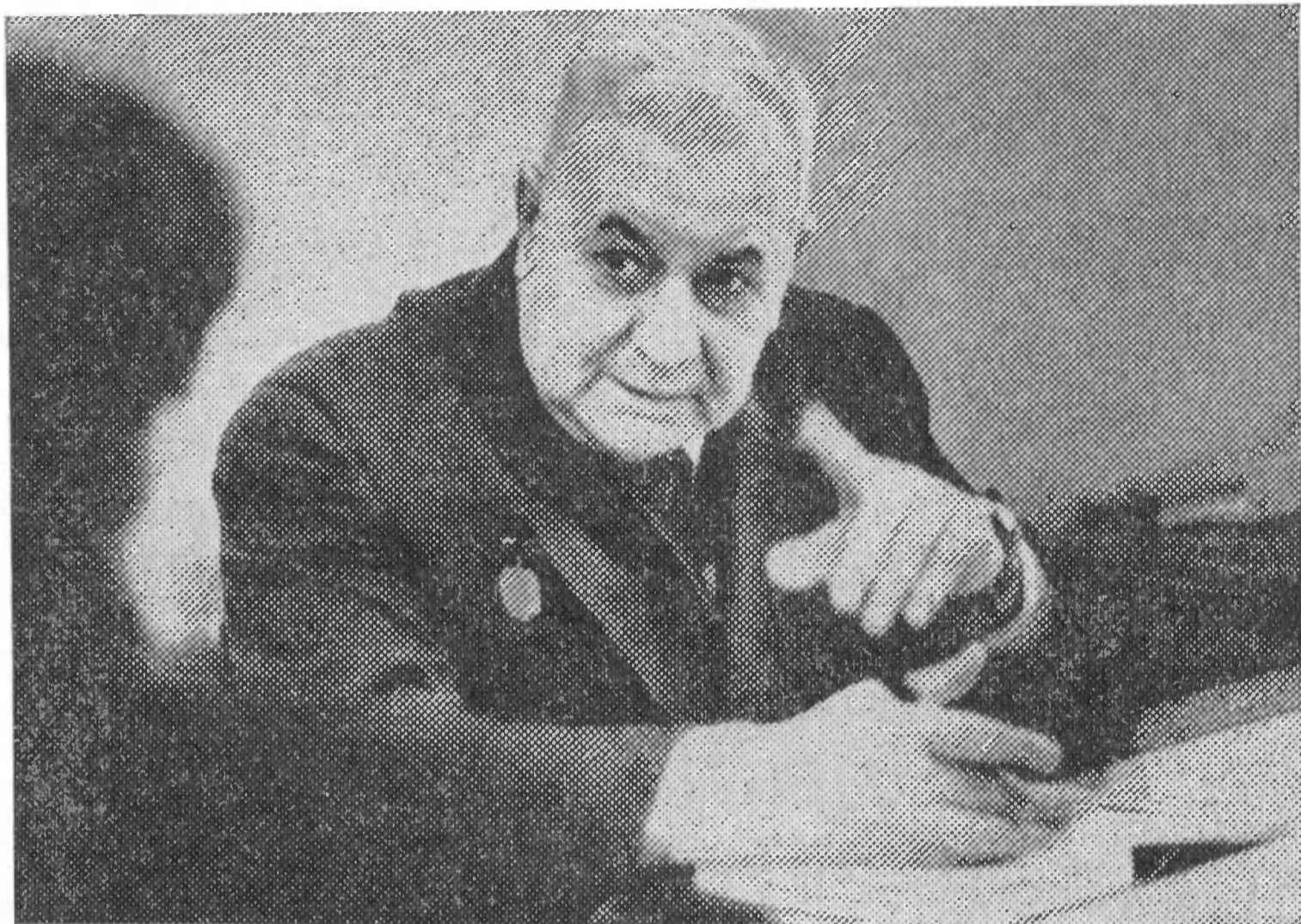
Например, одно время строительный участок, сооружающий Казанский пивоваренный завод, работал с убытками. Группа народного контроля с помощью специалистов проверила производственную и финансово-хозяйственную деятельность участка, подвергла критике мастеров и бригадиров за бесхозяйственность. Затем руководство участка разработало меры по снижению себестоимости строительства. Скажем, дорого обходились автотранспортные перевозки — народные контролеры проверили расчеты с автохозяйствами и добились пересмотра маршрутов, внесения исправлений в оформление путевых листов. Одно это позволило сократить затраты на полторы тысячи рублей. По инициативе группы администрация провела инструктивные совещания с работниками, ведущими учет материалов. Теперь на стройплощадках материалы принимают бригадиры, отмечая в накладных дату поступления бетона или раствора, его объем, марку. Такой порядок исключает возможность приписок в накладных. Мастера и прорабы всего управления стали глубже вникать в экономику своих участков, более рационально использовать строительные машины и механизмы. Стройучасток пивзавода успешно выполняет план. В первом квартале 1976 года себестоимость работ снижена на 5,2 тысячи рублей, в том числе тысяча рублей сэкономлена за счет бережного расходования материалов.

Так что начальник цеха, в котором работают авторы письма, был не прав, ответив народным контролерам, что они превышают свои полномочия. Такое непонимание задач дозорных и нежелание прислушиваться к их замечаниям может стать предметом обсуждения на партийном бюро цеха, завода. Ведь группами и постами народных контролеров руководят непосредственно первичные партийные организации, а также комитеты народного контроля. И залог эффективности работы дозорных в том, как парторганизации и комитеты направляют их усилия, реагируют на их сигналы, поддерживают в борьбе с недостатками.

Так, на партийном собрании в Кишиневском производственном объединении техизделий группе народного контроля было поручено разобраться в причинах неполного использования оборудования. Дозорные привлекли к этой работе опытных специалистов и вместе с ними проанализировали производственную деятельность объединения. Выяснилось, что только из-за неурядиц с поставкой сырья за год потеряно 12 тысяч станко-часов, были вскрыты и другие существенные недостатки в организации труда. Итоги проверки и предложения народных контролеров обсуждались на партийном собрании. С учетом замечаний дозорных усилен квалифицированными кадрами инструментальный участок, упорядочена работа ремонтников, улучшено снабжение запасными частями. В результате простой оборудования сократились на 15 процентов.

Группа народного контроля Уралвагонзавода (г. Нижний Тагил Свердловской области) выявила беспорядки в хранении и использовании оборудования. На собрании группы, где обсуждались итоги проверок, ответственные работники цехов дали объяснения о причинах недостатков и принимаемых мерах. Группа внесла предложение администрации завода строго наказать лиц, виновных в бесхозяйственности.

Рекомендации дозорных — это не благое пожелание, которое хочу выполню, хочу не выполню. В Положении об органах народного контроля в СССР записано, что руководители предприятий, колхозов, учреждений и организаций обязаны оказывать группам и постам народного контроля всемерную помощь в работе, рассматривать их предложения и принимать меры к устранению вскрытых недостатков. Группы и посты проверяют, как претворяются их предложения и рекомендации, отчитываются о проделанной работе перед коллективом. В принятом в 1975 году постановлении ЦК КПСС «О партийном руководстве органами народного контроля в Латвийской ССР» партийным и советским органам рекомендуется регулярно рассматривать доклады комитетов и групп народного контроля о

Пятнадцать лет заведует бюро жалоб Тульского областного комитета народного контроля ветеран Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов и медалей, полковник в отставке Ярослав Лаврентьевич Ярош. Он возглавляет важную работу по рассмотрению писем и жалоб трудящихся.

результатах проверок, соблюдении законности в хозяйственной деятельности, постановке ведомственного контроля. Руководители министерств и ведомств, предприятий и организаций должны безотлагательно устранять недостатки, выявляемые народными контролерами.

Народные контролеры широко применяют средства общественного воздействия, заставляют виновных держать ответ перед коллективом.

Народные контролеры имеют право заслушивать по итогам проверок объяснения лиц, виновных в срыве производственных планов и заданий, допустивших нарушения государственной дисциплины, бюрократизм и волокиту, бесхозяйственность и злоупотребления, объявлять им за это общественные порицания и обязывать их выступить перед коллективом с сообщением о принимаемых мерах. Но

бывают случаи, когда общественного воздействия оказывается недостаточно. Тогда дозорные обращаются в комитеты народного контроля и комитеты обязаны им помочь.

В таджикском городе Нуреке группа народного контроля базы тяжелых машин помогла партийной организации и администрации навести порядок в хранении и учете запасных частей, в организации труда. Она подняла тревогу по поводу того, что однажды на ремонте простояло длительное время 37 автомашин. Администрацией были приняты меры к сокращению сроков ремонта. Виновные в задержке работ понесли наказание. А вот по вопросам использования горюче-смазочных материалов группе пришлось обращаться в городской комитет народного контроля. Дело в том, что десятки тонн масла, которое после переработки можно было вновь использовать, из-за небрежного слива и хранения попадали в канализацию, а затем в реку Вахш. Городской комитет обсудил этот вопрос и обязал руководство базы наладить сбор масла, его регенерацию и вторичное использование.

Можно привести немало примеров того, как группы и посты, используя свои права, настойчиво и последовательно добиваются устранения выявленных недостатков. Народные контролеры производственного объединения «Белорускалий» под особое наблюдение взяли сохранность оборудования, запчастей, материалов. Они выяснили, что на площадках рудоуправлений небрежно хранятся металл, трубы, огнеупорный кирпич. На площадке № 2 ремонтно-механического цеха доставленное в ремонт оборудование перемешалось с тем, которое уже подлежало отправке. Обобщив итоги проверок, народные контролеры передали их со своими рекомендациями руководителям рудоуправлений. А через некоторое время проверили, как выполняются эти рекомендации, и убедились, что порядок наведен далеко не везде. Тогда дозорные обратились к администрации объединения, которая за плохое хранение оборудования и материальных ценностей лишила виновных премий и частично «тринадцатой зарплаты». Но и на этом не успокоились дозорные. С помощью городского комитета народного контроля они провели рейд. Его участники установили, что в некоторых производственных подразделениях оборудование сложено, но не законсервировано, ненужные механизмы не сданы вовремя на склад. Комитет объявил выговоры виновным, а на некоторых из них произвел денежные начеты. После таких мер обстановка значительно улучшилась.

Сами группы и посты денежных начетов не производят. Но они могут обращаться в комитеты народного контроля с предложениями о проведении более глубокой проверки финансово-хозяйственной

деятельности соответствующего предприятия, колхоза, учреждения, о приостановке явно незаконных распоряжений и действий должностных лиц, производстве денежных начетов, привлечении виновных лиц к ответственности и по другим вопросам.

Когда выявленные недостатки касаются не должностных лиц, а рядовых работников, дозорные передают материалы своих проверок на рассмотрение товарищеских судов. В совхозе «Куженерский» Марийской АССР народные контролеры установили, что один тракторист в ночное время перевез на совхозном тракторе лесоматериал частному лицу. Разрешения на это он ни у кого не спрашивал. Поведение виновного было обсуждено на товарищеском суде, и он был лишен администрацией премиальных по итогам года.

Группы и посты пользуются широкой поддержкой трудящихся, откликаются на их сигналы, на просьбы и предложения. Например, в группу народного контроля Рижского электромашиностроительного завода обратилась как-то работница литейного цеха. Она сообщила, что несколько лет лаборантка Н. Жукова получала льготную пенсию как якобы работавшая на участке с вредными условиями труда. Проверка показала, что из-за халатности старшего инспектора заводского отдела кадров в трудовую книжку Жуковой были внесены неверные записи, в результате ей незаконно было выплачено более четырех тысяч рублей пенсии. Ошибка была исправлена. Однако народные контролеры сочли нужным сообщить об этом факте в прокуратуру.

Органы народного контроля имеют право, более того — им вменено в обязанность систематически контролировать соблюдение должностными лицами порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, проверять состояние этой работы во всех министерствах и ведомствах, на предприятиях, в учреждениях, а также в колхозах и иных кооперативных и общественных организациях, привлекать к строгой ответственности лиц, виновных в нарушении законов, волоките, формализме, бюрократизме и невыполнении решений, принимаемых по предложениям, заявлениям и жалобам граждан. Эта их деятельность приобретает особо важное значение в связи с задачами, определенными ЦК КПСС в постановлении от 28 апреля 1976 года «О дальнейшем совершенствовании работы с письмами трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС».

Подлинный демократизм, пронизывающий всю деятельность органов народного контроля, проявляется не только в предоставлении им широких прав, но и в большой их ответственности перед избирателями — трудовыми коллективами. Трудящиеся на своих собра-

Активно работает группа народного контроля на тульском заводе «Прибой». Как правило, в нее входят передовики производства. Большое внимание дозорные уделяют качеству продукции. Они не только указывают на недостатки, но и помогают своим товарищам устранить их.

На фото вверху: народный контролер, оператор сборочного цеха Тамара Ивановна Теплякова (слева).

На фото внизу: народный контролер, наладчик автоматов механического цеха Юрий Васильевич Шеленков.

ниях дают наказы дозорным, намечают программу их действий на два года. Народные контролеры отчитываются перед избравшими их товарищами по работе.

Демократизм заключается и в том, что Положением об органах народного контроля в СССР предусмотрен и такой пункт: собрание или конференция представителей коллектива трудящихся по своей инициативе или по предложению группы, поста народного контроля могут досрочно отозвать члена группы или поста, если он не оправдал доверия.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что советские законы гарантируют каждому народному контролеру возможность спокойно исполнять свою почетную общественную обязанность, защищают его.

Приведу пример. Народные контролеры производственно-механизированной колонны треста «Молдинжремдорстрой» А. Каптуров и Е. Трубкин установили, что с разрешения начальника колонны Н. Белопотапова незаконно отпущено на сторону около 500 погонных метров газовых труб. Дозорные не дали «замять» дело, более того — выявили и другие нарушения. В селе Гыска Каушанского района колонна строила внеплановый объект, использовав для этого почти две тысячи метров дефицитных чугунных труб, предназначенных для плановых объектов. Руководитель колонны попытался скомпрометировать дозорных, необъективно информировал Министерство коммунального хозяйства республики о якобы плохой работе Каптурова как начальника пусконаладочного участка и добился освобождения его от занимаемой должности. Комитет народного контроля Молдавской ССР встал на защиту дозорных. За преследование народного контролера, нарушения государственной дисциплины по требованию комитета Министерство освободило от работы начальника колонны. Каптуров был восстановлен в прежней должности. Справедливость восторжествовала. «Любые попытки преследования народных контролеров, расправы над ними за общественную деятельность, зажима критики должны решительно пресекаться, а виновные в этом лица — привлекаться к строгой ответственности, вплоть до снятия с постов и предания суду», — записано в Положении об органах народного контроля в СССР.

Словом, партия, государство предоставляют народным контролерам большие права, которые позволяют им с честью выполнять их общественную обязанность.

письмо
с комментарием

На почве ревности

Дорогая редакция!

У нас в поселке на женсовете возник вопрос: несет ли человек ответственность за действия, совершенные на почве ревности? Разбирался случай. В молодой семье, где был ребенок, начались ссоры. Муж увлекся девушкой. Жена хотела с ней расправиться, но помешали соседи. Однако окна у нее в доме она все-таки перебила. Желая сохранить семью, женсовет решил ходатайствовать о переводе девушки в другую организацию «за разрыв чужой семьи».

Правильно ли поступили с девушкой?

Некоторые оправдывали действия жены, утверждая, что при сильном волнении на почве ревности человек может совершить и тяжкое преступление, например убийство, однако судить его за это не станут.

Ответьте мне, пожалуйста.

М. СЕРОВА,
БРАТСКИЙ РАЙОН
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

Напрасно некоторые товарищи считают, что за убийство, совершенное из ревности, человек не несет никакой ответственности. Напротив, уголовный закон предусматривает ответственность за подобное преступление. Убийство из ревности без отягчающих обстоятельств карается лишением свободы на срок от трех до десяти

лет (такая же ответственность предусмотрена и уголовными кодексами других союзных республик).

Мотивы преступления бывают разные: месть, зависть, ревность, корысть и другие. Но каков бы ни был мотив преступления, виновный не освобождается от уголовной ответственности. Однако выяснение мотива помогает установить причину совершения преступления. Причины, мотивы преступления суд принимает во внимание, назначая виновному наказание. Они могут быть расценены как обстоятельства, отягчающие ответственность, или, наоборот, смягчающие ее.

Установлена также ответственность за умышленное убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Уголовный кодекс РСФСР, например, за такое преступление предусматривает наказание до пяти лет лишения свободы или исправительные работы сроком до одного года (статья 104).

Более мягкое наказание, чем за умышленное убийство (статьи 102 и 103 кодекса), статья 104 УК предусматривает лишь при условии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного, заметьте, насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а не ревностью.

Совершение преступления на почве ревности по существу представляет собой самосуд, который по нашему законодательству преследуется.

За всякое преступление человек может быть наказан лишь по закону. И никто не вправе творить самосуд. Раскрытие преступления, изобличение виновного и его осуждение — задача государственных правоохранительных органов. Только органы внутренних дел, прокуратура и суд могут заниматься этим. Работники этих органов наделены законом соответствующими полномочиями.

В статье 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР указывается, что никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Против подозреваемого в преступлении лица возбуждается уголовное дело, затем ведется предварительное следствие. Собираются доказательства как изобличающие его в совершении преступления, так и оправдывающие. Когда же следствие заканчивается, уголовное дело передается в суд. И суд проверяет доказательства, оценивает их, и только он, суд, решает, виновен ли человек. Если виновен, суд осуждает, не виновен — оправдывает.

Автор письма сообщает, что жена разбила стекла в доме де-

вушки. За такие противоправные действия она должна нести ответственность.

Различаются аморальные поступки и преступления. Хотя те и другие причиняют вред людям и обществу в целом, борьба с ними ведется различными средствами. Против тех, кто игнорирует нормы морали, применяются меры общественного воздействия: обсуждение их поведения на собрании коллектива, публикация фельетона или статьи и другие меры. Можно и нужно публично осудить проступок, но не учинять самосуд.

Действия же преступника представляют повышенную опасность для общества. Потому борьба с ним ведется с помощью принудительной силы государства. Что касается позиции гражданина, то она в этом деле должна быть активной. Закон одобряет активную позицию в борьбе с преступностью. В нем, в частности, указано, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, признаются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности.

Из сказанного вовсе не значит, что советский гражданин вправе пресекать преступные действия и не вправе реагировать на аморальные поступки. Каждый человек должен быть нетерпимым ко всякому общественному злу, в том числе и к нарушениям норм морали. Но здесь уже его вмешательство ограничивается мерами убеждения, внушения. Письмо М. Серовой не позволяет нам судить, что же произошло. Была ли тут любовь, увлечение или легкомысленное поведение? Во всяком случае, больше виноват тот, кто забыл о семье, о ребенке. С ним и следовало бы выяснять отношения (без битья стекол, разумеется).

Теперь о решении женсовета. Оно неправильное, противоречит закону. Ходатайство о переводе девушки в другую организацию «за разрыв чужой семьи» не может быть удовлетворено. Согласно статье 13 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, перевод работника в другую организацию допускается только с его согласия.

При обсуждении поведения девушки на женском совете, думается, действовать надо было бы убеждением, не прибегая к таким мерам, которые затрагивают трудовые интересы человека. Конечно, вопрос о сохранении семьи важный. Здесь не надо жалеть усилий, чтобы уберечь семью от распада, если еще возможны дальнейшие супружеские отношения. Однако усилия эти не должны выходить за пределы компетенции женского совета.

А. НОСКОВ,
адвокат

После выступления журнала

Когда заглянули в закон

Если работник даже единственный раз прогулял без уважительной причины или появился на работе в нетрезвом состоянии, то это, как известно, грубое нарушение трудовой дисциплины, за которое администрация вправе его уволить. Так говорится в законе. А вот в плодоовощном совхозе «Сад-База» Матвеево-Курганского района Ростовской области рассудили иначе. Здесь разработали свой «Трудовой кодекс», по которому строгость наказания прогульщиков находится в прямой зависимости от количества совершенных ими прогулов.

Об этом и других поразительных расхождениях совхозного «Трудового кодекса» с действующим республиканским законодательством рассказывалось в статье «Матвеево-курганские законодатели», опубликованной в № 8 за 1976 год.

Секретарь парткома совхоза «Сад-База» В. Цыбулин сообщил в редакцию, что критика журнала справедлива. Приняты соответствующие меры. Все экземпляры совхозного «Трудового кодекса», в котором грубо искажены нормы действующего законодательства, уничтожены. С должностными лицами, участвовавшими в разработке «Трудового кодекса», проведена разъяснительная работа.

Наказаны за волокиту

„Прокол без протокола» — так назывался фельетон В. Надеина, опубликованный в девятом номере журнала за прошлый год. В нем шла речь о нетактичном поведении сотрудников приемного пункта «Лотос» Харьковского производственного объединения «Химическая чистка одежды» с посетителями и о волоките при приеме вещей в чистку.

Изложенные в фельетоне факты обсуждались на бюро Коминтерновского районного комитета КП Украины Харькова, где слушался вопрос о работе объединения по рассмотрению писем, жалоб и заявлений, организации личного приема трудящихся.

Директору М. И. Максимовой и секретарю парторганизации К. И. Коваленко объявлены строгие партийные взыскания.

Украденный мотоцикл возвращен владельцу

„Украли мотоцикл...» — под таким заголовком в № 6 нашего журнала за 1976 год был опубликован материал, в котором рассказывалось о мытарствах жителя Ферганы М. Тимофеева. Когда у него похитили мотоцикл, он обратился в городской отдел внутренних дел с просьбой разыскать пропажу и установить виновных. Однако его заявление не было даже зарегистрировано. Никаких розысков местные работники милиции не вели.

Прокуратура Узбекской ССР по просьбе редакции проверила эту жалобу. По факту пропажи мотоцикла было возбуждено уголовное дело.

После публикации статьи «Украли мотоцикл...» в редакцию поступило письмо от начальника отдела внутренних дел Ферганского горисполкома полковника милиции М. Бабарахимова. Он сообщил, что в результате проведенного расследования похищенный мотоцикл был найден и возвращен владельцу. Установлен также виновник этой кражи. Им оказался несовершеннолетний Мальцев.

Выступление журнала обсуждалось на оперативном совещании личного состава городского отдела внутренних дел. Инспектору уголовного розыска Холдарову, который не зарегистрировал заявления о краже мотоцикла, а также не организовал розыска похищенного, объявлен строгий выговор. В городском отделе внутренних дел приняты меры к тому, чтобы в дальнейшем не допускать подобных фактов.

**по следам
неопубликованных
писем**

Доноры по принуждению

Жительница Спасска-Дальнего Приморского края Е. Мазилкина обратилась в больницу за медицинской помощью. Там ей сказали, что ее направят на операцию только при условии, если муж сдаст определенное количество крови. «Таковы правила», — утверждали врачи. Обо всем этом она написала в редакцию.

Редакция попросила Министерство здравоохранения РСФСР и прокуратуру Приморского края проверить письмо Е. Мазилкиной.

Как сообщил Спасский межрайонный прокурор, юрист I класса А. Гашенко, в 1974 году Приморское краевое общество Красного Креста по согласованию со станцией переливания крови рекомендовало привлекать родственников больных и женщин, поступающих на операцию прерывания беременности, к безвозмездной сдаче крови, но только на добровольных началах. Тем не менее работники Спасского горздравотдела и врачи города посчитали рекомендацию общественной организации за обязательное правило. И донорство стало принудительным. Прокуратура указала медицинским работникам на незаконность их действий.

Заместитель министра здравоохранения РСФСР А. Сергеев сообщил в редакцию, что министерство строго указало заведующему Приморским крайздравотделом Г. Шкуруину и заведующему горздравотделом Спасска-Дальнего А. Пасканному на недопустимость принудительного привлечения населения к безвозмездной сдаче крови.

Права пенсионерки восстановлены

„Более пятнадцати лет я проработала дамским мастером в одной из парикмахерских Темиртауского комбината бытового обслуживания населения, — писала в редакцию гражданка Э. И. Сабельфельд. — В августе 1975 года ушла на пенсию. Когда же моим бывшим коллегам выплачивали вознаграждение по итогам работы за год (так называемую тринадцатую зарплату), меня в списках на получение денег не оказалось. Руководство комбината

заявило, что вознаграждение мне не положено, поскольку я в парикмахерской больше не работаю. Правильно ли это?»

Претензии Э. И. Сабельфельд справедливы. Согласно Положению о ежегодном вознаграждении по итогам работы предприятия, тем, кто проработал неполный рабочий год в связи с уходом на пенсию, вознаграждение выплачивается за фактически проработанное время.

Редакция направила письмо Э. И. Сабельфельд в Карагандинское областное управление бытового обслуживания. Заместитель начальника этого управления тов. Максимов сообщил, что законные права пенсионерки восстановлены. Руководству комбината предложено выплатить Э. И. Сабельфельд причитающееся ей вознаграждение.

Справедливые претензии

„... Неважно обстоят у нас дела с культурным обслуживанием, — жаловались в редакцию жители деревни Лесниково Оленинского района Калининской области. — Есть у нас клуб, есть библиотека. Но работают они из рук вон плохо. В клубе только демонстрируются фильмы, а работа библиотеки ограничивается выдачей книг, никаких лекций, диспутов, читательских конференций у нас не было и в помине...»

Редакция направила это письмо в исполком Калининского областного Совета депутатов трудящихся. Проверка показала, что претензии жителей деревни к работникам культуры справедливы. Обязанности заведующей лесниковской библиотекой по совместительству выполняла заведующая начальной школой Скворцова. Из-за большой нагрузки в школе она не могла на должном уровне вести библиотечную работу. Заведующий клубом Виноградов, работающий на полставки, со своими обязанностями справлялся плохо.

Исполком же Первомайского сельсовета работой лесниковского клуба и библиотеки интересовался от случая к случаю и мер по улучшению их работы не принял. Не проявил внимания к упомянутым учреждениям и районный отдел культуры.

Результаты проверки, проведенной по письму лесниковцев, обсуждались в исполкоме Оленинского райсовета. Работники районного отдела культуры и Первомайского сельсовета строго предупреждены, а Скворцова и Виноградов отстранены от работы. На их места подбираются квалифицированные работники. Культурно-массовые мероприятия в деревне временно проводят сотрудники райотдела культуры, которые выезжают сюда с автоклубом.

«РАЗВОД ГЛАЗАМИ СУДЬИ»

Взяв эту книгу в руки, читатель может предположить, что его ожидает легкое, занимательное чтение. Однако ни холодящих душу драм, ни сногшибательных судебных процессов в ней нет. Судья Франтишек Павек, более двух десятков лет отдавший разрешению бракоразводных дел, без сомнения, мог бы припомнить достаточно казусов из своей судебной практики, но избегает этого, избегает намеренно. Он не хочет, чтобы его книгу читали «как роман». Автор сам определяет ее как «специальную книгу» и подчеркивает, что она требует вдумчивого изучения, а не выискивания занятных мест.

В последние годы выходит все больше таких «специальных книг». Педагоги и философы,

психологи и юристы, социологи и сексологи пишут для того, чтобы помочь нам понять самих себя и разобраться в очень непростых порою явлениях современной жизни.

Книга Ф. Павека посвящена теме, которая не может не интересовать самые широкие читательские круги. Все сходится на том, что рост числа разводов — тревожное, угрожающее явление, но существуют различные взгляды на вопрос, что же следует предпринять. Одни считают, что разводы как общественно вредное явление следует чуть ли не запретить вовсе, другие, напротив, смотрят на развод как на сугубо личное дело граждан и предлагают пустить это дело на самотек. Ф. Павек убедительно показывает, что край-

ности сходятся и при этом обнаруживается их несостоятельность: не следует судить о разводах «вообще», достаточно ответственным может быть лишь суждение об одном конкретном разводе, да и то при условии тщательного изучения всех обстоятельств. Без изучения факторов, влияющих на семейные отношения, невозможно эффективное воздействие на них со стороны общества. Поэтому важно, чтобы суд в каждом конкретном случае выяснил подлинные причины развода.

В Чехословакии бракоразводному судебному процессу обязательно предшествует попытка примирить супругов. Это не дань формализму, не механическая процедура, а искренняя попытка судьи в спокойной товарищеской беседе, без посторонних, выяснить подлинные причины разлада между супругами. Вопросы решаются не столько правовые, сколько психологические, вопросы супружеских отношений, родительской этики. Далек не всякая такая беседа заканчивается примирением, бывают случаи, когда судья сам рекомендует скорейшее оформление заявления о разводе. Тем не менее Ф. Павек считает, что такие беседы могут быть гораздо эффективнее, чем официальное судебное разбирательство.

Выявление подлинных причин разводов открывает возможность для статистического анализа. Ф. Павек приводит статистику разводов в ЧССР за несколько лет и показывает, что существуют взаимосвязи между причиной развода и продолжительностью брака. Автор разделил браки на «молодые», «средние», «старые». Причины разводов при всем их своеобразии также удалось разбить на несколько типичных групп. Автор оговаривается, что такая классификация (как, впрочем, и любая другая) имеет достаточно условный характер. Например, столь часто фигурирующее в заявлениях различие в характерах и интересах при ближайшем рассмотрении оказывается не различием, а сходством характеров, точнее — наличием определенных общих черт, таких, как неуступчивость, сварливость, мелочность. На основе предложенной классификации автор делает интересные выводы и дает заслуживающие внимательного изучения рекомендации по предотвращению разводов, по упрочению семьи.

Исходя из личной многолетней практики, судья Ф. Павек делит причины разводов на пять групп. Одна названа им «комплекс Книги жалоб». Дело в том, что многие заявления о разводе схожи с запи-

сями в книгах жалоб. В них приводятся доводы о невозможности дальнейшего совместного проживания не только несерьезные, но порой и вовсе смехотворные. В большинстве случаев в конце концов супруги начинают понимать свою ошибку. Жаль только, что порой это происходит слишком поздно.

Особенно печально, когда распадается семья, в которой есть несовершеннолетние дети. Автор справедливо отмечает, что отрицательные последствия развода сказываются на детях не только в пору малолетства, но и в дальнейшей жизни. Исключительно серьезной Ф. Павек считает проблему, которую нередко приходится решать суду: кому из родителей оставить ребенка. Он не согласен с теми, кто по традиции считает, что предпочтение необходимо отдавать матери. Интересы ребенка здесь должны быть на первом месте, ответственность за его судьбу может быть возложена только на того из родителей, который в должной мере осознает эту ответственность и способен не только содержать ребенка, но и дать ему нравственное воспитание. В связи с этим автор указывает, что современная педагогика дает пока слишком мало данных о воспитательных возможностях отцов, которые можно было бы

положить в основу объективного судебного решения. Это усложняет проблему, стоящую перед судьей, но не снимает с него ответственности.

Большое внимание уделяет автор проблемам урегулирования споров по поводу участия в воспитании ребенка не проживающего с ним родителя. Отсутствие доброй воли в этом вопросе нередко принимает недостойные формы, и это травмирует психику ребенка. Анализируя практику судов в этой исключительно сложной области, Ф. Павек со свойственной ему обстоятельностью дает практические рекомендации там, где, казалось бы, трудно пойти дальше простой констатации печальных фактов.

Роль закона в укреплении семьи велика, но не безгранична. В сущности, все усилия общества в экономической, культурной, социальной областях так или иначе направлены на укрепление социалистических семейных отношений, на строительство жилищ, расширение сети детских яслей, садов и школ, совершенствование работы торговли и коммунально-бытовых служб. Но главное место автор отводит широкой воспитательной и просветительной деятельности, повышению этического уровня супружеских отношений. В этом он видит залог прочности брака.

«Собственно говоря, для большинства людей любые, даже самые прекрасные условия окажутся неудовлетворительными, если они не поймут, что смысл и красота жизни в браке состоит прежде всего в определенном образе мышления мужа и жены. Думать о другом супруге больше, чем о себе, беспокоиться о нем и больше радоваться тому, что ты его обрадуешь, не дожидаясь, когда первым обрадует он тебя,— вот в чем залог прочного семейного союза. Справедливо, видимо, и то, что взаимопонимание всегда сопутствует людям, которые не пасуют перед первыми же трудностями». Мысль простая и, кажется, не новая, но до чего же она важна! Вот превосходный совет любому мужчине и любой женщине, искренне стремящимся создать счастливую семью.

На наших глазах происходит исторический процесс перестройки семейных отношений на социалистической основе.

Принцип равноправия — величайшее завоевание социализма. Он дает все возможности для построения семьи, в которой царят подлинная любовь и уважение супругов друг к другу. Одно из достоинств книги в том и состоит, что она имеет своей целью показать сложный процесс преодоления старых и становления новых, социалистических семейных отношений.

Большой личный опыт судьи Ф. Павека, глубокое знание всех сторон проблемы, доброе желание помочь людям обрести и сохранить семейное счастье сказываются в четком отборе материала для размышлений. Автор увлекает читателей не пересказом различных пикантных историй из судебных архивов, а логикой своих раздумий. Искренность и прямота, с какой он обращается к читателям, их жизненному опыту и здравому смыслу, делают эту книгу по-настоящему убедительной и интересной.

В. СЕРГЕЕВ

судебный
очерк

ДЕЛО О САШИНОЙ БЕДЕ

На суде, как того требует закон, двенадцатилетний Саша Фомин* не присутствовал. Но разговор шел о его судьбе, о том, где ему будет лучше, о том, как устроить его жизнь. Потому что, как заявил представитель роно: «Дальше так продолжаться не может. Ребенок не должен жить в таких условиях!»

* Фамилия изменена,

Дело по иску роно о лишении родительских прав слушалось на выездном заседании районного народного суда, которое проходило в зале опорного пункта жэка. Суд продолжался не один час.

Конечно, можно было бы подробно (как это было на судебном процессе) рассказать о полной заброшенности ребенка. О том, как мать Саши неделями не появлялась дома, как Саша оставался голодным, неухоженным, как его кормили соседи и как он болезненно переживал, мучился от того ложного положения, что создавалось, когда его из жалости подкармливали добрые люди. Если мама появлялась, Саше было не легче. Приходила она не одна — в компании выпивох, и тогда дома начинались оргии: с пьяными скандалами, битьем посуды, сценами, что взрослому-то наблюдать стыдно, не то что ребенку. Но можно написать всего одну фразу, чтобы дать полное представление о Сашиной беде: Сашина мать была пьяницей.

Мать-пьяница. Нелепым кажется это словосочетание. Но еще более ненормальной была жизнь ребенка с такой матерью, в такой семье, где не заботились о том, чтобы его накормить, помочь, предостеречь, даже не знали, по каким предметам он не успевает в школе, какая ему нужна поддержка.

Как ни редки такие истории, они все же случаются, и даже выявляется определенная закономерность: главная опасность, которая поджидает ребенка, растущего в подобной обстановке, — не его безнадзорность, а разлагающее влияние аморальной среды. Конечно, неуютно мальчишке в доме, где мама — вечно пьяная, ругающаяся, грубая. Но когда мальчишка наблюдает дома сцены пьяных дебошей, он привыкает к картинам пьянства, и уж пьянство не воспринимается им как зло, как недозволенное, как запретное. Судья огласил на судебном процессе показания двенадцатилетнего Саши Фомина, доставленного нетрезвым в детскую комнату милиции: «Выпил не в первый раз. Я обычно допиваю вино, если оно остается после матери. Вначале было интересно, а теперь это уж как привычка». Вот так спокойно-деловито поведал Саша об этой страшной привычке.

И все-таки была в данном процессе своя особенность.

На передней скамье сидела не только мать Саши, Татьяна Валентиновна, — женщина с поблекшим, опухшим лицом, трясущимися руками. Сидел и мужчина. Отец Саши. Бывший муж Сашиной матери.

Он пришел позже своей первой супруги, и я видела, как он выби-

рал место подальше от нее, чтобы кто-нибудь не подумал, что есть какая-то связь между ним — таким спокойным, уравновешенным, чистым, и этой женщиной, доставленной на суд из больницы, где она проходит курс излечения от алкоголизма.

Свидетели почти не упоминали об отце Саши Фомина, а сказали — много.

— Я даже удивилась, когда узнала, что у Саши есть отец,— сказала соседка по дому.

— Я думала, что отец у него какой-нибудь никудышный человек, пьяница, которому ни до чего дела нет. А потом Саша сказал, что отец работает на почтамте, хороший шофер. Мне очень хотелось добавить: «Шофер хороший, да человек, видно, плохой, раз сыном совсем не интересуется»,— говорила другая.

Людмила Семеновна Прокуратова, директор школы, где учится Саша, подчеркнула:

— За двадцать четыре года моей педагогической практики я много видела семей. Были среди них и разведенные. Но впервые пришлось столкнуться с человеком, который, считая себя вполне достойным, был бы настолько... настолько глухим к беде, что надвигалась на его сына.

И замечания эти были не случайны. Именно к нему — Геннадию Васильевичу Фомину — первому обратились учителя, заметившие трудное положение ребенка. Отец ответил: «Я плачу алименты». Комиссия по делам несовершеннолетних предложила Фомину помочь сыну, оторвать его от пьянствующей матери. Отец ответил: «Я же плачу алименты». Работники роно встретились с Геннадием Васильевичем, еще раз обрисовали бедственное положение Саши, предупредили его, что с матерью Саша находиться не может. Но и тут отец ответил: «Я же плачу алименты. Не отказываюсь!» — «А от сына?» Тот не колебался ни мгновения и, чтобы как-либо иначе не истолковали его решения, написал заявление: «Сына Сашу я взять к себе не могу, так как у меня вторая семья, имею 6-месячного ребенка от второго брака. Со старой семьей я порвал 5 лет назад, в воспитании сына я не принимал участия, взять его к себе в новую семью не могу».

Когда закончились судебные прения, судьи удалились на совещание. Присутствующие на процессе тоже вышли из зала. Тесными группками стояли, обсуждая услышанное. Только Геннадий Василье-

вич стоял почти в полном одиночестве. Я подошла к нему. И хотя его заявление, только что зачитанное, его слова, подтвердившие написанное, казалось, не оставляли никакого сомнения — мне чудилось: может быть, причина где-то глубже, может быть, есть у Геннадия Васильевича Фомина какие-то веские обстоятельства, заставившие его написать то заявление. Хотя... какие же это могут быть обстоятельства, которые понудят человека отказаться от сына?

Я подошла к Геннадию Васильевичу, представилась, попросила разрешения задать несколько вопросов. Он молча кивнул. Так же молча выслушал мой вопрос. Ответил не сразу, будто прикидывая, примеряя каждое слово.

— Понимаете ли, я ведь вправду не мог взять сына к себе...

Вот оно — вправду. Я подумала, сейчас что-то откроется. И поэтому продолжила разговор.

— Почему же?

— Вы же слышали: у меня новая жена, новая семья, полугодовая дочка. Жена не соглашается взять Сашу.

— А вы?!

— А что я могу сделать? С девочкой-то сидят тесть и теща... Не можем же мы навязывать еще одного ребенка. Да такого...

— Какого?

— Вы же слышали — он пьет, он распущенный, он не признает никакой дисциплины, не хочет учиться. Он... он ни к чему не приучен: ни убирать за собой, ни делать уроки, ни приходить вовремя домой.

Неподвижное лицо папаши Фомина оживилось, глаза сверкали. Он обличал! Он доказывал невозможность «совместного проживания». Вот они, на его взгляд, особые обстоятельства, по которым он не мог взять к себе сына.

— А как вы думаете, почему мальчик стал таким, каким вы его обрисовали?

— Ну... с такой-то мамашей! — кивнул он в сторону зала, где на передней скамье все в той же обреченной позе сидела женщина. На лице его отразилось презрение.— Жить с ней было невозможно. Я поэтому и развелся

— Скажите, что же, мальчик был испорчен с младенчества?

— Нет. Кто же это говорит? Я... я вспоминаю, он ведь был очень ласковый, спокойный, веселый. Однажды, ему было года три, мы с ним пошли гулять, он меня обо всем расспрашивал... А скажешь ему «нельзя», он не плачет, согласится.

— А жена? Бывшая жена не сразу же стала такой, какой мы ее видим?

— Нет. Первые четыре года мы дружно жили. А потом она пошла работать в торговлю, и начались пьянки. Я пробовал ее укорять, стыдить. Не помогло. Стала хулиганить. Ее осудили, направили в колонию. Я понял — ее уж ничто не исправит. И я решил — разведусь.

— Вы были убеждены, что она будет и после выхода из колонии выпивать?

— Да. Был убежден. И видите — оказался прав.

— Были убеждены — и оставили ребенка с пьющей женщиной?

— Но...— Геннадий Васильевич даже поперхнулся, не ожидая такого поворота.— Я не оставил. Это бабушка — мать бывшей жены — оформила на Сашу опеку.

— Оформила? Что же — без вашего согласия? Вы, что же, были против?

Он потупился:

— С согласия. С моего согласия.

— А где же теперь эта бабушка?

— Умерла. Она была совсем старенькая,— очень тихо произнес Фомин.

Да, вероятно, строить совместную жизнь с женщиной-пьяницей было невозможно. Вероятно, прав был Геннадий Васильевич, решив порвать с ней. Можно ли осудить его за уход от такой жены? Но он — непьющий, трезвый, разумный человек — оставил в той семье своего ребенка. Хотя был твердо уверен, что жена, выйдя из мест лишения свободы, будет продолжать пить, гулять, развратничать. Оставил семилетнего мальчика. На что он надеялся? И мог ли быть другой исход?

Никакими алиментами не покрыть Геннадию Васильевичу эту вину, не искупить тот вред, что нанес он сыну.

Геннадий Васильевич стоял почти в полном одиночестве. Почти. В шаге от него, опершись плечом о стену, была женщина. Ее вызвали в суд последней. Свидетельницу Тамару Ивановну Фомину — нынешнюю жену Сашиного отца. Суд не мог не проверить, пройти мимо последней возможности устроить Сашу в нормальную семью. Но Тамара Ивановна отвечала прямо и резко:

— Нет. Мы не можем.

И как последний веский аргумент:

— У нас же есть дочь.

Людмила Николаевна Сонькина, председательствующая на процессе, задала вопрос:

— И у вашего мужа — сын. Или вы не знали о его ребенке, когда выходили замуж?

— Почему же? — высокомерно вздернула плечо Тамара Ивановна.— Он предупредил меня... об алиментах. Но мальчик остался с той матерью. Это же естественно.

— Но мальчик попал в тяжелое положение. Вы же понимаете, что в той семье ему оставаться невозможно,— заметил народный заседатель Дмитрий Васильевич Ясинский.

— Вы, что же, хотите, чтобы я дала согласие привести мальчика к нам? — в голосе свидетельницы зазвучал ужас.

Судьи ни на чем не настаивали. Они проверяли материалы дела. Они искали возможности лучшего устройства Сашиной судьбы. Думали о том, стоит ли предлагать отцу взять сына.

Нет, у меня не было вопросов к Тамаре Ивановне Фоминой. Было лишь одно удивление ее уверенности, что естественно оставлять мальчика там, где он гибнет.

Известны сотни примеров, когда женщины во время войны усыновляли детей, чтобы дать им семейное тепло, материнскую заботу.

То была война. Но и нынче в редакцию приходит множество писем с рассказами о материнских подвигах, когда женщины, выходя замуж за вдовца с детьми, делали все возможное, чтобы заменить ребятишкам мать. В нашем народе существует даже выражение: вышла замуж на двоих (на троих) детей. Потому что существует правило, нигде не записанное, как не записано естественное требование «будь честным, правдивым, добрым»,— правило это гласит: женщина, выходящая замуж за мужчину с детьми, должна стать им матерью.

Но разве поняла бы что-нибудь в этих примерах новая жена Фомина? Наш разговор был бы впустую. Да и о чем говорить с женщиной, которая не мыслит своей женской обязанностью заботу о родном сыне своего мужа? О чем? Поняла бы она логику простой женщины из Ленска, по письму которой мне пришлось выехать в Якутскую АССР.

История семьи такова: Мария Никифоровна и Евгений Семенович были бездетны, несколько лет назад удочерили девочку. Когда Оля подросла и стала просить «купить сестренку», решили взять второго ребенка. В это время в роддоме одна из женщин отказалась от дочери. Супруги стали оформлять документы. Но тут выяснилось, что у новорожденной есть двое братьев: полуторагодовалый Толя и трехлетний Олег. Дети были совершенно запущены. Мать не заботилась

о них... Суд решил лишить пьяницу родительских прав. «Так мы всех ребятишек и усыновили,— рассказывала Мария Никифоровна.— Ведь нельзя же делить сестру и братишек». Потому что разлучить, разделить ребят было бы жестоко, бесчеловечно с точки зрения Марии Никифоровны, Евгения Семеновича. Так же, как неестественно было, по их мнению, оставить мальчуганов с плохой матерью или вне семьи.

О том, какие это были дети, Мария Никифоровна даже не упомянула. Инспектор роно позже поделилась со мной: «Когда мы приехали, на ребят было страшно смотреть. Младший молчал, а старший ругался нецензурно. Помню, Мария Никифоровна подошла к мальчику, взяла его на руки, прижала к себе, спросила: «Ты почему такой сердитый?» А он вдруг заулыбался: «Я не сердитый. Я старший!»

Дети были педагогически запущенные, как об этом сказали в роно. Но это вовсе не испугало Марию Никифоровну и Евгения Семеновича. Они думали о будущем, о том, что детям надо помочь, о том, что в их доме будет звучать детский смех.

Летом, по дороге с юга в Якутию, Мария Никифоровна и Евгений Семенович с ребятами заехали к нам в редакцию. «Посмотрите, какие мы счастливые»,— говорила Мария Никифоровна... Имея в виду и себя и ребятишек.

...Но стоило ли обо всем этом говорить женщине, которая могла рожать, но не могла быть подлинной матерью — женщиной, думающей в первую очередь о благе детей?

Конечно, суд не такое место, где можно услышать о героических поступках или подвигах. Здесь чаще узнаешь о человеческом горе, жестокости, людских неурядицах, конфликтах.

Вот и на нынешнем процессе были вскрыты вредное влияние матери-пьяницы на мальчика, преступно равнодушное поведение отца, бросившего своего ребенка. Но, кроме этого, как бы вторым планом, ненавязчивым подтекстом шел скромный рассказ о человеческой доброте, заботе обеспокоенности посторонних вроде бы людей судьбой ребенка.

Это был рассказ о соседях, о матерях Сашиных товарищей, заботящихся о нуждах чужого мальчишки. Не только о хлебе насущном (хотя и о хлебе тоже!) думали они.

— Когда я отправляла двух своих ребят в деревню, решила туда послать и Сашу. Он ведь никогда не выезжал из Москвы. Так и от-

правились втроем,— говорила соседка Мария Анисимовна Горчакова.

— Я старалась приодеть Сашу. То ботинки Стасиковы ему дашь, то брючки. Ведь мальчик ходил глубокой осенью в тапочках. А из брюк вырастал так, что они ему едва колени закрывали. Всегда старалась подчеркнуть, что, мол, у нас в семье всегда так поступают — от старших вещи переходят к младшим. Боялась, что Саша почувствует себя каким-то обездоленным. Он ведь был очень обидчивым,— свидетельствовала Татьяна Петровна Васина.

— Когда мать Саши приезжала домой и устраивала попойки, я брала мальчика к себе,— свидетельствовала соседка Фоминых по квартире Марфа Тимофеевна Волкова.— Негоже мальчику видеть такое... Только разве все скроешь? Я уж и с Татьяной говорила о сыне, укоряла. Да она не слушает.

Директор подробно рассказывала, как учителя ни на день не забывали о нуждах мальчика. Сашу пришлось оформить на продленный день, чтобы была возможность выдавать ему бесплатный обед. А за ужин попеременно платили директор или классный руководитель. С Сашей — отстающим учеником — занимались дополнительно учителя, помогали ученики. «Если бы не его тяжелое положение в семье, мальчик мог бы неплохо учиться. А сейчас он еле тянет»,— заключила Людмила Семеновна Прокуратова.

Имеющий уши — да слышит. Как ни страшна была картина беды мальчика, оставшегося сиротой при живых отце и матери, она все же не безысходна, когда рядом с ребенком живут добрые, заботливые люди.

Судьи вышли из совещательной комнаты нескоро. Им многое надо было обсудить. И вот наконец они оглашают свое решение: лишить Татьяну Валентиновну Фомину... родительских прав на сына Александра, обязать районный отдел народного образования Ждановского района Москвы поместить Александра Фомина в детское учреждение для дальнейшего его воспитания. С бывших супругов Фоминых суд постановил взыскивать четверть всех видов заработной платы до совершеннолетия Саши.

Но, видно, и судей покорило отношение отца к сыну. Потому что было вынесено частное определение. Его суд направил в местном автобазы Московского почтамта, предложив обсудить поведение «хорошего шофера, добросовестного товарища» (как о том говорилось в характеристике с работы), но никудышного родителя на собрании коллектива.

Трудное это решение — лишение родительских прав. Крайняя мера. Только в интересах детей идет суд на такое решение. И если в матери есть хоть проблеск родительской любви, родительского долга, эти чувства помогут ей возродиться, стать настоящим человеком.

Потому что без ответственности за детей — своих, чужих, — их поступки, их характер не может быть настоящего человека.

Т. ФЕДОСЕЕВА

Рис. И. БРОННИКОВА.

**ПРИЗ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» —
У ФУТБОЛИСТОВ
«ЧЕРНОМОРЦА»**

Вторично со времени учреждения «Приза справедливой игры», присуждаемого команде, получившей наименьшее количество штрафных очков, его завоевывает одесский «Черноморец».

Второе место присуждено команде «Крылья Советов» (Куйбышев), третье — команде «Торпедо» (Москва). Они награждаются почетными грамотами.

С некоторых пор граждане, проживающие в Сахалинской области, стали испытывать затруднения, сдавая домашний скот на мясокомбинат.

Привезут туда животных, а на мясокомбинате их не принимают. Причина — перегруженность. А чаще всего граждане сами, увидев длинную очередь к приемному пункту, не решились долго ждать и уезжали домой.

Скоро между ними прошел слух, что можно быстро и без хлопот сдать скот, если директору дать взятку.

Действительно, как установили следственные органы, директор Южно-Сахалинского мясокомбината Дашко занимался вымогательством взяток. Чтобы создать для этого условия, он ввел такой порядок (а вернее, беспорядок) в приемке скота, при котором стала образовываться большая очередь.

Затем через инспектора отдела кадров Бочарникову стал находить желающих срочно сдать скот и за определенную мзду давать указания о приемке вне очереди. К примеру, за внеочередную сдачу свиньи Дашко нужно было заплатить от тридцати до пятидесяти рублей. В помощники себе лихоимцы взяли шофера-экспедитора Долинского торгового предприятия Винникова, продавца Сабельникову, буфетчицу треста столовых и ресторанов Анофрикову и экспедитора Быковского торгового предприятия Тур. Теперь Дашко и Бочарникова стали брать от «клиентов» и деньги, и отрезки на костюм, на платье, и женские туфли, и коньяк, и растворимый кофе, и даже живых кроликов. Конечно, немалую роль сыграли в этом бесконтрольность и сознание безнаказанности.

Сахалинский областной суд строго наказал взяточников.

На территории центральной базы управления рабочего снабжения объединения «Вахрушевуголь» Свердловской области находилось большое количество ценного государственного имущества. Охрана его была поставлена из рук вон плохо. Сторожники не выходили из караульного помещения. Ответственные работники базы по небрежности оставляли открытыми сейфы и кладовые, ключи от них находились в незапертых ящиках столов. Воспользовавшись этим, А. Павлюк, Н. Христюков и Ю. Донских проникли на базу, набрали здесь трикотажных, золотых и других изделий, сложили в чемоданы и скрылись. Кража была обнаружена только через день. Правда, виновных удалось найти быстро, так как они стали распродавать похищенные вещи и пьянствовать. Все они попали на скамью подсудимых. Суд определил Павлюку девять лет, Христюкову — восемь, Донских — семь лет лишения свободы. На должностных лиц базы, виновных в халатном отношении к служебным обязанностям, направлены материалы по месту работы для принятия к ним мер дисциплинарного и общественного воздействия.

Кременчуг нельзя назвать крупным железнодорожным узлом. Но несколько десятков проходящих здесь за сутки поездов — это немало. Сразу становится понятным, что дела хватает всем службам, связанным с вокзалом: железнодорожникам, коммунальникам, связистам, работникам общественного питания. И милиции, вернее ее линейному отделу, в ведении которого участок путей, проходящих по территории четырех областей, восемнадцати районов. Базируясь в Кременчуге, отдел имеет посты на станциях Ромны, Лохвица, Кобеляки, Крюков.

Событий за день происходит много. И вот как примерно выглядит фотография этого дня.

ДЕНЬ ОБЫЧНОГО ДЕЖУРСТВА

В 7.30 начальник линейного отдела подполковник Николай Федорович Долударев инструктирует дежурных. Сначала он придирчиво осматривает, как выглядит форма выстроившихся милиционеров, делает кому-то замечание за плохо почищенную обувь и, видимо оставшись довольным всем остальным, приступает к делу. Подполковник советует обратить особое внимание на два оживленных места — товарную станцию, где за последнее время было поймано несколько мелких расхитителей, и залы ожидания городского вокзала: курортный сезон подходит к концу, через Кременчуг проходят переполненные составы с хорошо отдохнувшими, но иногда беспечными людьми, которые подчас отстают от поезда, теряют документы, становятся жертвами жуликов.

Инструктаж длится минут тридцать. Подчиненные получают четкие указания, хотя и предусматривающие большинство возможных ситуа-

ций, но в то же время оставляющие простор для инициативы: ведь, в сущности, без нее невозможна работа милиционера. На вопросы, которые жизнь то и дело ставит перед сотрудником во время дежурства, должен быть дан незамедлительный и верный ответ. А это и есть сочетание инициативы и опыта, выраженного в суховатых, но четких наставлениях начальника.

Н. Ф. Долударев заканчивает инструктаж и возвращается в кабинет. Он вызывает по селектору сотрудников отделов, расспрашивает их о новостях, отдает распоряжения. Милиционеры из состава наряда, проверив рации, приступают к выполнению задания. Двое из них отправляются на перрон вокзала, двое готовятся к поездке в составе группы сопровождения.

9.00. В комнате старшего инспектора уголовного розыска капитана Михаила Васильевича Зубко сразу бросаются в глаза стоящие в углу пустые и полные бутылки с вином, оказавшиеся вещественными доказательствами. Михаил Васильевич этой ночью плохо спал. В пять утра его поднял с постели звонок: сообщили, что на одном из вагонов сорвана пломба и похищены два ящика вина. Рассвет застал его уже на товарной станции. О событиях этой ночи он рассказывает мне, сидя за рабочим столом:

— Довольно быстро мы выяснили, кто из работников станции дежурил. Подозрение пало на двоих, которых ранее задерживали за мелкое хищение.

Резонно было предположить, что воры, укравшие вино, захотят от него побыстрее избавиться. Как? Ведь все не выпьешь. Возможно, они попытаются продать его в ближайший магазин по «сходной» цене, чтобы поменьше свидетелей было. Так и вышло: одного из подозреваемых задержали у магазина с семью бутылками вина. После недолгого запирательства он сознался во всем, показал, где было спрятано остальное. Вскоре задержали и двух его сообщников.

— Михаил Васильевич, а почему вы были уверены, что преступники работают на станции? Ими могли оказаться посторонние люди.

— Опыт. По долгу службы железнодорожникам полагается следить, чтобы во время перегрузки, да и вообще на товарных путях грузовых дворов не было посторонних. Следовательно, появление здесь чужих исключается. Большинство же рабочих, которые обслуживают товарные поезда,— честные и порядочные люди. За редким исключением. Вот «исключения» мы и ищем.

М. В. Зубко, плотный, добродушного вида мужчина, говорит, что вора́м, рискующим пошарить в грузовых вагонах, практически невозможно уйти от наказания. Бдительны железнодорожники, обслуживающие поезда, охрана, оперативна линейная милиция.

Начальник линейного отдела милиции подполковник Н. Ф. Долударев инструктирует подчиненных.

— Вот какой, например, случай произошел с лейтенантом Владимиром Трофимовичем Коломийцевым, — рассказывает Зубко. — При разгрузке вагона пропал мешок шоколада — полуфабрикат для кондитерской фабрики. Владимир Трофимович тут же приехал, поговорил с грузчиками, весовщицей, шоферами. И нашел «ниточку»: шофер грузовика вспомнил о странном «поведении» одного мешка: тот вроде бы «сам сполз с машины и уплыл под вагон». Коломийцев заинтересовался, не было ли при погрузке людей, не имевших к ней никакого отношения. Рабочие указали на грузчика М. Лейтенант перешел через пути и двинулся по предполагаемому «маршруту» мешка. Из-за дождя следов не сохранилось. Но Коломийцев обратил внимание на одну из куч опилок. Она показалась ему взъерошенной. Он перевернул ее и в глубине обнаружил мешок с шоколадом. М. задержали, когда тот вечером пришел за «добычей».

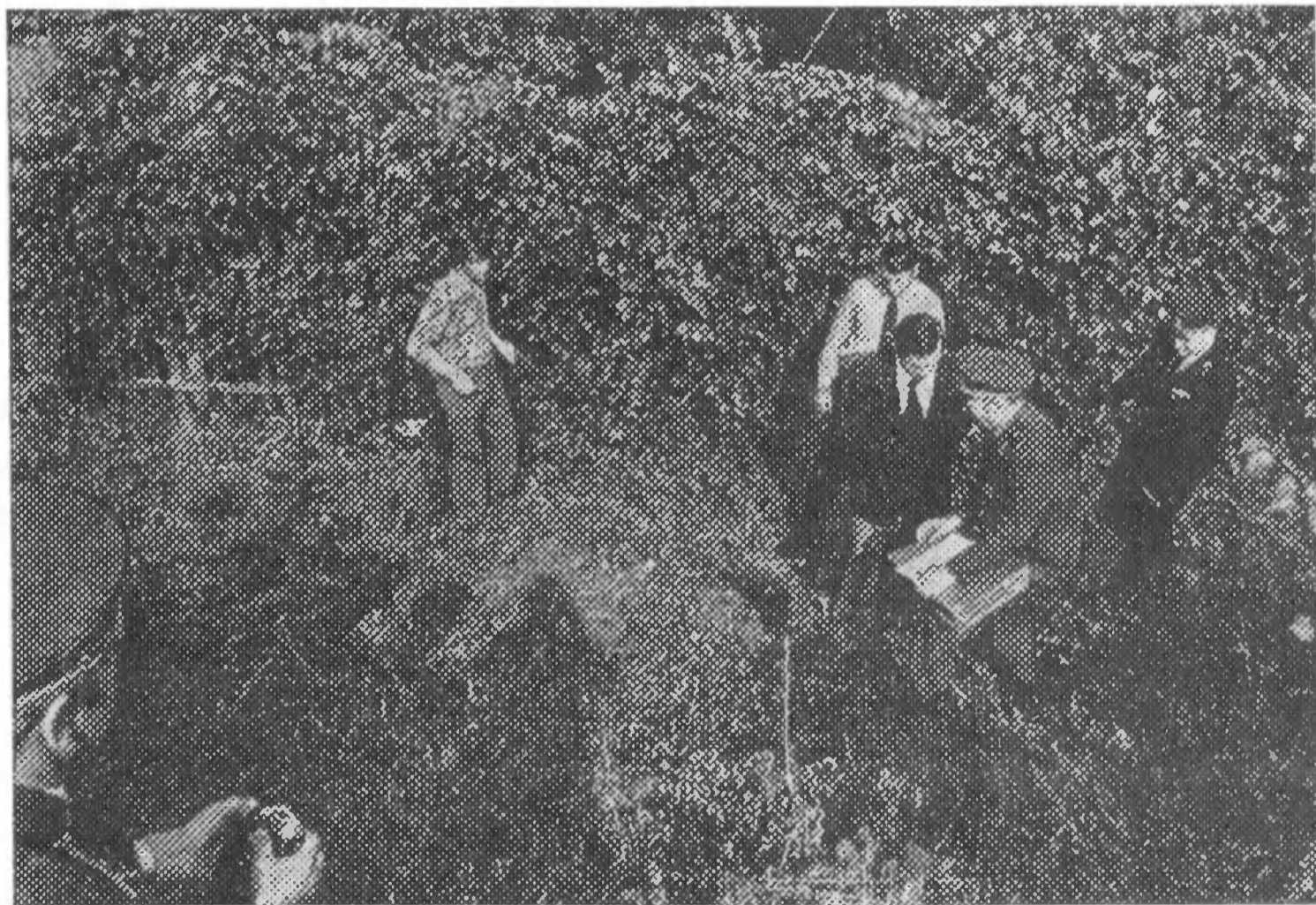
9.30. И снова — Коломийцев. Сегодня он руководит спецгруппой, выезжающей в товарный парк.

Следует короткий инструктаж с изложением задач сегодняшнего рейда. Еще и еще раз подчеркивается важность усиления борьбы с мелкими хищениями. Уж больно много соблазнов на станции: в вагонах везут ячмень, картофель, лук, свеклу, арбузы. Человеком, взяв-

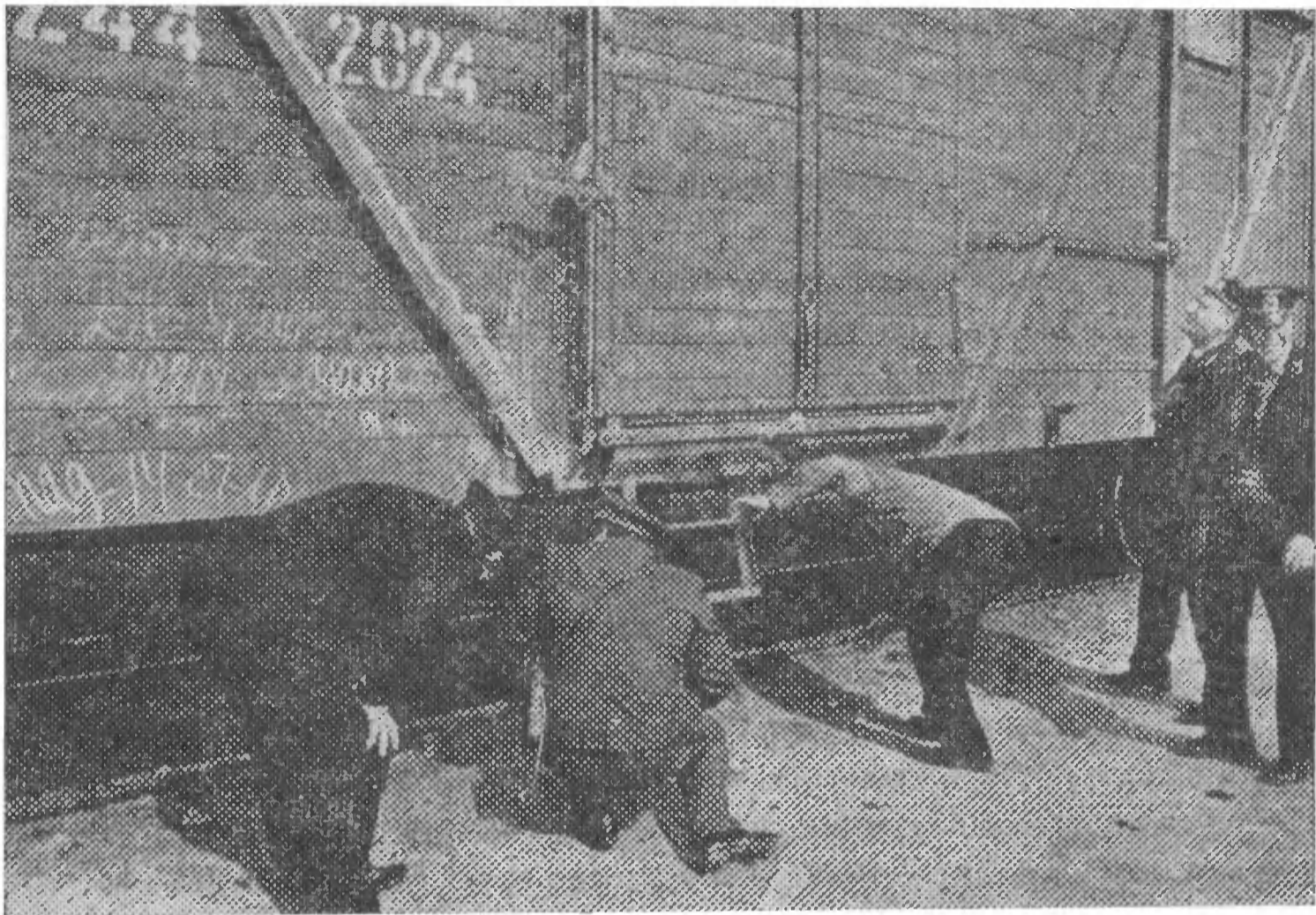
шим несколько килограммов ячменя или свеклы и непоиманным, может овладеть чувство безнаказанности. Дескать, не нашли раз — не найдут и вдругорядь. Четкая работа охраны и милиции — это не только обнаружение конкретного преступника, но и предупреждение преступлений.

11.00. Едем в УАЗе к месту ночного происшествия. Рядом сидит Анатолий Мурашко, тот самый, что вместе с «друзьями» похитил из вагона два ящика вина. Совсем молодой парень, недавно женился, есть ребенок, работает слесарем-автоматчиком в вагонном депо. Его везут, выражаясь словами протокола, для того, чтобы «воспроизвести обстоятельства события». Попросту говоря, он покажет место, где совершил кражу, расскажет, как ее совершил, и покажет следователю, эксперту-криминалисту, инспектору уголовного розыска и милиционеру кусты, в которых преступники прятали похищенные бутылки.

Удивительно все-таки, как трое молодых людей решились поставить на карту честь, совесть, свободу, наконец, ради возможности выпить несколько бутылок вина и заработать десятку-другую на авантюрном «предприятии». Что двигало ими? Страсть к наживе или выпивке? А может быть, уверенность, что «проскочат», ускользнут от ответственности?

На месте происшествия. Здесь преступники спрятали украденное из вагонов вино.

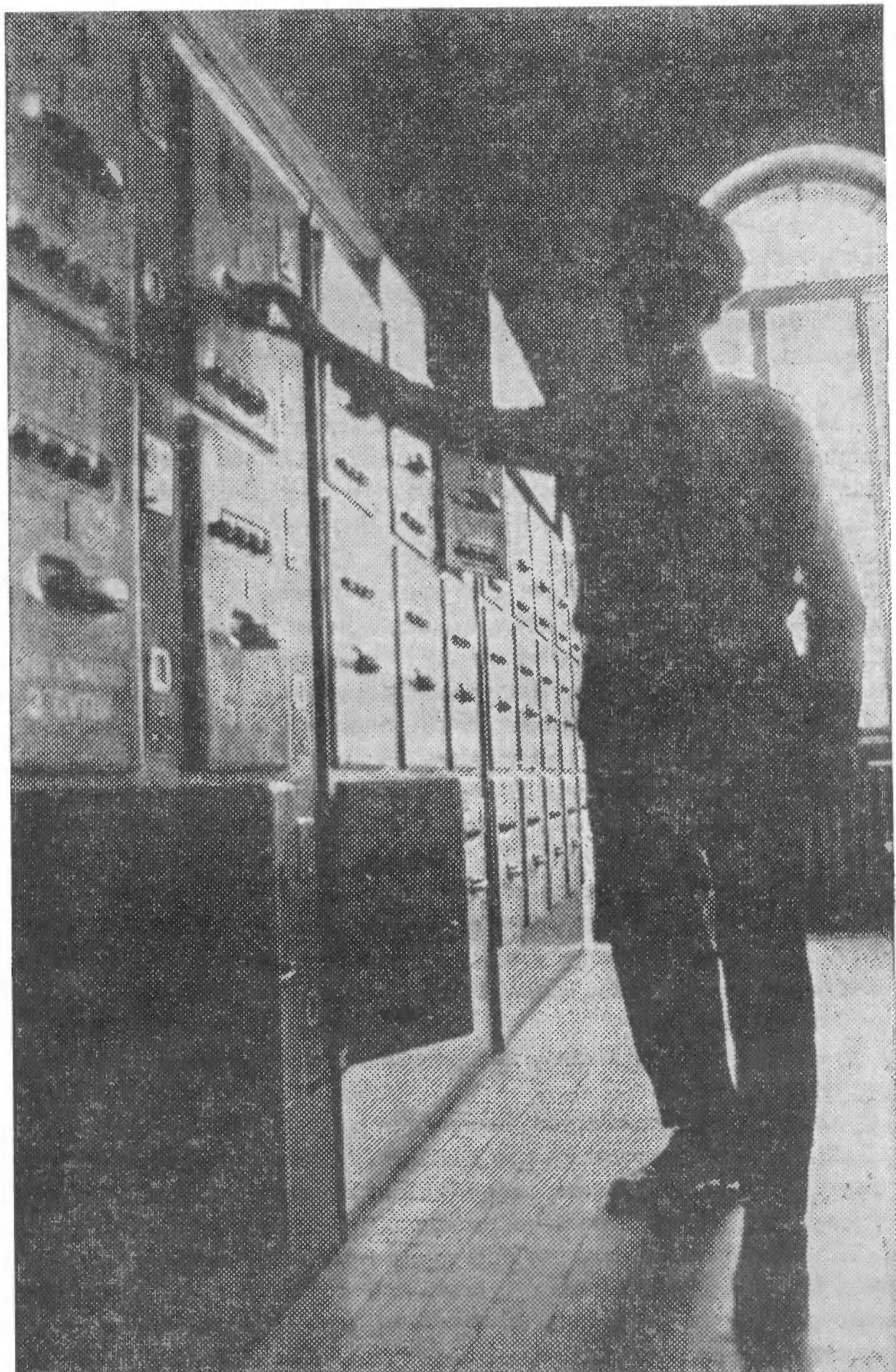
Осмотр вагонов на товарной станции.

Нет, не «проскочили», как не «проскочили» и все другие любители воровать. У линейного отдела милиции Кременчуга против нарушителей закона есть прекрасный, убедительный довод: почти три года здесь была стопроцентная раскрываемость преступлений.

...Мурашко молчит, неподвижно глядя в зарешеченное окно милицейского УАЗа.

15.00. Десятки раз приходилось мне бывать на вокзалах многих городов, но, честно говоря, никогда не обращал особого внимания на людей в милицейской форме. Просто их фигуры в толпе снующих, спешащих куда-то, шумящих и жующих на ходу пассажиров были для меня привычным олицетворением спокойствия, не более. И только теперь, выполняя задание редакции, я взглянул на них как-то по-новому. И понял, как озабочены они охраной нашего с вами благополучия, как внимательны и насторожены на своих постах, как готовы мгновенно откликнуться на зов пострадавшего.

Только что от перрона отошел поезд, следующий из Симферополя в Минск. Милиционеры В. А. Волков и П. Я. Сиротенко переговорили с бригадиром: все в порядке, жалоб нет, никаких происшествий. Они идут дальше, заглядывают в залы ожидания, курительные комнаты, кассовый зал.

Идет проверка багажных боксов.

Несколько дней назад в зале ожидания произошло ЧП, так что Волков и Сиротенко с удвоенным вниманием оглядывают посетителей. В тот день здесь дежурил старшина Василий Степанович Онищенко. К нему подбежал взволнованный, растерянный пожилой мужчина и срывающимся голосом рассказал, как неизвестный только что вырвал у него из рук дорожную сумку и скрылся. С трудом добившись хоть приблизительного описания внешности преступника, Онищенко ринулся в толпу на привокзальной площади. Каким-то шестым чувством распознал подозрительного субъекта. И оно не обмануло его. Задержанный и оказался тем человеком, кто вырвал у пассажира дорожную сумку.

16.00. По крутой лестнице поднимаемся в детскую комнату милиции, расположенную тут же, на вокзале. Сейчас должны прийти для «собеседования» несколько ребят, и здесь готовятся к этому. Старший лейтенант Елена Васильевна Возная возглавляет детскую комнату с момента ее создания. Педагог по образованию, она решила посвятить себя работе с трудными детьми и подростками. Ее идеал — Антон Семенович Макаренко, мысли, идеи, книги которого Елена Васильевна постоянно держит на вооружении (кстати, старший лейтенант родом из Крюкова, где родился выдающийся педагог). Она любит читать книги по психологии, ищет в них ответы на сложные жизненные вопросы. Они, как и ее повседневная работа, помогают выяснить причины, толкающие вчерашнего хорошего ребенка на плохую дорожку сегодня. А выявив причину, ликвидировать ее.

...Ребята рассаживаются вокруг стола. Беседуют о разбитых стеклах, о недопустимости кататься в грузовых поездах.

— Вот ведь и отметки у тебя, наверное, неважные,— обращается Елена Васильевна к смуглому большеглазому мальчугану.

Ребята смеются.

— Ошиблись, тетя. Он у нас ученик хороший, мы его даже Профессором зовем!

Атмосфера разряжается, начинается откровенный разговор...

19.00. После инструктажа на дежурство выходят дружинники. Весь вечер они будут следить за порядком на станции, привокзальной площади. Вместе с ними милиционер.

Вообще линейный отдел постоянно опирается на помощь администрации и общественности. Начать с того, что существуют четыре пункта профилактики правонарушений, руководимые советами общественности. В него входят начальник станции, начальник линейного поста милиции, учителя, работники вагонной, путевой и пассажирской служб.

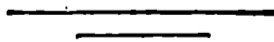
С помощью общественности работники линейного отдела успешно провели две операции. Первая, «Забота-76», ставила перед собой задачу обеспечить детям организованный отдых в летнее время, чтобы «болтающиеся» подростки не появлялись в особо опасных местах — на перронах и путях. Вторая операция — «Перегон». Длилась она месяц, в течение которого общественники и милиция встречались с жителями деревень, расположенных вдоль железной дороги, разъясняли им опасность выпаса скота без присмотра, неаккуратного хождения и езды по путям.

19.30. В это время Николай Федорович Долударев еще трудится, хотя официальный рабочий день уже закончен. Наш разговор часто прерывается телефонными звонками: невидимая, напряженная и в то же время несуетливая жизнь линейного отдела продолжается.

Шесть лет возглавляет коллектив этого отдела подполковник Н. Ф. Долударев. Прослужив в армии десять лет, он в 1953 году пришел в милицию оперуполномоченным Харьковского линейного отдела. Окончил Ленинградскую специальную среднюю школу милиции, стал начальником линейного пункта, потом начальником отдела уголовного розыска в Полтаве, и вот — руководит линейной милицией в Кременчуге.

21.00. В здании светится одно окно. Дежурный что-то записывает в журнал, подготавливая материал для рапорта. Но это — уже на следующий день. Сегодня — все.

Фото автора.

А. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

ИЗ ЗАПИСОК СЛЕДОВАТЕЛЯ

— ...Услышав крик, мы с сержантом Кузьминым тотчас же побежали на шум. Когда завернули за угол, увидели драку. Дрались трое. Как потом мы установили: Фомин, Завьялов и Подойников. На улице было уже довольно темно. Да еще и свет фонаря еле пробивался сквозь листву. И все-таки я рассмотрел, что дрались Фомин и Завьялов. Завьялов держал в руке нож. Вот так, клинком вверх,— показал младший сержант.— Заметил я, и как Завьялов сбил с ног Фомина. А Подойников в это время, почему-то прижимая руки к груди, подбежал и сзади ударил Завьялова ногой. Тот обернулся и ножом, вернее рукояткой, ударил его по голове. Подойников упал. Тут сержант Кузьмин засвистел и крикнул: «Бросай нож!». Я вынул пистолет из кобуры. Завьялов сразу перестал драться и бросил в нашу сторону нож. Я его поднял и, как положено, завер-

нул в носовой платок. Вот он.— Младший сержант развернул сначала бумагу, затем платок, и я увидел самодельный нож-кинжал с двусторонними лезвиями и наборной пластмассовой ручкой.— Все трое были в нетрезвом состоянии, здорово покалечились. У Завьялова разбита голова. Подойникову сломали руку, а Фомина повредили ухо. Мы вызвали по рации дежурную машину и доставили их в отделение. Затем Подойникова увезли в больницу. Вот, пожалуй, и все,— младший сержант Тимофеев устало потер глаза. Он только что закончил ночное дежурство.

— Когда вы ждали машину и везли задержанных в отделение, они о чем-нибудь говорили? — спросил я.

— Ругались. Особенно Подойников, который все время норовил оскорбить Завьялова.

— Из их разговора нельзя было понять, знакомы ли они между собой?

— Нет, по всему видно, раньше друг друга не знали.

— А из-за чего подрались, не можете сказать?

— Об этом они не говорили. Я, правда, спрашивал Фомина, но он отрезал: «Ничего не помню». По-моему, просто пьяная драка. Даже жильцы соседнего дома ее слышали, выходили потом на улицу. Фамилии и адреса двоих я записал...

Второй патрульный — сержант Кузьмин ничего нового к рассказу Тимофеева не добавил, а лишь сообщил, что Завьялов и Фомин находятся в отделении.

Милиционеры ушли, а я позвонил в отделение и попросил привести Завьялова. Придется возбуждать дело и начинать расследование. Хулиганство налицо: драка на улице, да еще с ножом. Причинены телесные повреждения, нарушен общественный порядок. И, не подойди вовремя патруль, не известно, чем бы все кончилось... В общем-то, дело вроде простое: пьяная драка, поножовщина. Но так только кажется. Следователь обязан точно восстановить картину событий, выяснить, как все было. Почему началась драка? Кто ее инициатор, то есть кто действительный хулиган? А возможно, здесь было нападение. Тогда нужно узнать, кто нападал, а кто защищался. Это очень важно. Да, с выводами тут спешить нельзя. В групповой драке порой очень трудно установить поведение и действия каждого. Тем более если нет свидетелей...

Минут через пятнадцать после моего звонка в отделение милиционер ввел в комнату невысокого, крепко сложенного парня. Голова перевязана. Под правым глазом большой синяк. Он хрипло поздоровался.

— Садитесь.

Парень медленно подошел к столу и осторожно сел на краешек стула.

«Как его нужно допрашивать: как потерпевшего, подозреваемого или свидетеля?» — мелькнула мысль.

Я достал бланки протокола допроса свидетеля.

— Расскажите, что произошло с вами вчера около половины одиннадцатого вечера во дворе дома номер пятнадцать по Коптевской улице?

— А вы что, не знаете? Драка произошла.

— Расскажите подробнее, с чего все началось.

Парень на мгновение задумался, склонил голову.

— Налетели на меня эти двое. Я никого не трогал, да и не знаю их вообще. Длинный попросил у меня закурить. Я не дал. Вот он и ударил меня...

— А вы его били?

— Конечно. Он меня, я его.— Парень помолчал, потрогал голову, отвернулся.— Кто-то из них мне бутылкой по голове врезал.— Завьялов поморщился.— Я шел своей дорогой. Они пристали. Вот и все. А ваше дело разобраться...

— Когда к месту драки прибыли сотрудники милиции, у вас в руках был нож...

— Это нож длинного. Он на меня им замахнулся. Тогда-то я нож у него и отнял...

— Вы живете за городом, в селе Красном. Как оказались в городе?

— К другу приехал.

— А где он живет?

Завьялов в упор посмотрел на меня.

— Зачем он вам? Его в драке не было. Да и не знаю, где он живет.

— Вы были выпивши?

— Да, я выпил стакан портвейна.

Больше ничего нового парень не сказал...

Много неясного. Почему Завьялов старается отделаться односложными или краткими ответами? Почему боится подробностей? Может, он сам и начал драку? И нож его? Не участвовал ли в драке его друг? Все это придется выяснять у Подойникова и Фомина...

Фомин вошел настороженный. Поздоровался, слегка даже поклонившись, прошел к столу, сел. Забинтована левая сторона лица — ухо повреждено. Рассечена левая бровь.

— Расскажите, где вы так пострадали.

— Вот именно, товарищ следователь, пострадал. Ухо разбито, и вот,— он показал пальцем на рассеченную бровь.— Чуть глаза не лишился. А во всем виноват этот битюг пьяный. Он, по всему видать, приемы самбо знает. Налетел на нас с другом. Тому руку сломал, а меня вот как разукрасил.

— Как фамилия вашего друга? Расскажите поподробнее, как все было.

— Как все было? Глупо было. Мы гуляли с другом, Валеркой Подойниковым. А тот битюг — первый раз его в наших краях вижу — встретил нас во дворе и сразу бросился бить Валерку. Руку ему сломал. А потом на меня. Ну я, конечно, защищаться стал, вмазал ему. В глаз. Но он же приемы знает. Хотел мне тоже руку вывернуть. Но я с этими штучками знаком. Не получилось у него ничего. Упали оба. А он мне ногой в лицо. И вот. Травма. Тут и милиция подоспела.

— Это вы его бутылкой ударили?

Фомин замялся. Затем, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Нет, не было...

— Расскажите о ноже.

— О ноже? Нож у него был, он на меня с ним кинулся, и, хотя я увернулся, рукояткой он все же задел бровь.

— Вы с Подойниковым были трезвыми?

— Я выпил кружку пива, а Валерка — не знаю.

— Он был один, тот, который вам встретился?

Фомин вздрогнул и бросил на меня быстрый взгляд.

— А кто с ним должен быть? Кто-то вроде был, но я не глядел. Темно там.

— Вы не заметили: это был парень или девушка? Участвовал ли неизвестный в драке?

— Не рассмотрел. Вроде девушка. А может, и парень. Дрался ли он — не помню. Там, во-первых, было темно, а во-вторых, такое началось, что только успевай отмахивайся...

— Мне кажется, Фомин, что вы рассказываете не все. Пострадал ваш друг, вы сами. Речь идет о серьезном преступлении — хулиганстве с использованием холодного оружия. Тут надо во всем разобраться как следует — суд за такие «дела» может лишить человека свободы на несколько лет. Об уголовной ответственности за дачу ложных показаний вас предупредили. Подумайте...

— Я все рассказал, товарищ следователь,— перебил меня Фомин.— Больше ничего не знаю и прошу этого битюга привлечь к суду. Другу руку сломал и меня покалечил. Хулиган. Да еще с ножом. Мы так дела не оставим...

Итак, Завьялов говорит: напали Фомин и Подойников. Фомин утверждает обратное. Кто же говорит правду? Нож был у Завьялова. Он хулиган? Может быть, Подойников будет более откровенным? Надо ехать к нему в больницу...

Подойников высокого роста, русоволосый парень. Предплечье правой руки в гипсе. Голова забинтована. Из-под бинта беспорядочно торчат длинные нечесанные волосы. Посмотрел на меня настороженно и слегка испуганно. Зашли с ним в кабинет дежурного врача.

— Что с вашей рукой?

Парень минуту-другую помолчал. Левой рукой неловко убрал прядь волос за ухо.

— Вчера вечером мы с Витей Фоминым гуляли на улице. Трезвые, ни в одном глазу. На нас налетел пьяный и начал драться. Сломал мне руку. Вот и все.— Он как-то наивно посмотрел на меня.

— Поподробнее, пожалуйста. Все с самого начала.

— Ну, значит, мы гуляем, а он — незнакомец-то этот здоровый — идет с девушкой. Тротуар узкий. Он меня толкнул, потом ударил. Я начал было защищаться, да он прием какой-то применил: схватил мою руку, повернул и сломал. Так и не пришлось мне ему ни разу сдачи дать. Витя Фомин за меня вступился. И ему попало. А в это время как раз и милиция появилась...

— А что вы знаете о ноже, который изъял милицейский патруль на месте драки?

Подойников проглотил слюну, помолчал, как бы раздумывая.

— Нож был у этого, который напал на нас. Он им на нас замахивался...

— Скажите, у кого была бутылка?

— Никакой бутылки я не видел.

— Знаете ли вы девушку? Как она себя вела? Что делала?

— Девушку тоже в первый раз увидел. По-моему, как только он начал нас бить, она ушла.— Парень потрогал гипс на руке.— Привлеките к ответственности того, кто мне сломал руку. Он меня покалечил и чуть не зарезал. Плечо опухло: руку поднять нельзя. Я ему ничего не сделал.

Неуклюже подписав левой рукой показания, Подойников вышел из кабинета. Тогда я попросил у дежурного врача историю его болезни. В больницу Подойников поступил в 23 часа в состоянии алкогольного опьянения. Попросив дежурного врача снять копию с истории болезни, я вышел в коридор. У открытого окна стоял Подойников и курил.

— Вы сказали, что вчера были трезвым. А в истории болезни записано совсем другое.

— Я ничего вчера не пил и не знаю, почему там так записано,— отрезал он зло.— Врачи могут и ошибиться.

Откровенного разговора не получалось, пришлось уйти ни с чем.

...Почему он твердит, что был трезвый? И Фомин, и Подойников в один голос заявляют: нож принадлежит Завьялову. При задержании нож действительно был у него в руках. Значит, напасть мог Завьялов. И, выходит, он — преступник. Но на месте драки еще была его знакомая. Почему Завьялов ничего о ней не сказал?

Одни вопросы. Пока без ответов. Нужно еще раз допросить Завьялова. И я опять поехал в отделение милиции.

Завьялов вошел в кабинет насупленный. Молча сел к столу.

— Вы были один, когда встретились с Подойниковым и Фоминым?

— А зачем это? — Наверное, по лицу моему было видно, что я знаю больше, чем он думает. Какие-то секунды он решал: сказать или нет. Наконец шумно вздохнул.— Была одна моя знакомая. Но она ни при чем. Дрались мы трое. С нами и разбирайтесь. Зачем ее-то впутывать?

— Вы не назвали своего друга, не говорите о девушке. Почему? Может, вы затеяли эту драку и избили ребят?

— Во как. Они на меня налетели, а я виноват. Ну ладно, скажу. Девушку звать Лена Алексеева...

— Где она живет?

Парень помолчал. Потом махнул рукой, назвал адрес.

— Теперь опишите, пожалуйста, нож, который, как вы говорите, отняли у Подойникова во время драки.

— Нож? — он опять некоторое время помолчал.— Это кинжал. Длинный, с толстой ручкой. В жизни ничего подобного при себе не носил и не имел...

— У Подойникова в драке оказалась сломанной правая рука. В какой руке он держал нож, когда хотел, как вы говорите, вас порезать?

— В правой. Вот так,— он показал, как Подойников держал нож.

— Когда вы отнимали нож, как утверждаете, рука могла сломаться?

— Не знаю. Я ему ее не ломал. И вообще не пойму, за что меня здесь держат. Мне домой надо. Я все рассказал.

— К сожалению, еще не все ясно. Кое в чем надо разобраться...

...Опять неясности. Почему он не хочет, чтобы была допрошена Алексеева? Может быть, ее показания не в его пользу? Как же была

сломана рука? Вопросы, вопросы... Нож уже отправили на дактилоскопическую экспертизу: надо проверить, кому принадлежат отпечатки пальцев на нем. А пока разговор с Еленой Алексеевой и жильцами дома номер пятнадцать по Коптевской улице, которые могли что-то видеть, рассказать. Нужно также еще раз осмотреть место происшествия: может, обнаружатся бутылочные осколки. Тогда и проверим показания Завьялова...

Вместе с сержантом Кузьминым едем на Коптевскую улицу. Там, во дворе дома номер пятнадцать, он показал место, где происходила драка. Однако осколков бутылки не нашли.

— Их мог убрать дворник,— предположил Кузьмин.

В жэке встретили дворника. Он подтвердил, что сегодня утром собрал осколки бутылки из-под портвейна «Три семерки».

— Вот тут они и валялись...

Это была та самая часть тротуара, где, по словам Кузьмина, и произошла драка.

Значит, бутылка все-таки была. Но кто ею ударил и кого? Фомин и Подойников о ней ни слова не говорят. Завьялов же, напротив, показывает, что его ударили бутылкой...

Затем я побеседовал с жильцами дома номер пятнадцать, фамилии которых назвал младший сержант Тимофеев. Они рассказали, что слышали шум, ругательства. Но никто ничего не видел: дрались за кустарником...

Следующая встреча с Еленой Алексеевой.

Дверь открыла худенькая девушка. Я представился.

— Могу я видеть Алексееву Елену?

— Это я,— слегка испуганно ответила она.— Вы по поводу Завьялова? Как он?

— С ним все более или менее в порядке.— Мы прошли в комнату. Сели у стола.— Так что же произошло вчера около половины одиннадцатого вечера?

Видно было, девушка нервничала.

— Нам встретились трое парней. Одного из них, Подойникова, я знаю: живет где-то рядом. Очень хулиганистый тип. Все наши девочки его боятся. С ним были еще двое выпивших парней. Стали приставать к Володе Завьялову.— Видно, сильно напугалась девушка — страх до сих пор стоял в ее глазах.— Это было ужасно.

— А у Завьялова было что-нибудь в руках? Не заметили?

— Нет, не видела.

— Вы сказали — они стали приставать. Как они вели себя?

— Подойников остановил Володю и потребовал закурить. Он сказал: не курю. Тогда они его окружили. Кто-то из них его ударил.

Володя сначала по-хорошему просил: кончайте хулиганить, а потом отбиваться стал. Я закричала, стала звать на помощь. Тут третий парень взял меня за руку и сказал, чтобы я уходила пока цела. Я побежала домой. Позвонила в милицию. Хотела сразу вернуться обратно, но мама не пустила, побоялась. Потом вместе пошли, но какой-то мужчина сказал, что их увезла милиция. Вот и все, что я знаю...

Так, Думал, допрошу Алексееву — и все станет ясно. А оказалось наоборот: появились лишь новые вопросы. Кто третий? Где он? Дрался ли тоже? Как говорят: чем дальше в лес... Но кое-что все-таки удалось установить. Драку начал Подойников. Логично. Завьялов один против троих вряд ли бы стал задираться. Буылки у него не было. Значит, у кого-то из тех. С ножом дело посложнее. Защищаясь, Завьялов мог его использовать. А мог и Подойников, когда Завьялов начал активно сопротивляться. Ответов на эти вопросы пока у меня нет. Что делать? Надо устанавливать третьего. Поговорить с Фоминым.

И я вновь поехал в отделение милиции. Моя просьба привести Фомина дежурного немного удивила:

— Рабочий день-то уже давно кончился!

— Что же делать — ведь люди задержаны, — ответил я. — Время торопит...

Увидев меня, Фомин насторожился.

— Сколько вас было, когда вы встретились с Завьяловым? — спросил я его.

Фомин покраснел, глаза забегали.

— У меня есть сведения, что вас было трое. Кто был третьим?

— Не помню. И дрался ли он — не знаю, не видел. Я вам уже рассказывал, темно там было...

Опять ничего нового. Фомин, видно, тоже инициатор и участник драки. Поэтому и дает неопределенные показания. Как найти третьего? Надо побывать дома и на работе у Фомина и Подойникова. Но сегодня уже поздно. Завтра с утра...

Утром я был на квартире Подойникова. Дверь открыл сосед — мужчина пенсионного возраста. У Подойниковых никого не оказалось. Мать была на работе.

— Я из прокуратуры. Мне нужно с вами побеседовать.

Старик провел меня на кухню. Извинился — «в комнате не прибрано». Усадил на табурет.

— Расскажите, как Валерий живет, с кем дружит, кто у него бывает в гостях. Например, позавчера вечером были ли у него гости?

— Плохо живет. Мать у него того, — он перешел на шепот, —

пьет. Никакого покоя от ее компаний. Старуху мою со свету сжила. Я не выходя в комнате сижу. А сынок у ней — форменный бандит. И приятели такие же — табунами тут ходят. Все насчет выпивки соображают. И позавчера здесь были. Фомин Витька из соседнего подъезда и еще Кошкин Генка вон из того дома, — он показал в окно на девятиэтажную «башню». — Выпили они здесь и ушли. Валерки-то уже другой день как нет.

— Вы случаем нож типа кинжала у него не видели?

— Как же. Вот такой тесак, — он показал длину. — И ручка наборная. Красивая. А что случилось?

— Валерий задержан за участие в драке. Вы можете опознать этот нож?

— А что ж, конечно. Приметная вещица.

Старик, надев очки, внимательно и долго читал протокол допроса, подписал его.

...Кошкина дома не было — ушел на работу. Выяснилось, что работает он на одном заводе с Подойниковым. Еду туда. Встретил он меня настороженно. Знаком ли он с Подойниковым и Фоминым? Да. Что знает о драке? Минута раздумья. Затем сказал, что во всем виноват Подойников: пристал к парню с девушкой и затеял драку, в которой участвовал и Фомин. Парень активно оборонялся. Сам Кошкин не дрался. А девушку отвел, чтобы «не попало тоже». Ножа в драке не заметил, хотя знал, что у Подойникова с собою нож-кинжал. Видел, как тот брал его из дома. Когда Подойников закричал: «Рука!», Кошкин понял, что дело плохо, и «смотался». Перед дракой выпили у Подойникова на квартире бутылку «Рубина», а потом, во дворе, еще пол-литра портвейна «Три семерки». Эта бутылка и была у Фомина во время драки. Ударил ли ею Фомин того парня, не видел. Кошкин осторожно подписал протокол допроса...

В тот же день сосед Подойникова Мухин, опознав нож, сказал: «Точно, Валеркин тесак». После этого я позвонил в криминалистическую лабораторию. Экспертизу уже провели: нож признан холодным оружием. На нем обнаружены отпечатки пальцев Завьялова и Подойникова.

Круг замкнулся. Нож принадлежит Подойникову, бутылка — Фомину.

Я тотчас освободил Завьялова, объяснил, почему сразу не сделал этого. Написал постановление о заключении Подойникова под стражу. Прокурор санкционировал его арест. С Фомина взяли подписку о невыезде.

В тот же день вечером ко мне в кабинет постучали. Вошел Кошкин, поздоровался.

— Товарищ следователь,— начал он прямо у двери,— я слышал, что меня тоже хотят судить. Но за что? Я не дрался, рассказал всю правду. Они нахулиганили, а мне отвечать вместе с ними? — В голосе, в глазах полная убежденность в своей правоте.

— Но, согласитесь, может быть, только потому, что вы ничего не делали, и произошло это преступление.

Опять искреннее недоумение.

— Неужели не понимаете? Ведь вы же видели: ваши друзья идут на преступление — и не остановили их. Удержи вы Подойников, Фомин в одиночку задираться бы не стал.

— А что я, обязан бороться с хулиганьем? На это есть милиция.

— Но хулиганы-то — приятели ваши. Привлечь вас к ответственности я не могу. Но о вашем поведении обязательно сообщу на завод. Пусть товарищи сами оценят ваш поступок...

Кошкин ушел обиженным, даже не простился...

Встреча с Подойниковым состоялась в следственном изоляторе.

— За что меня посадили? Того надо сажать, который меня покалечил.

— Конечно, вам сломали руку, но тем не менее по закону судить будут вас. Вдвоем вы беспричинно напали на незнакомого человека, били его, нарушили общественный порядок, покой граждан, а проще говоря — хулиганили. Да еще пытались применить нож — холодное оружие. А это уже особо злостное хулиганство. Но и это не все. Вы совершили еще одно преступление: носили с собою кинжал. А статья 218 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает за ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения лишение свободы или исправительные работы. А теперь насчет Завьялова: за то, что сломал вам руку, он отвечать не будет. Завьялов защищался, пытался пресечь ваше хулиганство. По закону он не виноват.

— Я буду жаловаться,— зло, но как-то неуверенно процедил Подойников.

— Это ваше право. Дело на вас и Фомина мы передаем в суд...

Спустя три недели состоялся суд. Подойников по-прежнему все отрицал. Фомин, напротив, рассказал правду, просил прощения у Завьялова и Алексеевой. Подойников был приговорен к лишению свободы, Фомин — к условной мере наказания. Завьялов участвовал в процессе как потерпевший.

СВЯТОЙ МАВРИКИЙ

П О В Е С Т Ъ

Иа четвертом часу дежурства телефон наконец ожил. Анечка привернула репродуктор и придвинула к себе журнал заявок.

— Диспетчерская восемнадцатого жэка,— сказала она и виновато посмотрела на Сергея.

Тот пожал плечами с таким видом, будто он так и знал, что это рано или поздно случится.

— Что? Что? — переспросила Анечка.— Не понимаю... А-а-а... Спасибо. Это все? — она захлопнула журнал.

Сергей облегченно вздохнул.

— В чем дело?

— Какой-то чудак поздравил с восьмым марта...

— Ну и слава богу,— сказал Сергей.

— По-моему, ты просто лентяй,— сказала Анечка и посмотрела на часы.— Потерпи, осталось три с половиной часа.

— А по-моему, это свинство — работать, когда другие празднуют,— сказал Сергей и закурил.

— У меня сменщица заболела,— сказала Анечка.

— Отгулы коплю, хочу к старикам в Астрахань навеститься. С тех пор, как в МИФИ срезался, не был. То ждал, когда списки вывешат, то — как по лимиту устроюсь, потом — когда на подготовительные запишусь.— Сергей стукнул ребром ладони по колену.— В этом году обязательно поступлю.

— Упорный,— вздохнула Анечка.

— Последовательный,— усмехнулся Сергей, встал и с хрустом потянулся.

— Здоров же ты,— еще раз вздохнула Анечка.

— Это после армии выробнялся. Раньше дохлый был. А теперь,— Сергей засмеялся и гулко постучал себя кулаком в грудь,— дешевле похоронить, чем прокормить.

Снова затрещал телефон.

— Да,— недовольно сказала Анечка.— Говорю вам, диспетчерская... Давно течет? Часа два?.. Записываю... Какой этаж? Пятый?.. Хорошо, сейчас будет...

Сергей поднял чемоданчик с инструментами и выдернул из-под пальцев Анечки листок с адресом.

— Я быстро,— сказал он, заглядывая Анечке в глаза.— И чтоб без меня ни-ни...

— Будет тебе, Сережа.

Сергей затопал по темному коридору. Из-за двери, ведущей к участковому инспектору Степану Константиновичу, пробивалась ниточка света. Старик, наверное, домой скоро пойдет, подумал Сергей и вдруг остро пожалел себя: тому небось холода наварили, а тут живешь, как собака, ешь всухомятку, спишь на одной простыне. Жениться, что ли?

У крыльца Сергей провалился в затянутую льдом лужицу и чертыхнулся. Торопясь, чтобы не замерзнуть окончательно в мокрых ботинках, заскользил по припорошенному снежком льду. Заворачивая в переулочек, он услышал резкий визг притормозившей машины и еле успел увернуться. Темную «Волгу» протащило юзом, потом шофер, не оглядываясь, поддал газу и понесся дальше в притихшую пустынную улицу. Это окончательно испортило Сергею настроение...

Дверь открыли сразу, как только Сергей отнял палец от кнопки звонка. В дверях стоял парень в белой рубашке и сбившемся на сторону галстук. Из-за его плеча выглядывала девушка с растрепанной прической.

«Наверное, в прихожей целовалась»,— подумал Сергей.

— Слесаря вызывали? — спросил он.

Парень осмотрел его с головы до ног и промолчал.

— Слесаря вызывали? — повторил Сергей.

— Ну...— сказал парень.

— Что случилось? — спросил Сергей, не зная, как расценивать это лаконичное «ну».

Парень снова промолчал.

— Что случилось? Зачем вызывали?

Парень понимающе улыбнулся и подмигнул.

«Везет на пьяных»,— подумал Сергей и посмотрел на девушку. Она поняла, что без ее вмешательства не обойтись, и протиснулась вперед.

— Вызывали, вызывали,— сказала она и поправила прическу.

«Хорошенькая»,— машинально отметил Сергей и шагнул через порог, слегка отодвинув парня.

— Пойдемте скорее,— сказала девушка и по-приятельски взяла Сергея за рукав.

«Пожалуй, очень хорошенькая»,— окончательно решил Сергей.

Они прошли в полутемную прихожую.

— Это твой парень?..— раздался голос сзади.

— Не говори глупостей,— сказала девушка, не оборачиваясь, и повела Сергея на кухню. В раскрытой двери был виден праздничный стол.

— Вот, смотрите,— сказала девушка, указывая пальцем на потолок. Там над плитой синело большое мокрое пятно. По его краям собирались крупные мутно-белые капли и с глухим стуком падали на кафельный пол мимо подставленного тазика.

— Э-т-т-о твой парень,— обиженно промычали за дверью.

— Вот, видите? — повторила девушка, прислушиваясь.

— Вы наверху были? — спросил Сергей.

— Мы никогда наверх не ходим,— с гордостью сказала девушка и передернула плечами.

— Ну-ну,— сказал Сергей и направился к выходу.

Девушка вышла вслед за ним. Она стояла и смотрела, как он поднимается по лестнице. Сергей оглянулся. Девушка улыбнулась и не ушла.

Поднявшись на следующий этаж, Сергей перегнулся через перила и посмотрел вниз. Девушка стояла на площадке и глядела на него. Хуже нет — работать по праздникам, решил Сергей.

Дверь в квартиру номер 17 была самая красивая на шестом этаже. Хорошо обитая, с тяжелой изогнутой ручкой и круглым старинным звонком с замысловатой вязью «Прошу повернуть». Сергей прочел табличку «Профессор Симонов В. С.» и повернул звонок.

Через несколько секунд послышались тихие шаги. Человек за дверью немного постоял, как бы раздумывая, открывать ли, затем шаги стали так же неспешно удаляться.

«Что за черт»,— разозлился Сергей.

— Что, никого нет? — спросила девушка снизу.

— Да непонятно... Во всяком случае, не открывают...— сказал он и позвонил еще раз и еще.

— Что же, нас так и будет заливать всю ночь? — весело спросила девушка.

— Да нет. Не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем. В крайнем случае дверь взломаем. Пойдете в свидетели?

Сергей подошел к перилам и посмотрел на девушку.

— Мы никогда наверх не ходим,— ответила она кокетливо.

Послышалось лязганье цепочки, потом тихо щелкнул замок, и дверь медленно открылась.

На пороге стоял высокий человек с красивой проседью в волосах. С его широких плеч живописными складками ниспадал просторный домашний халат.

— Что вам угодно?

— Я слесарь из жэка.

— Мы никого не вызывали,— строго сказал мужчина в халате и внимательно оглядел Сергея с головы до пят.

— Вы-то не вызывали, а у ваших соседей внизу вот-вот штукатурка начнет осыпаться.

— А при чем здесь я? — недовольно буркнул жилец.

— Как при чем? Течет-то от вас. У них там потоп.

Мужчина долго смотрел на Сергея, о чем-то размышляя. Затем без видимого удовольствия шагнул назад и кивком головы пригласил Сергея входить. Потом долго возился с запорами.

— Проходите, это на кухне,— наконец сказал он, накинув последнюю щеколду.

«Ну и профессор,— невесело подумал Сергей.— Попадись такому в лапы на экзаменах — живьем съест».

На кухне по всему полу, выложенному метлахской плиткой, блестела вода.

Из трубы, идущей к старинному фаянсовому умывальнику, разрисованному какими-то легкомысленными розанчиками, с тихим шипением выбивалась тоненькая струйка воды.

— Да-а...— озабоченно протянул Сергей. Стало ясно, что так ско-

ро он отсюда не выберется. Эти чертовы старые дома! В одном месте тронешь — в другом засвищет. Как бы не пришлось всю трубу менять. Хорошо, если вентиль работает. Хотя...

— Куда ж вы смотрели? — Сергей со злостью оглянулся на профессора. Тот стоял за его спиной.

— Заработался...

— Заработались, — проворчал Сергей, демонстрируя свою слесарскую гордость и превосходство. — Смотреть надо! Вот заставят внизу ремонт делать... Ну, что вы стоите, давайте ведро, тряпку. Где у вас тут вода перекрывается?

Профессор, грузно ступая, решительно направился в ванную. Сергей, грохнув об пол чемоданом с инструментами, отправился за ним.

«Как слон топает, — злорадно размышлял Сергей. — Они заработались, а ты собирай теперь воду, а там ее ведра два, не меньше. Не заставишь же его ползать с тряпкой. Был бы помоложе — я бы тебя...»

Тряпки в ванной не оказалось.

Профессор недоуменно развел руками.

— Черт знает что такое, — растерянно улыбнулся он. — Вечно эта Настя куда-то все прячет. Не домработница, а инквизитор.

Слава богу, вентиль на стояке в туалете функционировал. Сергей перекрыл воду и с большим облегчением прислушался. Тихое шипение на кухне прекратилось.

Половую тряпку Сергей нашел сам. С чрезвычайной осторожностью, будто ступая в топкое болото, он шагнул в лужу на кухне.

Профессор стоял на пороге и молча наблюдал за ним.

— Ну, а ведро где? — раздраженно спросил Сергей. «Чего уставился? Теперь будет над душой стоять, глазеть, как я на карачках ползаю».

— Не знаю я, куда она ведро дела, — сказал профессор, сходя в ванную.

— Тогда я буду в умывальник...

— Валяйте, только побыстрее.

Сергей бросил тряпку на пол, выжал прямо на розочки умывальника. Еще раз, еще.

Уйдет он когда-нибудь?

Он оглянулся. Профессор так и стоял на пороге. Сергей видел лишь его ноги в больших мокрых ботинках. Размер сорок пятый — сорок шестой. Вот уж, действительно, слон.

Сергей еще несколько раз проделал процедуру с отжиманием, варьируя про себя на разные лады слово «слон» и видя то умывальник, то профессорские ноги в огромных мокрых ботинках. Он успел досконально изучить эти ботинки с замысловатым рантом и с живописными соляными разводами, а воды оставалось еще порядочно.

И чего он в ботинках по дому ходит? В халате и в ботинках, в халате и ботинках... Говорит, заработался, а сам недавно с улицы. Вон даже ботинки не обсохли. А зачем он соврал? Почему не вызвал слесаря сам? Какой-то ненормальный...

Профессор стоял огромный и величественный, как монумент.

«В конце концов, я не обязан тут полы мыть», — решил Сергей и, в последний раз отжав тряпку, швырнул ее в угол.

Лужа исчезла, но пол был еще сырой.

Сергей направился в коридор за своим чемоданчиком.

Профессор не спеша, словно раздумывая, уступил ему дорогу.

— Это надолго? — спросил он.

Сергей пожал плечами.

— В этих старых домах ничего нельзя знать наверняка. Тронешь в одном месте, а расползется в другом.

— Мне скоро нужно уходить.

— Я постараюсь, — сказал Сергей и встретился взглядом с профессором. В глазах у того мелькнула тревога. — Не бойтесь, это не больше двадцати минут.

— Ну, тогда ничего, — с облегчением сказал профессор...

Звук раздался неожиданно, будто кто-то специально дожидался паузы и, подгадав, бросил на пол тяжелый предмет.

Сергей увидел, как профессор вздрогнул и побледнел. Он даже прикрыл глаза, как от внезапной острой боли.

«Что с ним?» — испугался Сергей. И вдруг испугался по-настоящему, и не за побледневшего профессора, а за себя. Готовый было сорваться с языка вопрос застрял в горле.

Глаза профессора цепко обшаривали его лицо. Сергей увидел, что тот прочел его страх.

— Валерий Николаевич, что у вас там случилось? — крикнул профессор в комнаты.

Несколько секунд там было тихо. Потом неуверенный мужской голос ответил:

— Да вот тут книжка упала.

— Вы еще не закончили? — облегченно вздохнув, спросил профессор.

— Пока нет...

— Там мой дипломник работает, ужасно неповоротливый малый, — заметно оживился профессор, — вечно что-нибудь роняет. — Он говорил это почти весело и, пожалуй, чуть громче, чем следовало.

Сергей слушал его и не понимал смысла слов.

«А ведь он не профессор». От этой неожиданной мысли Сергей уронил газовый ключ. «Какая глупость, — спохватился он, поднимая ключ. — Типичный профессор. И руки профессорские...»

Сергей хотел взглянуть на его руки, но они были в глубоких карманах халата.

«В конце концов, какое мне дело?» — Сергей приладил ключ к муфте и осторожно нажал. Муфта не поддавалась.

Как бы не стронуть всю трубу... Он нажал еще раз. Потом решил не рисковать и придержать трубу другим ключом. По счастью, у него был второй номер с собой. Он снял «первяк» с муфты и надежно захватил им трубу, а второй номер накиннул на муфту и начал потихоньку нажимать.

Эти маленькие производственные проблемы немного отвлекли его. Но когда муфта благополучно отошла и обнажила ржавую резьбу сгона и оставалось только подмотать свежего льна и загнать муфту обратно, в дальней комнате раздался телефонный звонок.

Сергей встретил напряженный взгляд профессора.

Нет, так не реагируют на обыкновенный телефонный звонок.

Профессор растерянно оглянулся и, словно подталкиваемый вопросительным взглядом слесаря, шагнул было к комнате. Потом вернулся и произнес:

— Я сейчас, я на минуточку...

— Пожалуйста, пожалуйста,— насмешливо ответил Сергей.

«Чего он докладывается. Больно он здесь нужен. Стоит над душой. Терпеть не могу».

Профессор ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

Телефон, очевидно, стоял в дальней комнате. В первой было темно. Профессор прошел ее, не зажигая света. Во всяком случае, Сергей не слышал щелчка выключателя.

А телефон все звонил.

Пора бы ему и трубку снять, подумал Сергей.

Он отчетливо различал торопливые тяжелые шаги по дальней комнате, приглушенные голоса и резкую, настойчивую телефонную трель. Потом звонок затих.

Сергей был готов поклясться, что телефон накрыли подушкой. Он слышал очень тихое бреньканье...

— Да, это я. Нет, не могу. Я сейчас занят. У меня слесарь...— на всю квартиру кричал профессор.

Сергей воровато взглянул на дверь, быстро нагнулся за ключом и, захватив им целую и невредимую трубу, резко рванул на себя. Он видел, как на белоснежном, крашеном-перекрашенном тройнике лопнула краска и показался клочок прогоревшего льна.

«Пожалуй, хватит,— решил он,— обязательно потечет, когда открою вентиль».

Он швырнул ключ в чемоданчик, но, подумав, переложил в наколенный карман. Попробовал, легко ли вынимается.

Нельзя сказать, что у него уже созрело определенное решение. Сергей еще ничего толком не понимал. И то, что он повредил трубу в новом месте, не было продиктовано ничем, кроме желания оттянуть время и попробовать разобраться в своих ощущениях и предчувствиях.

Безотчетный страх, охвативший его несколько минут назад, прошел. Скорее это был не страх, а какой-то животный ужас перед неизвестным, таинственным. Теперь, когда с этим было покончено, предстояло спокойно разобраться— что же происходит на самом деле. А потом уж и отвести себе в этих событиях определенную роль с соответствующей линией поведения.

Ход рассуждений Сергея Вишнякова был приблизительно такой: «Слесаря вызвали соседи снизу. Они сказали, что протекать начало полтора-два часа назад. «Профессор» открыл не сразу, хотя и подходил к двери, а только после того, как я сказал, что придется ломать дверь. Он сразу послал меня на кухню. Следовательно, знал, где произошла авария. Когда я его спросил, почему не вызвали раньше, заявил, что «заработался». Не «заработались», что было бы гораздо точнее, раз их тут двое. Это не вяжется с двумя вещами. Первое — он знал про аварию и соврал, как мальчишка. Второе — у него

мокрые ботинки. А на основе своего опыта хождения по гостям я знаю, что ботинки за два часа высыхают на ногах, тем более в таком тепле. Не раз приходилось их прятать под стул из-за этих безобразных соляных разводов. Следовательно, он незадолго до меня пришел с улицы.

Почему он так и не сказал? Это было бы проще всего. Очевидно потому же, что и мне эта мысль пришла в голову в последнюю очередь.

Раз профессор — значит рассеянный, весь в работе, забылся, не заметил. Есть еще одно предположение, но оно отпадает сразу. Промочить ботинки в луже на кухне он не мог. Нигде на воющем до зеркального блеска темно-красном старинном паркете не видно мокрых следов. Вернее, есть отчетливая цепочка уже высохших — моих собственных».

В дальней комнате замолкли голоса, и по грузным шагам Сергей определил, что это возвращается «профессор». Слесарь выдернул из комка льна длинную прядку и стал не спеша накручивать ее на резьбу. «Профессор», опять застывший изваянием на пороге, уже не действовал ему на нервы. Напротив, он словно подгонял его мысли.

«Хорошо! Отнесем эти соображения к странностям профессорской души. Но есть и другие неувязочки. Более серьезные...»

Сергей покосился на профессора. Тот стоял, как и прежде, погружив руки глубоко в карманы... Из-под бархатного отворота халата белел воротничок рубашки. Узел галстука был несколько старомодным, что и было теперь последним криком моды. На одной руке обшлаг, обшитый тем же темно-вишневым бархатом, задрался и обнажил пиджачный рукав.

Профессор, заметив вопросительный взгляд Сергея, чуть шевельнулся, потом отошел от кухонной двери, вернулся с хрупкой тонконогой табуреткой и осторожно опустился на нее.

«Почему он в халате? — подумал Сергей.— Ну, разумеется, пришел человек с улицы, снял пальто, переодеваться не стал, потому что скоро уходить, потом озяб и накинул халат. Вот чертовщина! Как только возникает какое-либо, пусть даже смутное, подозрение, так тут же приходит нормальное жизненное объяснение. Можно подумать, что я поставил целью подозревать бедного профессора во всех смертных грехах. В том-то и дело, что никакой цели я себе не ставил, а подозрения возникли сами собой. Но почему он разгуливает по квартире в ботинках? Почему он до поры скрывал присутствие своего якобы дипломника, да и какие сейчас дипломы? Почему он накрыл телефон подушкой, вместо того чтоб или ответить, или просто не снимать трубку. Почему он делал вид, что разговаривает по телефону? И вообще!.. Чего он торчит здесь над душой? Шел бы к своему якобы дипломнику».

Сергей кончил подматывать лен и взялся за муфту. Придерживая трубу другим ключом, он загнал муфту на место и, собрав остатки льна в комок, вытер им руки.

Профессор оживился. Скрипнул табуреткой. Кашлянул, прочищая горло после долгого молчания, вынул руки из карманов и, опершись ими о колени, грузно поднялся.

— Ну что, молодой человек, закончили?

— Да вроде все,— ответил Сергей.

Он прошел в туалет и долго возился с вентиляем.

«А если сейчас не потечет в новом месте? — думал он.— Мне ничего не останется, как собрать вещички и попроситься. А дальше что? Ну, побегу я на улицу, ну, найду милиционера или из автомата позвоню своему участковому. И что я ему скажу? Приходите скорее, в квартире жулики. Смешно. Если это жулики, то почему они меня пустили. Могли бы подождать, пока я уйду, и смыться. С таким же успехом они могут смыться, пока я хожу за милицией. Да еще прихватят, что могут, а потом на меня же и шишки посыплются. Ты был последним, ты и взял. А если не ты, то почему не задержал сам? А как их задержишь? Кто знает, сколько их? Пока слышал двоих. Но их может быть и трое, и четверо.

Но самое смешное будет, если этот тип окажется настоящим профессором. А скорее всего, так оно и есть»,— неожиданно для себя заключил он и, решительно отвернув вентиль, отправился на кухню.

Ну вот, пожалуйста, в новом месте из-под тройника вода била в несколько веселых струй.

Профессора в коридоре не было. Сергей, чертыхнувшись про себя, быстро пошел к комнатам. Не успел он потянуться к дверной ручке, как дверь распахнулась и на пороге вырос профессор. Он буквально вытолкнул Сергея на середину коридора.

— Ну, что там у вас? — с плохо скрываемой злостью быстро спросил профессор.— Закончили наконец? Закончили, так идите! Видите, я занят.

— Я закончил,— ответил Сергей,— но в другом месте потекло. Я хотел позвонить... Сказать... У нас там диспетчер. Она должна знать, где я,— бормотал Сергей, отступая на кухню, поближе к своим инструментам.

Профессор, как привязанный, шел за ним.

— Ну, и что случилось? — медленно произнес он, и в голосе его прозвучала угроза.

— Я же говорил,— сказал Сергей, быстро нагибаясь к чемоданчику за газовым ключом,— что в этих старых домах в одном месте тронешь — в другом потечет. Теперь нужно начинать все сначала. Разворачивать опять этот сгон, вынимать трубу из тройника, подматывать и собирать снова.— Говоря это, Сергей с удовлетворением отметил, что профессор в кухню все-таки не идет: очевидно, боится намочить ноги. Плиточный пол еще не просох.

— Вот что, молодой человек,— медленно и отчетливо произнес профессор (было видно, что такой спокойный тон ему дается с трудом),— я действительно очень тороплюсь, вы сейчас снова перекроете воду и пойдете домой, а завтра придете и все исправите. Завтра с утра вы можете здесь работать хоть целый день. Завтра, а не сейчас.— И профессор повернулся, показывая всем своим видом, что дело решено, разговор окончен и по-другому и быть не может.

— Я бы с удовольствием...— с досадой в голосе сказал Сергей.

Профессор резко обернулся:

— Что?! Что такое?!

— Я говорю, я бы с удовольствием,— примирительно сказал Сер-

гей,— да нельзя. Вашим вентилям перекрываются три этажа над вами.

— Что же это такое?! — застонал профессор.— Неужели ничего нельзя сделать?

— Ничего и не придумаешь,— сказал Сергей, поигрывая увесистым ключом.— А впрочем, какой у вас замок?

— Обыкновенный,— рассеянно буркнул профессор, размышляя о чем-то другом.— А при чем здесь замок?

— Вы можете спокойно идти по своим делам, если у вас замок английский и захлопывается, а я, как сделаю, захлопну дверь. Мы часто так работаем.

Профессор задумался. Пока он размышлял, Сергей засунул ключ в наколенный карман и, решив действовать напролом, вышел из кухни.

— А позвонить мне все равно нужно,— веско сказал он.— Где тут у вас телефон?

Профессор машинально кивнул, очевидно так и не прервав своих размышлений. Сергей быстро подошел к двери, ведущей в комнату. Профессор в последний момент преградил ему путь.

— Не стоит следить...— сказал профессор.

...Эту историю Макар Фатеев услышал случайно в купе, возвращаясь со своей командой гребцов с соревнований. Гребцы уже дружно храпели за стенкой, а он ворочался на верхней полке. Внизу гремели пивными бутылками и приглушенный, с сипотцей голос что-то бубнил. Макар подумал, что это тот маленький лысенький попутчик, но глянуть вниз, проверить свою догадку ему было лень. В слова он не вслушивался, но они назойливо лезли в сознание...

— Отступление, наступление, а наша дивизия все время на переднем рубеже. В конце концов, попал в окружение, а выйти так и не смог. Остался с группой моих товарищей на оккупированной территории. Пошатались по лесам недельки две и вышли на маленький партизанский отряд. Короче говоря, пришлось мне воевать в Брянских лесах.

А надо сказать, отряд тогда силу набрал, все мы эту силу чувствовали, и поэтому казалось, что невыполнимых задач нет.

Я-то был в стороне от этих хлопот, но спокойной жизни и у меня не было. Стоял июль, самый сенокос, и тут уж я был почти в одном ранге с командиром отряда.

Вы не улыбайтесь. Сенокос для партизанской войны — дело важное. Сами посудите: лошадей у нас — огромный табун, скота, крупного и мелкого рогатого,— голов под сто. Так что, как хотите, а сено было для нас стратегическим сырьем. Это тебе и продовольствие, и транспорт, и связь...

А косили мы по лесным лужкам, полянкам, просекам. Не косьба, а грех один. Там ущипнешь, здесь подбреешь. Да мало еще скосить. Надо перевезти сено в удобные места, чтоб оно зимой было под руками... Зимой ведь доставка — дело трудное и заметное. Да так нужно стога и копешки расположить, чтоб никто их и не заметил. Вот и приходилось кумекать, что к чему. Надо сказать не хвалясь, я эту сенную стратегию очень хорошо усвоил, за что и уважал меня командир.

В тот день снарядил я три подводы, в каждой по три человека, и направились мы в зареченский лес, где у меня были три копешки сена самого отборного, по склонам оврага с преогромнейшим трудом насушенного.

Добрались мы благополучно, нагрузили три здоровенных воза, увязали и двинули обратно, вернее к тому местечку, неподалеку от лагеря, которое я облюбовал заранее.

И вот посреди дороги один из возов накренился на колдобине и рассыпался. А шел этот воз последним. Ну, мы кое-как телегу поставили на колеса и взялись за вилы. Тут слышим — вроде машины гудят. У нас, конечно, все с собой было. Расположились четверо партизан в лесочке по обочине, а я с товарищами за сеном залег. Очень удобное получилось прикрытие. Целая копна на дороге. И не объедешь ее никак.

Смотрим — мотоцикл с коляской, а за ним «опель-адмирал». Мотоциклисты, как увидели наше заграждение, так, не доезжая, пошли шить сено из ручных пулеметов. Еще и нас-то не видели, а так, со страху стреляли...

Только мотоциклисты подъехали немного поближе, один из моих москвичей автомат поднял и одной удачной очередью срезал экипаж мотоцикла. Тут из леса послышались выстрелы. Потом вижу — граната летит на дорогу. Отчетливо вижу. Летит, кувыркается в воздухе. Вжался я в сено. Ба-а-бах! Открываю глаза — темно. А это волной на нас сено навалило. Откопался я — тишина. Только мотоцикл горит, потрескивает, а около машины двое наших с винтовками наготове. Подошел к «опелю». Там двое. Шофер и еще один в мундире, в генеральском вроде. Ну, думаю, и дела. Собрал кое-как фразу по-немецки и говорю: мол, милости просим, господин генерал.

Притрусили мы их с шофером сенцом и — вперед на полной скорости. Надо генерала скорей доставить, да еще за сеном успеть вернуться.

Это действительно оказался генерал. Ну, нам всем, кто участвовал в этой «сенной операции», награды и все такое прочее...

Все документы его сразу на Большую землю отправили. А конверт один у меня остался. Картинка на марке мне очень понравилась.

После войны я поступил в университет, на экономический факультет. Там-то и познакомился с Виктором Сергеевичем Симоновым. Он тогда еще доцент был, читал нам историю. Все знали, что он филателист заядлый, и пользовались этим. Ну, и я решил как-то воспользоваться этой его слабостью и на экзамене вместо того, чтоб отвечать по существу, свернул разговор на марки и рассказал ему свою историю с генералом. В общем, чтоб хоть на трояк натянуть, я сочинил, что генерал именно из-за марки очень беспокоился. Сочинить-то я сочинил, но, видно, у голодных, непутевых студентов особенное чутье. Вышло, что я попал в точку.

Тут Макар окончательно поборол дремоту и даже пододвинул подушку к краю, чтоб видеть рассказчика. Он угадал: действительно, рассказывал маленький лысый, а молодой и сонный меланхолично отхлебывал пиво из стакана и согласно кивал на каждую фразу.

— В зачетке у меня образовалась четверка, — продолжал рас-

сказчик,— и в тот же вечер я был у Симонова дома, на Тверском бульваре с заветным конвертом в кармане.

Не успел я раздеться, как он меня спрашивает: «Ну что, принесли?»

А конвертик еще в той пергаментной бумажке. Развернул я его, Виктор Сергеевич взял двумя пальчиками — и к свету. Смотрю, вроде разочарование на его лице.

«Ничего,— говорит,— ничего. Не бог весть что, но ничего... И у меня ее нет. Вообще-то, не очень редкая марка. Зря он так беспокоился, ваш генерал. Редкая, конечно, но не очень. В Союзе их не больше трех-четырёх десятков. Но совершенно с вами согласен — очень красивая».

Тут он меня к столу. Помню, я так навалился на еду, что через полчаса осоловел, сижу и сплю. А Симонов принес специальную стеклянную ванночку и с заговорщицким видом подмигивает мне. Сейчас, мол, приведем ее в товарный вид. Налил он в ванночку теплой воды и склонился. А я сижу, дремлю вполглаза.

Очнулся я от того, что Симонов испустил какой-то тихий, но уж счень пронзительный крик. «Идите,— говорит,— сюда скорее»,— и рукой мне машет. Я выбрался из кресла — и к нему. Смотрю, а в ванночке чудеса. Моя красавица, которой я всю войну любовался, прямо на глазах бледнеет и отслаивается, а под ней проступает другая картинка.

Симонов стоит, руку с пинцетом над ванночкой поднял и прикоснуться боится. Замерли мы с ним. Через минуту-другую, когда нижняя картинка проявилась окончательно, доцент сел в кресло и слова выговорить не может. Потом опасливо посмотрел на меня и подозрительно так спрашивает: «А вы сами-то марками не интересуетесь?»

«Нет,— говорю,— а что?»

Он подождал, пока нижняя марка окончательно от конверта отклеится и, взяв ее с величайшими предосторожностями пинцетом, заговорил:

«Понимаете, милый мой, вам здорово подвезло. Это редчайшая марка, занесенная во все международные каталоги. Их всего на земле не больше десятка. Называется она «Святой Маврикий», по имени острова, на котором она выпущена. И сколько она сейчас стоит, я даже затрудняюсь сказать. Ясно только одно: что ни один из известных мне коллекционеров не в состоянии ее у вас купить».

«А я и не собираюсь ее продавать,— отвечаю я.— А если уж она такая ценная, то храните ее как следует. Или передайте в музей. В общем, как хотите. На ваше усмотрение».

Он все никак не мог поверить, что я ему отдаю эту марку. А куда мне ее? Живу я не один, со мной еще двое студентов, тоже фронтовики. Не комната, а, сами понимаете, проходной двор. Еще потеряют по нечаянности или, чего доброго, изомнут. В общем, отдал я ее Симонову. Может, если б можно было продать, так и продаю бы.

— Ну, где теперь эта марка? — спросил молодой, оторвавшись от стакана с пивом.

Макар замер, даже затаил дыхание. Он боялся упустить хоть одно словечко. Внутри у него все дрожало от напряжения. Господи,

лихорадочно думал он, неужели это оно, неужели это дело, которого он ждал десять лет... «Ну, скажи... скажи»,— подбадривал он про себя неторопливого рассказчика. А тот будто специально не спешил. Сперва выпил пива, а потом будничным голосом произнес:

— А где ж ей быть? У Симонова. Он теперь уже профессор в том же университете. А до сих пор увлекается марками. Студенты добросовестно пополняют его коллекцию, но говорят, что он теперь менее покладист. Марки, конечно, берет, но четверок просто так не ставит...

Макар Фатеев две недели провел в университете. Посетил несколько лекций профессора Симонова. Изучил график его работы. Привычки, образ жизни. Систему замков на его двери он теперь знал наизусть. Сложнее было с ключами. Возиться с отмычками Макар не хотел и был по-своему прав. Торопиться было некуда. Дело, которое свалилось на него внезапно и о котором он мечтал всю жизнь, по всем приметам выглядело как последнее. После него можно уже ни о чем не думать. После него можно спокойно жить. Можно даже жениться на серьезной и спокойной женщине, которая нарожает ему детей, которая будет его ждать по вечерам. Можно будет сократить часы работы на водноспортивной станции и устроить все так, чтоб она не отнимала больше двух-трех дней в неделю.

Можно было подумать и об уютной, не очень броской дачке с трехчетвертным бильярдом в подвале.

И не нужно было спешить. Только стопроцентная уверенность в успехе могла быть сигналом к началу «акции» (именно так он называл про себя предстоящую кражу).

Собственно говоря, он был бы окончательно спокоен, если б работал один, как и раньше, но, поразмыслив, пришел к выводу, что без помощников ему все-таки не обойтись.

Во-первых, он боялся, что не справится с сигнализацией, и тут не нужно было жадничать. В конце концов, те несколько тысяч, которые он заплатит Монтеру (настоящая кличка Хитер-Монтер, настоящая фамилия, которой он очень стесняется,— Иванов), дела не меняют. Тем более что ни о каких процентах и речи быть не может прежде всего потому, что никто не будет знать реальной ценности марки, то есть всей суммы.

Во-вторых, ему нужен был человек на улице, чтобы мог телефонным звонком (после второго положить трубку) предупредить в том крайнем случае, если неожиданно вернется профессор или подъедет милиция. Даже при самой тщательной подготовке, даже при стопроцентной уверенности могли быть случайности. А вот случайностей-то Макар больше всего и боялся.

С большим удовлетворением он обнаружил черный ход, ведущий из кухни в проходной двор. Убедился, что внизу он никогда не запирается. В уличных дверях не только что внутреннего замка, но и петель для всячего не было.

Самым сложным моментом в подготовке были ключи. Прошло

больше месяца, прежде чем Макар нашел способ их достать, да что там достать, просто взять в руки на несколько секунд — больше и не требовалось, — чтобы снять слепок. Этот способ дался ему ценой недельной неотступной слезки за профессором.

Уже в половине восьмого Макар торчал под окнами профессора. Минут за десять — пятнадцать до того, как в окнах загорался свет. И вот как-то в пятницу профессор раньше обычного вышел из дома. Когда Макар занял свой наблюдательный пост, в окнах уже горел свет. «Не опоздал ли?» — с тревогой подумал Макар, но вскоре, увидев профессора, выходящего из дома со своим неизменным портфельчиком, успокоился.

И куда его в такую рань несет, думал Макар, зябко поеживаясь и кутаясь плотнее в теплый мохеровый шарф.

Профессор не направился в университет, как обычно, а, сев на тридцать первый троллейбус, доехал до Сандуновских бань.

Вздых облегчения невольно вырвался у Макара. Дело складывалось как нельзя лучше. Оставалось выяснить, постоянный ли он посетитель бань. И точно ли пятница — его день.

На это ушла еще неделя ожидания. Но профессор не подвел. В пятницу рано утром, он, как и в прошлый раз, отправился в Сандуны, где его уже давно поджидал Железо (человек, до исправительной колонии занимавшийся эпизодическими карманными кражами, а ныне известный своим пристрастием к игре в железку).

Бумажник профессор сдал на хранение банщику. Железо, расположившись в той же кабинке, что и профессор, со своею полдюжиной пива, выждал удобный момент и, вытащив ключи из профессорских брюк, неторопливо и тщательно сделал слепки.

Оставалось только разобраться с приходящей домработницей Настей. Ее график узнать было несложно. Она приходила к профессору четыре раза в неделю по утрам.

Все было готово, и оставалось только ждать удобного случая.

И вот стало известно, что профессор Симонов улетает на неделю в Прагу на международный симпозиум.

Дверь Монтер открыл уверенно и быстро, по-хозяйски. Макар, стоявший около перил и смотревший вверх и вниз по лестнице, двумя шагами пересек лестничную площадку и, втянув за собой Монтера, бесшумно и тщательно, на все запоры закрыл дверь. Зажег свет в прихожей. Оглянулся на Монтера. У того по вискам из-под шапки тек пот. Макар знал, что руки у него сейчас в перчатках мокрые. Монтер всегда потел на «деле» и нервно хихикал. В этом, пожалуй, и выражалось все его беспокойство. В остальном хладнокровия ему не занимать. Он никогда не суетился и не ошибался. И был бы, может быть, идеальным партнером, если б не пил. Пьяный становился болтливым и хвастливым.

— Ну, раздевайтесь, юноша, — усмехнулся Макар. — Работа предстоит долгая. Как бы вам не запариться. А то выйдете на улицу и простудитесь...

Монтер хихикнул и стал неловко снимать пальто. Он стащил вме-

сте с рукавом перчатку, и она упала на пол. Монтер давился от смеха, нашаривая ее на полу.

— С вашим чувством юмора нужно идти на сцену, юноша,— самодовольно улыбнулся Макар.

Настроение у него было превосходное. Все складывалось удачно. Точно ложилось на его продуманный до мельчайших подробностей план. Он бесцеремонно приложил свою огромную ладонь к губам Монтера и прислушался. Где-то тихонько журчала вода.

— Наверное, в уборной утечка,— понял его Монтер.

Они еще раз тщательно вытерли ноги о ворсистый коврик перед дверью и пошли к полуоткрытой двери, явно ведущей в комнаты.

Макар светил фонариком в пол, и тонкий снопик света, отражаясь от зеркального темно-красного паркета, бросал на дорожную мебель приглушенные, коричневые тени. Первая комната была гостиной, потом шел кабинет, и через него был вход в спальню.

— Начнем с кабинета. Может, там все и образуется...

Макар подтащил к окну маленькую стремянку, которую он приметил между стеллажами, и слегка подтолкнул к ней Монтера. Тот вскарабкался на самый верх и нагнулся, забирая от Макара свернутую в тугую пачку плотную черную штору. Он прикрепил штору к деревянному карнизу, подоткнул все щели сверху. Макар хозяйственно расправил внизу все складки и, нашарив фонариком выключатель, включил свет.

Они одновременно оглянулись на книжные полки. Одна из них была полностью уставлена кляссерами.

— Нескоро мы ее найдем...— хихикнул Монтер.

— А вот спешить-то нам и некуда,— довольно сказал Макар и с любовью оглядел штору. «Нет, все-таки пока еще кое-чего стою. Кое-чего, кое-чего...»

— А что, мы действительно только одну возьмем? — недоверчиво спросил Монтер.— Чем нам другие-то помешают? Вытряхнули бы все в полиэтиленовый пакет и всех дел. А если они тебе не нужны, я их сам толкну. Есть у меня один жучок — марками занимается. Обдерет, конечно, но все-таки даст какие-то деньги,— быстро говорил Монтер, с трудом сдерживая судорожную улыбку.

— Хватит болтать,— жестко сказал Макар.

«Идиот,— раздраженно думал Макар.— Вроде всем хорош, но глуп, как пробка. Нет, нужно кончать. Можно было бы работать, если б было с кем. Жучок, видите ли, у него есть. Да с первой же дюжиной марок вы загремите вместе со своим жучком. Кому будете сдавать? Шантрапе всякой. К настоящему коллекционеру побоитесь подойти. А те все равно, рано или поздно, выйдут на коллекционера, он узнает марку, вспомнит, у кого она украдена, и повеется веревочка... И очень быстро. Дяденьки с Петровки очень аккуратно вами займутся.

Конечно, только одну. Откуда им, дуракам, знать, что эта одна дороже трех таких коллекций. Впрочем, наверное, догадываются. Ну, и черт с ними. Нужно и вправду смотреть, чтоб не набил себе карманы каким-нибудь барахлом.

И разве могу я быть уверен, что кто-то из вас на первом же допросе меня не заложит. Пообещает гражданин следователь пару год-

ков скостить, и ой как быстро язычок развяжется, как сладко запоет мой петушок».

— Начнем с крайнего кляссера. Ты — первый, я — второй, и таким же образом ставить на полку. И чтоб никакого беспорядка. Образец держи все время перед глазами. На вот.

Он достал из записной книжки изображение марки с острова Святого Маврикия, вырезанное им из журнала. Вот, пожалуйста, клочок бумаги, а стоил ему трех дней работы. Ведь не пойдешь в библиотеку имени Ленина и не спросишь в лоб: дайте, мол, мне журнальчик с маркой. Пришлось поить одного коллекционера, члена филателистического общества, и по капле, по крошке вылавливать из его пьяной болтовни нужные сведения... Нет, это дело должно выгореть. Обязательно. Иначе... Иначе все зря: и подготовка, и затраченные деньги, и долгие, рискованные поиски покупателя — подданного одной маленькой европейской страны, с которым они три часа торговались, бродя по заснеженным аллеям Сокольников. Он знал, что только за границей могут дать хорошую цену и сохранить в тайне имя продавца. Но одно дело знать, другое дело найти. Это было очень трудно. Покупатель был цепкий, как паук.

Интересно, сколько он заработает на этой марке? Во всяком случае, когда ударили по рукам, сойдясь на девяноста тысячах, вид у него был не слишком удрученный. И всю обратную дорогу он бормотал себе под нос: «Олл райт! Олл райт!»

Они успели просмотреть по одному кляссеру.

— Ставь аккуратнее, — сказал Макар, — чтоб твои были только четные. Если не найдем, я пройду по твоим второй раз.

— Что я, сам слепой?

— Помолчи. Отвлекаешь.

И тут раздался первый звонок в дверь. Макар, сделав Монтеру знак не шуметь и лучше вообще не двигаться, мягко ступая, неслышными шагами направился в переднюю. Припал к глазку. В прихожей света нет, так что там, на лестнице, не будет видно, что в глазок кто-то смотрит.

Перед дверью стоял какой-то парень в серой пушистой шапке и телогрейке, с обшарпанным чемоданчиком.

Кто-то из жэка, очевидно, слесарь, решил Макар. Он еле сдержал громкий вздох облегчения.

Скрипнула дверь. Из гостиной высунулась бледная потная физиономия Монтера. Он спрашивал одними губами:

— Кто это?

Парень звонил настойчиво.

Макар прикрыл глазок металлической заслонкой и тихонько включил свет в прихожей. Ему было невозможно стоять в темноте и слушать резкие настойчивые звонки. Краем глаза он увидел, как на полу в кухне блеснула вода. Он осторожно включил и тут же погасил свет. Все стало ясно. Что предпримет парень? Макар потихоньку отодвинул заслонку глазка, приложился к нему и тут же отскочил, чуть не вскрикнув. Над самым ухом оглушительно и внезапно проревел звонок.

В ванной на вешалке висел большой стеганый халат. Макар поспешно влез в него и затянулся поясом с кистями. Шагнул к двери. Прислушался. Парень с кем-то разговаривал:

— ...Не беспокойтесь, что-нибудь придумаем... в крайнем случае дверь взломаем. Пойдете в свидетели?

Надо пускать. Надо пускать. Если действительно начнут ломать дверь? Можно было бы смыться, пока он ходит за инструментами и дворником, но потом они повесят огромный амбарный замок... А, черт, а почему раньше не вызывали? Почему не видели? Не выходил из кабинета... Ладно, в конце концов, мальчишка, сопляк. А если он знает профессора? В крайнем случае можно будет отбрезаться. Родственники и все такое... Жаль. Очень не хотелось бы, очень... Но не бросать же. Ну уж нет, не брошу, пусть хоть наряд милиции. Другого случая не будет.

Макар медленно открыл дверь.

Ничего. Симпатичный мальчишка, рослый, крупный, с веселым лицом. Хмурится, притворяется, что сердитый, строгий.

Если Монтер высунет свою рожу — прибью, как собаку. Потом, конечно. Очень неприятная штука — словесный портрет и фоторобот. По одному лицу трудно ориентироваться. Два лица — это уже кое-что.

Где же у них здесь может быть тряпка. Ведро еще...

Что он так долго возится? Черт с ней, с сводой. Ах да, к соседям протекает. Хорошо бы, Монтер нашел марку. А что, если найдет и скроет. С него, дурака, станет. Не с кем работать, не с кем. Куда он ее денет, идиот. Кто даст ему настоящую цену?

А кто мне даст настоящую цену? Полмиллиона французских франков. Только в Париже. Здесь и девяносто тысяч хорошо. Но с меня-то на Петровке спросят полную цену...

Что он возится?!

Что это?!

Идиот, уронил что-то! Надо выходить из положения. Жаль. Теперь он знает, что я не один. А-а! Какая разница. Лишь бы этот кретин не высывался.

— Валерий Николаевич, что у вас там случилось?

Слава богу, пронесло. Закурить бы. Можно закурить, и так все катится к чертовой матери. Можно окурочить опустить в уборную. Ну нет! Не расслабляться, не расслабляться! Надо держать себя в руках. Пусть случайность... Кто мог знать. Но все остальное должно быть по нотам. Я был готов к случайности.

Что, что это?! Телефон?! Железо...

Спокойно! Черт, дрожат ноги. Спокойно. Это телефон. Это не Железо. Три... четыре... Может, этот дурак разучился считать до двух. Пять, шесть, надо подойти. Это не Железо. Подойти — и что?

Макар застал Монтера с трясущейся челюстью в дальнем от телефона углу

— Что будем делать? Пускай звонит..

— Идиот, я же дома, я же должен поднять трубку.

— Может, поднять и опустить трубку?

— А дальше? — прошипел Макар, хватая толстый клетчатый плед с дивана и укутывая им телефон.— Ведь меня же все-таки нет дома. Я в Праге на международном симпозиуме. Когда ты научишься соображать? Марку нашел? Нет? Смотри мне...

— Долго он еще там? Он не догадывается?

— Зачем догадываться, он знает, что здесь сидит Монтер и меч-

тает украсть всю коллекцию. Короче, упаси тебя бог высунуть свой потный нос в прихожую. В дверях прищемлю! Ты меня знаешь...

— Ладно, ладно, сам понимаю...

Что он так смотрит? Неужели догадывается? Не слишком ли он долго возится? Ерунда. Просто цену набивает, хочет на чай сорвать. Вот и руки трясутся. Спокойно. Мерещится тебе, Макар. Если сейчас оглянется, то, значит, я прав — догадался. Не сглядывается. Оглянулся. Зачем я, дурак, ляпнул, что заработался... Сказал бы правду, сказал бы, как было: мол, только что пришли — и все выглядело бы естественно и правдоподобно.

А если догадывается? Вот еще раз посмотрел. Ну и что?

Кажется, все. Слава богу. Конечно, не догадывается. Если б догадался, то, наоборот, поторопился бы, тяп-ляп, как-нибудь сляпал бы и дунул бы со всех ног отсюда. В крайнем случае, позвонил бы в милицию и считал бы свой гражданский долг выполненным. Впрочем, он не похож на труса, он же знает, что я не один. И не известно, что у нас в карманах. Шпана-домушники всегда носят с собой всякие железки... Нет, конечно, он не догадывается.

Почему потекло в том углу? Или я просмотрел? Он на моих глазах отворачивал и заворачивал муфту. Я точно видел, что трубу он не стронул. Черт меня раздери, опять все сначала...

...Профессор стоял перед Сергеем молча, переминаясь с ноги на ногу, точно большое грузное животное.

Ведь не должен пустить. Если я прав, он не должен меня пустить, думал Сергей. Профессор посмотрел на его ботинки и сказал:

— Не стоит следить. Я сейчас принесу телефон,— и скрылся в глубине квартиры.

Сергей сел на стул. Конечно, проще принести. Конечно, я на слежу, если пойду туда. Так пустил он меня или не пустил? Скорей не пустил. Так прав я или не прав? Не известно.

«Зачем ему телефон? — чертыхался про себя Макар.— Волынка. Пальчики ведь оставлю. Пальчики — ерунда, можно стереть. Значит, так: ручка двери, еще одна и телефон. Все нужно помнить, все...»

Монтер поднял на Макара испуганный взгляд.

— Что там? — прошептал он.

— Копаются, черт его возьми.

— Что будем делать?

— Что делали, то и будем делать. Сиди спокойно. Понял меня?

— Понять-то понял, только вот как дальше-то быть?

— Сказал — продолжай искать. И не высовывайся. Можешь ходить, шуметь, свистеть. Не сиди здесь тихо, как мышь. Звучи время от времени. Только интеллигентно звучи, мебель не двигай. Спроси меня что-нибудь отсюда.

Сергей сидел, ждал. Профессор вышел из кабинета, протянул ему телефон на длинном шнуре. Серега невольно посмотрел на его руки. Ведь действительно профессорские, усмехнулся он про себя.

Анечка подняла трубку сразу.

— Это я, Сергей...

— Да, ну и что там у тебя? Скоро вернешься?

— Да, понимаешь, какая штука, тронул я здесь в одном месте... Знаешь эти старые дома? Все полетело к чертям. Тут нужно или сгон менять — весь ржавый, или хотя бы на скорую руку краской подмазать. А у меня ничего с собой нет. Ты позови Степана Константиновича и скажи ему, чтобы он принес...

— Какого Степана Константиновича? Участкового?

— Да, чтобы принес мне сгон, краску и лен, у меня уже кончается.

— Алло, алло, Сергей, ты что говоришь? Какого Степана Константиновича? Почему он тебе должен приносить лен?

— Да, понимаешь, мне не хочется два раза концы делать. Тут люди спешат, нужно побыстрее.

— Алло, алло, Сергей...

Сергей говорил, не обращая внимания на ее вопросы, говорил так, как будто его понимали, будто ничего особенного в его просьбе не было, но Анечка изумлялась свыше всякой меры. Она долго ничего не могла понять, потом, уловив какую-то не похожую на него настойчивость в голосе, несообразие просьбы, поняла, что происходит что-то чрезвычайное, и под конец уже стала поддакивать.

— Да, хорошо, я сейчас к нему пойду, — говорила она, — нужно, чтобы он пришел к тебе, скажи? Скажи «да»...

— Ну, конечно, полдюймовый сгон, я знаю — у него есть, мы вчера нарезали, — настойчиво повторял Сергей, подчеркивая чрезвычайность просьбы.

— Хорошо, я поняла, я поняла, подожди, я сейчас...

— Да. Позови его... Я подожду.

Макар слегка успокоился. Ничего опасного в разговоре не было, кроме того, что придет еще один человек. Ну, это не страшно, подумал он, можно будет уйти в кабинет и оставить тут слесаря одного. Тот ему передаст сгон и уйдет. Не будут же они вдвоем здесь торчать. А если и будут, то быстрее сделают. Можно будет не показываться второму слесарю.

Сергей теперь знал, что Аня сделает все возможное, что Степан Константинович обязательно придет, она сумеет его убедить. Он вздохнул, успокоился, стал оглядываться по сторонам. И вдруг перехватил взгляд профессора, который стоял ближе к кухне, рядом с открытым чемоданчиком, и внимательно рассматривал его содержимое. Проследив за его взглядом, Сергей похолодел. На самом видном месте, сверху, на пучке льна лежал новенький сгон. Бог с ним, со сгоном. Может быть, профессор и не понимает, что к чему, не знает, что такое сгон, но в углу чемоданчика стояла не вызывающая никаких сомнений баночка из-под майонеза, наполовину заполненная краской. Спутать ее с чем-то другим было просто невозможно.

— Алло, алло, ты меня слышишь? — почему-то шепотом спросила Анечка, — его нет...

— Ну, ладно, — вяло ответил Сергей. — Нет так нет. Я что-нибудь сам придумаю.

— Я не понимаю тебя... Мне его все-таки найти?

— Да. Я, как закончу, сразу приду.

— Значит, прислать?

Сергей ничего не ответил и повесил трубку.

«...Ах, щенок, значит, понял, значит, все-таки понял. Ну, хорошо, понял... Тогда чего он здесь торчит? Как будто не боится? А разве есть такие, которые не боятся? Я и то боюсь. А Монтер — вон как боится. Что же делать-то, что делать? Понял, хорошо, понял. Интересно, а я-то понял? Я должен понять? Ну, конечно, понял. Я ушлый профессор. Я из трудовой семьи профессор. У меня папа был слесарем-сантехником. Я эту профессию знаю лучше него. Конечно, я понял!»

— В чем дело, молодой человек? Что происходит? Вы почему не заканчиваете ремонт? Что вы здесь волюнку развели? Вон у вас сгон лежит, вон у вас краска. Или что, цену себе набиваете? На чай хотите? На чай я вам и так дам.

— Я не беру на чай,— мрачно ответил Сергей.

— Тогда делайте быстрее и уходите.

«Хорошо, сказал я: уходите. А отпускать-то его нельзя. Наверняка он понял. Пощупать надо, убедиться».

— Я думал, что выложил в мастерской...— пробормотал Сергей.— Сейчас закончу.

Он достал из чемодана пучок льна, краску и подошел к злополучной трубе.

— Чуть что — сразу: «чаевые»! — ворчал он как бы про себя.— Все думают, что мы крохоборы.

«В конце концов,— решил он,— сделаю и уйду. А там — черт с ним. Найду Степана Константиновича или другого постового и просто ему расскажу все. А он, если захочет, пойдет, не захочет — не пойдет. Во всяком случае, я дураком не буду выглядеть. А то разыгрываю из себя сыщика».

«...Да, выпускать-то его нельзя, раз он что-то заподозрил... Не знаю, понял ли он до конца, он, наверное, этого и сам не знает, но — заподозрил. А раз хотел оттянуть время, раз хотел что-то уже предпринимать, значит, обязательно и дальше будет действовать. Похоже, что он не из трусливых. Не знаю, рискнул бы я на его месте так вот оттягивать время...

Что значит — выпустить?

Это значит, что надо сразу же за невымытое ухо вытягивать Монтера из кабинета, быстренько сворачивать шторы, быстренько протереть пальчики на дверях и на телефоне и быстренько, как по пожарной тревоге, выметаться отсюда к чертовой бабушке. А это значит, что марка так и останется здесь. В другой раз я сюда уже не приду. А это значит, что три месяца подготовки, деньги, время, энергия — псу под хвост. И опять сидеть и ждать следующего шанса. А когда он выпадет — неизвестно. Такие дела на дороге не валяются.

Не выпускать! А как? Заболтать. Может быть, Монтер найдет? На это нельзя рассчитывать. Вообще, договоримся, Макар: не нарушать своего правила, рассчитывать только на худшее. Допустим, Монтер не найдет марки, пока я его буду убалтывать. Выпустить — нельзя. Задержать трудно, но, конечно, можно...»

Он погрузился в мрачное раздумье. Он понимал, что даже в случае фантастической удачи, если ему удастся задержать на нужное время слесаря, если Монтер успеет найти марку и если слесарь ничего не заподозрит, то получится примерно такая картина: профес-

сор хватится марки, допустим, через полчаса после приезда из Праги. Еще через полчаса будет вызвана милиция и опрошены соседи, которые непременно расскажут про вызов слесаря и ремонт в квартире. В следующие пятнадцать минут будет найден слесарь, и через два часа после приезда настоящего профессора из Праги, ну, предположим, через три, на фотороботе будет изготовлен его достаточно точный портрет. Следовательно, тот факт, что мальчишка его заподозрил, уже не имеет решающего значения. В любом случае — уйдет он отсюда с маркой или без марки — через мальчишку, через фоторобот обязательно выйдут на него. Ну, а там — как повезет... Его могут найти, могут и не найти.

Предположим, найдут, будут судить, докажут факт пребывания его в этой квартире и факт кражи марки. Но все равно нужно еще найти марку. А уж ее-то не найдут — в этом он уверен. Хотя и быстро работает МУР, но времени на то, чтоб хотя бы запрятать марку в надежное место, у него хватит.

Предположим, осудят. Ну, что ж, много не дадут. Рецидивистом его признать нельзя — все старые грехи уже погашены. За последние десять лет Макар ни разу не попадал в руки правосудия. Значит, максимум, который он может получить, — статья 144, часть вторая, пять лет. Можно перетерпеть, можно быть примерным зеком, можно самым прилежным образом выполнять в заключении всю работу, выйти если не досрочно, то в срок и стать на всю жизнь обеспеченным человеком.

Следовательно, для стопроцентного успеха необходимо было одно маленькое условие: чтобы этого парнишки не стало. Но тут Макар упирался в свои убеждения. Он никогда, даже в далекой и бурной молодости, не шел на «мокрое» дело. Он был принципиальным противником убийства. Он понимал, что, пока ты украл, или смошенничал, или навел, есть еще шансы на продолжение, есть шансы выкарабкаться, отсидеться где-то в тине, отбыть свой срок и выйти еще способным к деятельности человеком, тогда еще не все потеряно и остаются шансы на будущее. Мечта его была проста, если не сказать — примитивна: взять крупное дело и уйти на покой. Одно крупное дело и один бесконечный, до самой смерти, покой. Но если сейчас нарушить всю жизнь соблюдаемый принцип, если ликвидировать парнишку — с мечтой покончено. Тогда в лучшем случае — заключение до глубокой старости. И надежно упрятанная марка будет лежать мертвым капиталом. С другой стороны, ясно: пока парнишка-слесарь существует в природе, во-первых, — может сорваться все дело, во-вторых, — шансы на разоблачение увеличиваются в несколько десятков раз. Таким образом, возникала дилемма; либо отступить от принципа и убрать парнишку, либо отступить от дела.

Ну нет, отказаться от этого дела он не мог. Значит, нужно что-то думать с парнишкой. Если его просто оставить пока здесь, можно уже, не опасаясь разоблачения, так как выяснилось, что разоблачение или не разоблачение — не имеет принципиального значения, можно делать все при нем. Но для этого нужно парня посадить на стул и оставить так сидеть. И пускай он смотрит, пускай он видит. Но все равно ему нельзя показывать Монтера, тогда шансы быть найденным увеличиваются вдвое. А они и так достаточно велики.

Всяких заграничных штушек-дрючек с газом там или еще с чем-нибудь у Макара не было. Он рассчитывал сработать втихую. Следовательно, оставалось просто грубое физическое насилие. Взять парнишку и связать. Но вязать придется одному. А парнишка, видать, не из тех, кого можно просто так вот связать. Весит он, пожалуй, не меньше Макара, а моложе вдвое. И к тому же настороже, не расстается с газовым ключом. Значит, остается одно: оглушить, не сильно оглушить, на полминуты, этого хватит, чтобы потом заткнуть рот. А как? Ну, это уже вопрос техники. Обмануть его Макар сможет. Тут уж молодость, неопытность парнишки на руку Макару. Но он был обязан испробовать самый легкий и безболезненный путь: заговорить парнишку. Итак, сначала — попытка заговорить, а не выйдет — решительные действия.

На том Макар и порешил. И даже успокоился, ибо знал, как он будет поступать в одном и в другом случае. Программа действий была готова. И очень своевременно, потому что слесарь закончил работу и вышел из кухни.

Сергей положил краску на место, собрал инструменты в чемодан, хотел было положить туда и ключ, но оставил его в наколенном кармане, захлопнул чемодан, вышел из кухни, прошел в туалет, открыл воду, вернулся, убедился, что нигде не течет, поднял чемоданчик и вяло сказал:

— Ну, вот и готово.

Когда Сергей повесил трубку, Аня некоторое время сидела в оцепенении. Хоть он и старался говорить обыденным голосом, она поняла, что произошло что-то страшное. Что — неизвестно, и это нагоняло еще больше страха. И уж совсем добило ее то, что Степана Константиновича не было на месте. И где его искать, она сейчас никак не могла сообразить. Взяв себя в руки и кое-как успокоившись, она стала рыться в конторских книгах, надеясь найти там домашний адрес Степана Константиновича. Как назло, под руку попадались книги дежурства, графики, таблицы, словом, все что угодно, кроме книги адресов.

И вдруг взгляд ее уперся в листок бумажки, покоящийся под стеклом, на столе, на нем был записан телефон дежурной части отделения милиции и домашний телефон участкового.

Она набрала номер. К телефону долго никто не подходил. Потом не то низкий женский, не то мужской голос сказал, что Степана Константиновича нет дома.

Убедившись, что ремонт сделан, и сделан хорошо, профессор неожиданно оттаял. Он даже позволил себе улыбнуться и стал как-то добродушнее, шире:

— Ну что, молодой человек? Фирма гарантирует?

— Гарантирует... — сказал Сергей.

— А на чай так решительно и не берете?

— Да нет, не беру.

— Понятно. Взятки не брал, только борзыми щенками. А как насчет борзых щенков?

Сергей пожал плечами.

— Я имею в виду — может быть, по случаю праздника стаканчик пропустите? Возьмите в холодильнике, у меня там стоит кое-что.

— Да нет, спасибо, мне нужно идти.

— Вот смотрю я на вас, — благодушно и неторопливо завел речь профессор, — молодой парень, работаете слесарем. Наверно, не случайно. Ведь не это же цель жизни — быть слесарем-сантехником. Наверно, учитесь где-нибудь?

— Да нет, еще не учусь, — неохотно ответил Сергей, косясь на дверь.

— Стало быть, будете поступать?

— Да, буду. Ну, я пойду...

— А в какой институт? — оживился профессор.

— Я еще не решил. Поступал в МИФИ.

— Понятно. Значит, физика привлекает. Понятно, понятно... А может быть, все-таки передумаете, махнете к нам в университет, на исторический? Знаете, по блату — не по блату, а все-таки лицо знакомое. Я в приемной комиссии не последнюю роль играю...

— Да нет, меня что-то не тянет к гуманитарным наукам.

— Жаль, жаль. А то и мне бы удобно было: чуть что с водопроводом — я к вам, так и так, мол... Ну, что ж, не смею задерживать, не смею задерживать. А впрочем, может быть, действительно... У меня хорошее вино есть, друзья из Тбилиси прислали.

— Да нет, спасибо, я не пью. На работе, — поправился Сергей.

Он шагнул к двери и вопросительно посмотрел на профессора. Он видел, что тот запер дверь на внутренний замок, а ключ положил в карман, и поэтому не мог выйти сам, как обычно это делал. Любые системы замков за свою уже годовую практику он знал наизусть и поэтому не дожидался, пока хозяева откроют дверь, и выходил, безошибочно нажимая на нужный курочек.

— Да, чуть не забыл, — сказал профессор. — Вы знаете, у меня в уборной постоянно утечка воды. По ночам, когда я работаю, в доме тихо, и это ужасно раздражает.

— Ну, хорошо, — сказал Сергей, — я посмотрю. — И со звоном поставил чемоданчик на пол.

«Что ж, похоже, он собирается меня задержать. Зачем? — подумал Сергей. — Во всяком случае, если раньше он торопился выпроводить меня, то сейчас не спешит».

«Черт возьми, ты все-таки еще кое на что годишься, — думал Макар. — Вот ведь раздражал, действительно раздражал шум воды. И вот — пригодилось».

Сергей заглянул в сливной бачок, чуть тронул поводок поплавка, и утечка сразу прекратилась. Вся операция заняла не больше минуты.

— Ну вот, теперь утечки не будет. Можете работать спокойно, — сказал Сергей.

— Ну, уж теперь я вас просто так не отпущу. Вызывали по одному поводу, да и не я вызывал, а потом нашел дополнительную работу. Нет, нет, теперь я должен вас угостить. Знаете что, давайте так: в кухне еще сыро, вы уж идите сами, открывайте холодильник, наливайте, а я сейчас подойду.

С этими словами профессор, не дав Сергею и слова сказать,

ушел из коридора и скрылся в глубине квартиры. Не было его минут пять. Сергей уже начал нервничать, но ничего не мог сделать, он не мог открыть дверь, запертую на внутренний замок.

Монтер сидел, обложившись кляссерами. Лоб у него был мокрый от напряжения. Глаза покраснели. Он вопросительно посмотрел на Макара и шепотом спросил:

— Ну, что там?

— Говори в полный голос,— тихонько ответил ему Макар и сказал уже так, чтобы было слышно в коридоре: — Ну, как наши дела? Продвигаются? Что вы успели сделать тут без меня? Очевидно, мы сегодня никуда не поедем, уже опоздали. Так что можете работать спокойно.

Монтер хотел сказать что-то громко, что-то ответить, но голос у него предательски дрогнул, и он пустил петуха.

— Хорошо, значиг, вам еще остается... С этим вы уже закончили? Поставьте книги на место и займитесь вот этой полкой.

И Макар указал на те кляссеры, которые, по его мнению, следовало осмотреть в первую очередь.

— Я скоро к вам подойду. Мне надо проводить молодого человека, угостить его. Оказался очень симпатичный парнишка,— сказал он немножко громче, чем следовало бы.

«Ага, значит, он серьезно решил меня не выпускать. Почему, зачем? Выходит, они еще не все сделали здесь? Если принять версию, что это — жулики, значит, им еще здесь зачем-то нужно быть. Он понимает, что я тут же побегу к первому встречному милиционеру. Понятно. Нужно попытаться уйти. И, во всяком случае, эта попытка даст мне полную уверенность: если это профессор, он не станет меня задерживать так настойчиво. Если это жулик... Тогда посмотрим. Во всяком случае, будет полная ясность».

Профессор вернулся и застал Сергея стоящим уже около самой двери.

— Мне все-таки нужно идти. Большое спасибо за предложение, очень заманчиво испробовать настоящего тбилисского вина, но нужно идти. Как открывается дверь?

Профессор молча покачал головой.

— Но мне действительно нужно идти,— сказал Сергей.— Меня ждут в диспетчерской.

— Ты ничего не понял, сынок? Ты не выйдешь пока отсюда,— мягко, чуть ли не ласково сказал «профессор». — Подожди немножко, поговори со мной. Ты думаешь, тебе это будет неинтересно? Поговори. О чем бы ты хотел поговорить? Мне вот, например, было бы интересно узнать, откуда у тебя, в твоей неглупой голове, появились вот такие мысли. Ведь они у тебя появились, правда?

Сергею предлагали игру в открытую.

«Ну, что ж,— подумал он,— играть так играть. Козыри-то у меня в кармане, а не у него. Аня найдет Степана Константиновича, обязательно найдет. Хотя черт его знает...»

И, повернувшись к «профессору» и подавив вздох облегчения, так как сразу почувствовал себя спокойнее, увереннее, он сел и сказал:

— Ботинки.

— Что ботинки? — удивился Макар.

— Ботинки мокрые, а вы сказали, что заработались. И вот так, одно на другое. Да и... вообще, какой вы профессор, — снагличал Сергей, — подумайте сами.

— Значит, я, по-твоему, недостаточно образован, чтобы играть роль профессора?

— Я не знаю, как у вас дело обстоит с образованием, но лексикон у вас явно не профессорский... А если я все-таки попытаюсь выйти? — спросил Сергей и уверенно, спокойно посмотрел в глаза «профессору».

Тот с сожалением пожал плечами и похлопал себя по карману.

— Не получится, сынок, не надо. Очень не хотелось бы... Такой смышленный парень... Еще жить да жить. Подумай о себе. Ведь ты даже еще в институт не поступил. Ты даже еще не стал тем, кем ты собираешься стать. Очень не хотелось бы... Не надо тебе рзаться.

— Ну, и сколько ж мы так будем сидеть? Меня ведь все равно хватятся в жэке.

— А вот на эту тему я еще подумаю, — ответил «профессор», — тут нужно очень крепко думать, очень крепко. Я... поверь мне, я хочу тебя выпустить. Я даже не беру с тебя обещания. Ведь ты же не будешь мне обещать, что не побежишь сразу же к дяденьке милиционеру. Посмотри мне в глаза. Нет, не обещаешь...

— Да, не обещаю, — сказал Сергей.

— А было бы хорошо, если б ты пообещал, это было бы очень хорошо. Ведь ты мог бы и не догадаться... Ну, вот, представь себе — ты пришел, а я мог снять ботинки, я мог надеть шлепанцы. Ты пришел и ничего не понял, сделал и ушел. А? Как было бы хорошо...

— Но вы разве поверите мне, если я вам пообещаю? — спросил Сергей.

— Да, поверю, — ответил «профессор». — Если ты пообещаешь, ты не нарушишь своего слова. Ты же понимаешь, что я знаю, где ты работаешь, и буду знать, где живешь. Ты же понимаешь, что я — человек серьезный, хоть, по-твоему, у меня недостаточно образования. Но в своем деле я — профессор. Ты меня не найдешь. А я тебя — всегда. Поэтому, если ты пообещаешь, я тебе поверю. Поверю, сынок. Как тебя зовут?

— Сергей.

— Что самое главное, Сережа, — ты не должен будешь врать. Когда к тебе придет дядя милиционер, — а он придет, — ты расскажешь все как было. Как ты приходил, как тебя встретил профессор, как ты отремонтировал трубу и пошел домой. Следы твоего ремонта они найдут и поверят тебе. Будут к тому же показания соседей, которые тебя вызывали. Ты останешься чистым, и тебе не придется врать. А для тебя это, по-моему, самое главное, так ведь? И уж совсем в идеале было бы так: когда тебя приведут на Петровку и включат фоторобот, чтобы ты меня не узнал. Ну, а на это я уж не рассчитываю, на это мне рассчитывать пока не приходится. Ведь ты поверь мне, Сережа, я тебе говорю со всей искренностью, мне очень не хотелось бы тебя ликвидировать. Но ты можешь поставить меня в такое положение, что у меня не будет другого выхода. Я буду вынужден это сделать. Вы-нуж-ден, — повторил он по слогам.

— А я думаю, вы не сделаете этого,— сказал Сергей.

— Почему?

— Ну, погремушкой своей, если она есть, вы греметь не будете, а руками меня не так-то просто взять,— усмехнулся он.

— Ты прав, ты прав, сынок, умница, хорошо соображаешь, и я даже подумал: если бы ты был хоть чуточку умнее и понимал толк в этой жизни, я предложил бы тебе работать со мной. Много, много дел, а людей нет. Ну, что ты думаешь, у меня там сидит человек? Нет, там сидит не человек. Шпана. Работать не с кем. Но твоя сообразительность вселяет в меня некоторую надежду. Ведь ты же еще немножко подумаешь и сообразишь, что перед тобой дилемма: «быть или не быть». А «быть» можно хорошо. Ведь я тебе за эту маленькую услугу дам немножко денег. Ты молодой, тебе нужны деньги, правильно? Зарабатываешь ты семьдесят рублей, у тебя наверняка есть девушка, которую тебе хотелось бы развлекать, угощать, веселить. В твоём возрасте это обычное дело. Я бы тебе дал немножко денег. Поверь мне, твоя услуга стоила бы, ну, тысячи две, я думаю. Хватило бы тебе двух тысяч?

Никаких денег у Макара не было. Он просто забалтывал Сергея, «брал на фу-фу». Но тут у него действительно мелькнула мысль, что парень хорош. И главное — честен, имеет свои принципы. А принципы, даже в его деле,— не последняя вещь. Ведь всех его партнеров и губит отсутствие принципов.

— Если я возьму у вас деньги и пообещаю вас не узнать, я автоматически становлюсь соучастником,— сказал Сергей.

— Да, конечно,— проникновенно сказал «профессор»,— именно соучастником. В этом — еще одна гарантия, что тебе можно будет верить.

— Да, положение,— усмехнулся Сергей,— никогда не думал, что такое может быть. Думал, что такое возможно только в кино.

— Да, положение необыкновенное,— согласился «профессор».— Оно безвыходное. Для тебя,— добавил он после короткой паузы.— Я тебя не понимаю, сынок. Для чего тебе это все нужно? Если б на твоих глазах мучили ребенка, отнимали бы последний кусок хлеба у старухи и ты выступил бы в их защиту. Тогда бы я тебя понял. Но сейчас я тебя не понимаю. Ведь, по сути дела, ты сейчас не борец за справедливость. Ты знаешь кто?

— Кто? — мрачно спросил Сергей.

— Ты сейчас — сторож чужого добра, притом настоящим сторожам платят деньги, сторожевую собаку кормят, а ты не получаешь ни того, ни другого. Что, на самом деле, неужели ты думаешь, что мы лишаем профессора последнего куска хлеба? Нет, сынок, у него кое-что останется на пропитание. Или ты сомневаешься?

— Все это так,— пожав плечами, сказал Сергей,— я как-то даже не думал на эту тему. Просто увидел, что воруют, и решил, что надо вмешаться. А то ведь можно привыкнуть не вмешиваться... А что вы здесь ищете? — неожиданно спросил он.

«Профессор» изумленно поднял брови.

— Сынок, ты задаешь неприличные вопросы.— Вкрадчивый доброжелательный тон исчез.— Так вот. Ты будешь сидеть здесь, пока мне это надо. Я с тобой хотел договориться по человечески. Ты бу-

дешь сидеть тихо, как мышь, и упаси тебя бог делать резкие движения, упаси тебя бог.

— Я...— пропищал из кабинета Монтер и осекся, видимо, сорвался голос от волнения. Прокашлялся и повторил: — Я закончил.

Макар оцепенел.

— Вы уверены?!

— Да, конечно, уверен,— радостно откликнулся Монтер,— еще как уверен.

— Та-а-ак,— с трудом сдерживая вздох облегчения, сказал Макар,— та-а-ак! — и посмотрел на Сергея.— Ну, что ж, вы, юноша, хотели куда-то идти? Вы куда-то спешили? Что ж, как сказал бы на моем месте профессор, не смею больше задерживать.

Он подошел к двери, вставил ключ в замочную скважину и два раза повернул его.

— Прошу.

Сергей нерешительно шевельнулся на табурете, потом медленно встал, поднял чемоданчик и молча пошел к выходу, пошел прямо на «профессора» так решительно, что тот был вынужден посторониться и пропустить его. У дверей Сергей остановился, поставил чемоданчик на пол, взялся за собачку английского замка, потом неожиданно повернул ключ внутреннего замка и спрятал его к себе в карман.

— А знаете,— сказал он, поворачиваясь спиной к двери, отодвигая ногой в сторонку свой чемоданчик и положив руку на газовый ключ, торчащий из наколенного кармана,— знаете, теперь уже я опоздал, и спешить мне, в общем-то, некуда. А наша беседа была так увлекательна, что мне хочется ее продолжить.

«Профессор» побагровел, набычился, шагнул к Сергею. Тот наполовину вынул газовый ключ из кармана. Если же появится нож, стилет или что-нибудь в этом роде, то Сергей рассчитывал на себя, на свою силу, молодость, умение защищаться, и манипуляции с газовым ключом были с его стороны небольшим представлением: он не собирался им орудовать, он надеялся только на свои руки. Больше того, он даже думал, что газовый ключ в наколенном кармане будет ему мешать, но специально акцентировал внимание противника именно на газовом ключе. В армии у него был очень толковый старшина, очень опытный, хоть и ненамного старше. Он его научил там всяким штучкам, как нужно отвлекать внимание противника от своего основного оружия.

Сергей стоял, прижавшись к самой двери, и ему казалось, что он даже спиной прислушивается, не поднимается ли кто по лестнице. Он с нетерпением ждал появления Степана Константиновича. Он решился на этот отчаянный шаг потому, что понимал: если уйти сейчас, когда у них уже все закончено, то они тут же исчезнут. И если раньше он задерживался в этой квартире, чтобы что-то узнать, сейчас он знал уже все. Он знал наверняка, что это — преступники, знал, что дело свое они закончили, знал, что сейчас они будут уходить. И тогда их придется где-то ловить, искать украденные ими вещи. А пока — все на месте: и они, и украденное. Поэтому он принял единственно верное, на его взгляд, решение: задержать их здесь, на месте преступления.

«Все, все понимает. Все понимает, мальчуган,— мрачно думал Ма-

кар.— Ну, ничего, ничего. Он все знает, все, кроме одного только — что он очень молод. Что, встречаясь с таким зверем, как я, нужно кроме силы, ума, ловкости иметь еще мой опыт».

Он стоял, покачиваясь с пятки на носок, засунув руки в карманы, набычившись и нарочито напуская на себя разъяренный, отчаянный вид. Глядя на него, можно было подумать, что он готов на крайность, что он сейчас буквально кинется лбом пробивать эту дверь вместе с Сергеем. Но на самом деле мысли Макара были куда более спокойными и практичными. Он обдумывал план действий в связи с изменившейся обстановкой. Прежде всего он еще раз вспомнил, где, в каких местах следует протереть «пальчики». Потом подумал, как вывести Монтера. Явной, неожиданной опасности не было, парнишка — это была опасность, которую он уже знал, и сердце его билось не чаще, чем полчаса назад. Пожалуй, немножко чаще, но это сердцебиение было уже от радости: марка найдена! Операция, которая несколько раз была на грани провала, прошла, можно сказать, успешно. Осталось только: пальчики, вывод Монтера,— и можно в глухой отрыв.

— Ну, что ж,— сказал он, тяжело посмотрев на Сергея,— опоздал так опоздал.

И, уже не обращая на него внимания, вынул из карманов резиновые хирургические перчатки, не спеша натянул их на руки, потом достал носовой платок, тщательно протер телефон, ручку двери и направился в кабинет. Вернулся он быстро, и Сергей отчетливо слышал, что не один. Но тот, второй, остался за дверью, ведущей в коридор. Вернулся он спокойный и доброжелательный. Сергей сразу понял, что опять начнутся уговоры.

— Ну, что, Сережа,— ласково сказал «профессор»,— может быть, вместе выйдем? Или так и непустишь? — И улыбнулся кривой, страшной улыбкой.— Я бы на твоём месте пустил. Ну, что тебе с нами связываться?

Сергей хотел ему ответить в том же спокойном и доброжелательном тоне, но тут в дальнем конце квартиры раздался резкий телефонный звонок. «Профессор» второй раз за сегодняшний день вздрогнул. Звонок прозвучал еще раз и оборвался.

За дверью, ведущей в комнаты, раздался тревожный шорох. Сергей понял, что там стали переминаясь с ноги на ногу.

«Профессор», словно обессиленный, привалился плечом к стене и растерянно посмотрел вокруг. Потом он неожиданно поднял руку, и Сергей, не успев понять в чем дело, очутился в полной тьме. Обманул его Макар. Все-таки смог пройти к выключателю, отвести его внимание и выключить свет. Теперь осталось немного: схватить с вешалки пальто — свое и Монтера — и уйти через черный ход на кухню.

Сергей растерялся. Он слышал топот, потом почувствовал, как кто-то задел его около вешалки. Глаза, не привыкшие к темноте, ровным счетом ничего не видели. Он попытался шагнуть вперед, в пустоту, развел руками, но ничего не поймал, шагнул еще раз и почему-то очутился перед дверью в туалет.

Полоснул луч карманного фонарика, скользнул по полу, ослепил Сергея. После этого он уже совсем ничего не видел. Потом шаги раздались на кухне, хлопнула дверь, и Сергей вспомнил, что видел эту дверь, запертую на массивный кованый крючок. Он вспомнил,

что в этом доме есть черный ход, где проходят газовые стояки, где он сам не раз был, и что выходит он во двор, и что дальше открываются бесконечные проходные дворы, и теперь все его старания пропали даром.

В передней резко прозвучал звонок. Видно, рукоятку старинного звонка с надписью «прошу повернуть» повернули с такой силой, что звонок прозвучал как электрический, на самой высокой ноте. Он бросился к двери, нащупал в темноте ключ, отомкнул другие запоры, открыл дверь и очутился лицом к лицу со Степаном Константиновичем.

— Что случилось?! — спросил запыхавшийся участковый.

— Они ушли через черный ход!

— Кто «они»?

— Они, их двое.

— Ну, ничего. Пойдем на черный ход, — с трудом переводя дух, сказал Степан Константинович. — Оружие у них есть?

— Кажется, нет, — ответил Сергей.

Макар, пропустив вперед Монтера, грузно бежал по неосвещенной выщербленной лестнице черного хода. Лестница была не освещена. Луч фонарика выхватывал большие темно-зеленые ведра для пищевых отходов, пустые бутылки, выстроенные вдоль стены, стакан, забытый кем-то, окурки. Видно, черный ход убирался не часто. Он видел согнутую спину Монтера, его голову, вжатую в плечи. Он бежал, а мысли его были далеко. Для него уже кончилось это дело. Он знал, теперь знал наверняка, что они уйдут, что, кто бы ни пришел сейчас туда, в квартиру, этот человек их не догонит. Он знал, что из этого двора есть три проходных выхода. Он знал, что через некоторое время, через очень короткое время они очутятся на ярко освещенной людной улице, где, притулившись почти вплотную к стоянке такси, поджидает его вишневый «жигуленок». Макар видел, что плечи Монтера мелко вздрагивают, и даже раздавались какие-то всхлипывающие звуки, и тут он окончательно понял, что все уже позади. Раз Монтер начал нервно хихикать, значит, все уже позади, опасности нет. А остальное — потом. Потом его будут искать, потом составят его портрет. Найти человека в восьмимиллионном городе очень непросто даже такому сильному аппарату, как Московский уголовный розыск. Дальше у него оставались те же пятьдесят шансов из ста, и уж их-то он использует как надо, на всю мощь, на полную катушку.

Уже на первом этаже, пробегая последний лестничный пролет, Макар чутким ухом услышал, как хлопнула дверь черного хода на пятом этаже. Значит, преследователи вышли, значит, им бежать еще пять этажей. Макар увидел, как Монтер, набычившись, со всего размаха стукнулся в дверь, ведущую на улицу, и... отскочил, как хорошо надутый мячик. Дверь была заперта. Макар отстранил Монтера, немножко подавшись назад для разгона, со всего маху обрушился на дверь своим весом. Дверь затрещала, но не открылась.

По спине у Макара поползли крупные капли пота. Он обмяк, будто из него вынули напрягающий его стержень. Он уже ничего не думал, руки повисли, как плети, и он стоял, прислонившись к этой

двери в полной прострации. Ведь он тщательно, очень тщательно ее осматривал раньше, во время подготовки, и, прежде чем приступить к осуществлению «акции», убедился, что эта дверь никогда не имела запоров, она не могла быть запертой.

Степана Константиновича Анечка встретила случайно на улице. Он ходил в магазин за пельменями, так как был сейчас соломенным вдовцом: жена дни и ночи пропадала в больнице около больной матери. Вот так, с пачкой пельменей в авоське, она его и встретила на улице.

Степан Константинович немедленно оценил обстановку и, несмотря на изумленные возгласы Анечки, повел ее сперва в глубину двора, быстро нашел кусок доски, крепко подпер дверь черного хода и оставил Анечку дежурить около нее, сказав:

— Держи ее, держи ногой. Что бы ни было, держи, не бойся.

Монтер перестал хихикать и, щурясь от слепящего света фонарика, пытался заглянуть в глаза Макару. В чем дело? Макар выключил фонарик и обессиленно опустил на корточки рядом с помойным ведром.

Сверху раздавались неторопливые шаги.

ЭПИЛОГ

Потом, через четыре дня, когда вернется профессор, настоящий профессор Симонов, он позовет Сергея к себе в гости и будет угощать его отменным чаем и судорожно, обрадованно, напропалую хвастаться своей спасенной коллекцией, потому что без этой марки коллекции, по его мнению, просто не было бы, и будет упрашивать Сергея поступать именно к нему, в университет, и стараться втянуть его в собирательство, увлекательно рассказывая почти о каждой марке интереснейшую историю.

Потом, когда Сергея вызовут на Петровку для дачи показаний, он узнает, чем он рисковал (Макар все-таки нарушил свой принцип и перед самым бегством из квартиры забрал у Монтера нож, с которым тот не расставался. Ради марки он пошел бы на все) и что спасал... Но все это будет потом.

А сейчас он дождался вместе с Анечкой и Степаном Константиновичем, пока подъедет дежурная машина и увезет тех двоих, и возвратился в диспетчерскую. Оставалось еще два с половиной часа праздничного, хлопотливого, полного всяких неожиданностей дежурства по жэку.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

**ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ
«ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН»
В 1976 ГОДУ**

Редакционная коллегия журнала, обсудив итоги работы за год, отметила среди опубликованных материалов как лучшие:

С. Алексеев, профессор, доктор юридических наук. Азбука закона. Когда читают законы (№ 1)

Б. Петелин, кандидат юридических наук. Бывают ли безмотивные преступления? (№ 3)

Виктор Пронин. Белые перчатки. Очерк (№ 7)

Татьяна Копылова. «Я бы стороной обошел ту тропу...»
Групповой портрет несовершеннолетнего осужденного (№ 8)

Круглый стол редакции. Сообща искоренить зло (№ 10)

Г. Гусев, А. Камшалов. Чудодействие искусства... (№ 10)

А. Левандовский, кандидат исторических наук. Процесс рыцарей храма (№ 11)

Г. Калиновский. Иллюстрации к материалу «Процесс рыцарей храма» (№ 11)

Круглый стол редакции. Чтобы дело шло все лучше... (№ 12)

А. Блех, член Краснодарского краевого суда. Следы «Шестого». Хроника одного расследования (№ 12)

Слесарь В. А. Матвеев при очередной выпивке не рассчитал своих сил и вскоре лежал на мостовой. Кто-то из граждан, посчитав, что Матвеев в обмороке, вызвал машину «скорой помощи». Однако помощь почему-то пришлось пьющему не по вкусу. Он стал в машине буянить, ударил женщину-фельдшера. Не уgomонился он и в больнице, нецензурно бранился, разбил стекло в дверях, ударил пытавшуюся его успокоить медицинскую сестру.

Приговором Волховского городского народного суда Матвеев осужден на полтора года лишения свободы. С него также взыскано шестьдесят рублей в возмещение причиненного ущерба.

Председатель колхоза имени Щорса Богородчанского района Ивано-Франковской области Д. А. Приймак, бухгалтеры П. В. Будайкевич, Д. А. Куртяк и А. В. Мельник с целью обогащения за счет колхоза систематически составляли ведомости на оплату работ, в которые включали несуществующих лиц, и фиктивные документы на закупку скота и семян клевера. Деньги делили между собой. В преступную группу была вовлечена также и кассир А. И. Мельник.

Областным судом все они приговорены к длительным срокам лишения свободы.

А. Банников, работавший машинистом в Одесском порту, решив заняться спекуляцией, взял у близкой родственницы триста рублей якобы для приобретения туристической путевки. Затем он дождался прибытия судна из дальнего рейса и закупил у моряков жевательную резинку. Перепродав товар спекулянтке, он вскоре повторил операцию, но был задержан работниками милиции с поличным.

На выездной сессии Жовтневый районный народный суд Одессы приговорил Банникова к трем годам и шести месяцам лишения свободы.

3. Ф. Смолякова, несмотря на прежнюю судимость за хищения государственного имущества, сумела устроиться бухгалтером на фабрике индивидуального пошива в Евпатории Крымской области. В ее обязанности входило начислять и выплачивать зарплату рабочим швейной мастерской № 1. Со временем на фабрике от нее стали принимать отчетные документы без проверки. Воспользовавшись этим, Смолякова начала расхищать деньги, маскируя преступление неправильным оформлением документов и задержкой представления их в бухгалтерию фабрики. Но вскоре ее разоблачили. Одна работница пришла платить членские взносы. Ей сказали, что она должна заплатить с суммы 128 рублей. В ответ работница заявила, что получила 96 рублей. При проверке платежной ведомости выяснилось, что в ней имеются подчистки. Подобные подделки обнаружались и в других документах, составленных Смоляковой. Ревизия установила, что путем приписок и подчисток в ведомостях на выдачу зарплаты она похитила 2760 рублей. За хищения Смолякова приговорена судом к длительному сроку лишения свободы.

Механик Красносулинского отделения Сельхозтехники Ростовской области Тертычный после очередной рюмки водки задумался, чем бы заняться. Решил прокатиться с «ветерком» — благо автомашины были в его распоряжении. В гараже он завел грузовик и, несмотря на напоминание товарищей по работе, что в таком состоянии лучше бы отдыхать дома, выехал на шоссе. Не смущало Тертычного и то, что не так давно он был лишен водительских прав и даже в нормальном состоянии не имел права садиться за руль. Управляемая пьяным водителем автомашина ехала по шоссе, виляя из стороны в сторону. Трагический результат не заставил себя ждать: неожиданно выехав на другую сторону дороги, автомобиль врезался во встречный автобус комбината «Гуковуголь». Три человека погибли и несколько получили телесные повреждения.

Народный суд приговорил Тертычного к одиннадцати годам лишения свободы.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

**НОВОЕ
в законодательстве**

Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления

Главное направление борьбы с преступностью в нашей стране — предупреждение преступлений. Однако и правовая пропаганда, и усиление воспитательной работы, и широкое привлечение общественности к участию в борьбе с преступностью — все это вовсе не умаляет важной роли мер государственного принуждения.

Советское государство сейчас располагает довольно стройной и развитой системой мер борьбы с преступностью. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство постоянно развивается и совершенствуется. Делается это в целях дальнейшего укрепления социалистической законности, установления дополнительных га-

рантий охраны конституционных прав граждан.

По советскому закону, как известно, каждый совершивший преступление должен быть подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Если совершено преступление, то суд, прокурор, следователь или орган дознания обязаны возбудить уголовное дело, принять меры к установлению лиц, виновных в совершении преступления, к их наказанию. В связи с этим закон предоставил органу дознания и следователю право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления. Однако это право строго регла-

ментировано определенными в законе основаниями и условиями.

Согласно статье 32 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, орган дознания или следователь вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только в случае: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. При наличии иных данных, которые дают основания подозревать лицо в совершении преступления, задержать подозреваемого в преступлении человека можно лишь в случае, если он покушался на побег, или не имеет постоянного места жительства, или не установлена его личность.

Именно исходя только из этих оснований, орган дознания и следователь решают вопрос, задерживать подозреваемого или не задерживать.

Порядок задержания подозреваемого ранее регламентировался ведомственными при-

казами и инструкциями. Теперь порядок исполнения этой уголовно-процессуальной меры определен общесоюзным законодательным актом — Положением о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Положение утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 года, а сам Указ утвержден Верховным Советом СССР на пятой сессии девятого созыва (октябрь 1976 года).

Положение детально регулирует порядок кратковременного (до трех суток) задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Прежде всего, в Положении указывается, что о всяком случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания или следователь обязан составить протокол с указанием оснований, мотивов, дня и часа, года и месяца, места задержания, объяснений задержанного и времени составления протокола. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и задержанным. Это — важная гарантия для обеспечения неприкосновенности личности.

О всяком случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания или следователь обязан в течение двадцати четырех ча-

сов с момента задержания письменно сообщить прокурору. В течение сорока восьми часов с момента получения извещения о задержании прокурор обязан дать санкцию на заключение под стражу либо освободить задержанного.

Задержанные лица подвергаются личному обыску, а при необходимости — снятию отпечатков пальцев и фотографированию. Находящиеся у них вещи подлежат досмотру. Им запрещается иметь при себе деньги, ценные вещи, а также предметы и документы, не разрешенные к хранению в местах содержания задержанных.

Лица, задержанные по подозрению в совершении преступления, размещаются в камерах для задержанных с соблюдением следующих требований: мужчины содержатся отдельно от женщин; несовершеннолетние — отдельно от взрослых, если на их совместное содержание нет санкции прокурора; особо опасные рецидивисты — отдельно от других лиц. Лица, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, содержатся, как правило, отдельно от лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

О задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания или следователь уведомляет его семью.

Есть одно исключение. Уведомление семьи о задержании лица по подозрению в совершении тяжкого преступления может производиться, если это не будет препятствовать установлению истины по уголовному делу. При задержании несовершеннолетних уведомление родителей или лиц, их заменяющих, должно производиться во всех случаях.

Положение предусматривает право задержанного знать, в чем он подозревается; требовать проверки прокурором правомерности задержания (на администрацию мест содержания задержанных возлагается обязанность немедленно сообщать прокурору о таком требовании задержанного); обжаловать действия лиц, производящих дознание, следователя и прокурора.

Положение гарантирует задержанным соответствующие материально-бытовое обеспечение и медицинское обслуживание. Они носят ту одежду, которую носили до задержания. Если же это необходимо, то они бесплатно обеспечиваются одеждой и обувью по сезону. Им предоставляются бесплатно по установленным нормам питание, спальное место.

В целях охраны прав задержанных в Положении установлено, что жалобы и заявления лиц, задержанных по подозрению в совершении преступле-

ния, адресованные прокурору, следователю или лицу, производящему дознание, передаются им немедленно. Что же касается жалоб и заявлений, адресованных иным лицам и органам, то они также передаются немедленно следователю или лицу, производящему дознание, но последние направляют эти жалобы и заявления по принадлежности после их просмотра.

Жалобы и заявления, содержащие сведения, сообщение которых может помешать установлению истины по уголовному делу, по принадлежности не направляются, о чем извещается лицо, подавшее жалобу или заявление, а также уведомляется прокурор.

Задержанным предоставляются свидания с родственниками и иными лицами. Однако в интересах судопроизводства установлены ограничения в порядке предоставления свиданий. В соответствии с Положением свидания могут предоставляться только при наличии письменного разрешения следо-

вателя или лица, производящего дознание, в производстве которого находятся материалы задержания. Такой порядок имеет целью сохранение тайны следствия.

Задержанный подлежит освобождению, если: не подтвердилось подозрение в совершении преступления; отсутствует необходимость применения к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу; истек установленный законом срок задержания.

Администрация места содержания задержанных обеспечивает освобожденных в случае необходимости бесплатным проездом к месту жительства; по их просьбе выдает справки о времени пребывания в месте содержания задержанных.

В Положении устанавливается, что надзор за соблюдением законности в местах содержания задержанных осуществляется Генеральным Прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами в соответствии с законодательством о прокурорском надзоре.

М. ЕВТЕЕВ,
кандидат юридических наук

наши
консультации

Правила обмена импортной мебели

В Типовых правилах обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли, утвержденных совместным приказом Министерства торговли СССР и Госстандарта СССР, а также в республиканских правилах обмена товаров (см. журнал «Человек и закон» № 1 за 1976 год), установлено, что порядок обмена импортной мебели регулируется особыми правилами.

Обобщив практику рассмотрения претензий покупателей, Министерство торговли СССР разработало и 5 июля 1976 года утвердило Типовые правила обмена импортной мебели, купленной в магазинах государственной и кооперативной торговли, на основе которых в союзных республиках утверждаются республиканские правила обмена.

Согласно этим правилам покупатели, получая в магазине импортную мебель, должны с помощью продавца осмотреть ее, для того чтобы лично удо-

стовериться в полной исправности и комплектности приобретенных предметов, так как претензии на механические повреждения и наружные (явные) недостатки предметов мебели после передачи их магазином покупателю не принимаются.

С другой стороны, и торговым предприятиям запрещено продавать импортную мебель без вскрытия упаковки инопоставщика и тщательной проверки ее качества, количества и комплектности.

Если же импортная мебель будет продана в нераспакованном виде, а после этого покупатель обнаружит в ней недостатки, недоброкачественность или некомплектность, то расходы, связанные с досылкой недостающих предметов и отдельных деталей, а также с приемом обратно недоброкачественной мебели, возмещаются за счет виновных лиц, отпустивших без осмотра мебель в упаковке инопоставщика.

Если покупатель после приобретения мебели обнаружит в ней скрытые недостатки, то он

вправе в любое время, но не позднее шести месяцев со дня покупки, обратиться в магазин, продавший мебель, с письменным заявлением, к которому должна быть приложена копия товарного чека на купленную мебель.

Магазин, получив заявление и копию товарного чека, обязан в десятидневный срок установить характер недостатков мебели в месте ее нахождения и устранить их за свой счет. Если же устранить выявленные недостатки не представляется возможным, магазин обязан обеспечить проведение экспертизы мебели в порядке, который определен инструкцией, имеющейся во всех организациях, торгующих мебелью. Правила запрещают адресовать покупателей по вопросам недоброкачества мебели непосредственно к инофирмам-поставщикам.

Получив акт экспертизы, подтверждающий недоброкачество мебели, магазин обязан в двухнедельный срок принять ее обратно и заменить на мебель надлежащего качества того же артикула, либо, с согласия покупателя, заменить на мебель других артикулов, имеющуюся в свободной продаже, с соответствующим перерасчетом денежной суммы, либо, также с согласия покупателя, выплатить определенную экспертизой сумму уценки. В тех

случаях, когда покупатель отказывается от замены мебели или получения суммы уценки на указанных выше условиях, ему в недельный срок после возврата мебели в магазин должна быть выплачена полная ее стоимость по уплаченной цене.

Как производится замена отдельных предметов гарнитура? Это на практике встречается довольно часто. При необходимости обмена отдельных предметов, входящих в гарнитур мебели, магазин заменяет весь гарнитур, если он предъявлен в полном комплекте. Однако с согласия покупателя на основании акта экспертизы магазин может заменить и отдельные предметы либо уценить их и выплатить покупателю сумму уценки.

Импортная мебель (как полный гарнитур, так и отдельно купленные предметы), уцененная менее чем на 5 процентов от розничной цены, обратно не принимается и не обменивается. В таких случаях покупателю выплачивается сумма уценки магазином, продавшим мебель.

Иногда покупатель, имеющий право на обмен сданного гарнитура, отказывается от другого гарнитура только по той причине, что не подходит цвет обивки. Правилами установлено, что в таком случае покупатель по истечении трех

месяцев со дня отказа лишается права на получение другого гарнитура и ему выплачивается полная стоимость сданного гарнитура, а при неявке покупателя после двукратного вызова для получения денег магазин обязан переслать их на имя покупателя почтовым переводом.

Довольно часто бывает так, что мебель приобретена в другом городе. Правилами установлено: импортная мебель со скрытыми дефектами, приобретенная покупателем, проживающим за пределами союзной республики, не имеющей областного деления, автономной республики, края, области, обратно не принимается и не обменивается. В этом случае покупателю на основании акта экспертизы выплачивается сумма уценки мебели. Такой, назовем его иногородний, покупатель при обнаружении скрытых недостатков мебели вправе обратиться с письменным заявлением по месту жительства в министерство торговли союзной республики, не имеющей областного деления, в министерство торговли АССР, управление торговли исполкома краевого, областного, городского Совета депутатов трудящихся, которое обязано в двадцатидневный срок организовать через соответствующую

торговую организацию проведение экспертизы мебели на дому у покупателя, а также выплату суммы уценки. При этом торговая организация, которая произвела выплату, направляет подлинные документы (заявление и акт экспертизы), а также копию товарного чека и документы, подтверждающие расходы по экспертизе, магазину, продавшему мебель, для возмещения понесенных расходов.

Все транспортные расходы, связанные с возвратом и обменом недоброкачественной мебели, относятся за счет магазина, продавшего мебель.

Претензии по качеству импортной мебели торговые организации и предприятия должны предъявлять организации, выставившей счет за эту мебель. Направлять эти претензии непосредственно инофирмам-поставщикам запрещается. Оформление и предъявление претензий по качеству мебели производится в соответствии со специальной инструкцией, утвержденной Министерством внешней торговли, которая доведена до сведений заинтересованных торговых организаций.

Н. КУЗЬМЕНКОВ,
заместитель начальника
управления Министерства
торговли СССР

Дисциплинарная ответственность рабочих и служащих

Каждый советский гражданин обязан блюсти дисциплину труда — так записано в Основном Законе нашей страны — Конституции Союза ССР. Рабочие и служащие должны работать честно и добросовестно, соблюдать трудовую дисциплину, своевременно и точно исполнять распоряжения администрации, повышать производительность труда, улучшать качество продукции, соблюдать технологическую дисциплину, инструкции по охране труда, технике безопасности и производственной санитарии, беречь и укреплять социалистическую собственность. Эти обязанности рабочих и служащих предусмотрены Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, республиканскими кодексами законов о труде, Типовыми правилами внутреннего трудового распорядка. В ряде других нормативных актов обязанности работников конкретизируются — применительно к условиям той или иной отрасли народного хозяйства, отдельных предприятий, организаций.

Трудовая дисциплина основывается на сознательном отношении рабочих и служащих к порученному делу. Соблюдение дисциплины достигается методами убеждения, а также поощрением за добросовестный труд. В отношении отдельных нерадивых работников применяются меры дисциплинарного и общественного воздействия.

К сожалению, еще не все относятся к работе так, как нужно. Бывают случаи нарушения дисциплины, то есть неисполнения или ненадлежащего исполнения работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. В таких случаях виновные несут дисциплинарную ответственность.

Сразу же подчеркнем: если работник провинился, скажем, не выполнил общественное поручение, хулиганил на улице или дома, — его нельзя привлекать к дисциплинарной ответственности, так как он не нарушал трудовой дисциплины. Такое поведение может обсудить общественная организация, или, соответственно, виновный может быть наказан в административном порядке (милицией, народным судьей), либо привлечен к уголовной ответственности, если, разумеется, для этого есть основания.

Законодательством предусмотрена дисциплинарная ответственность нескольких видов. Они различаются перечнем взысканий, порядком их наложения и обжалования. Рассмотрим подробно основной вид — ответственность рабочих и служащих по правилам внутреннего трудового распорядка.

Прежде всего — о взысканиях. Согласно статье 56 Основ законодательства о труде и соответствующим статьям кодексов законов о труде союзных республик администрация применяет к нарушителям дисциплины следующие дисциплинар-

ные взыскания: замечание; выговор; строгий выговор; перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок; увольнение.

Недопустимо применять взыскания, не предусмотренные законодательством. Нельзя, например, объявлять замечание с предупреждением, строгое предупреждение, снижать заработную плату (при выполнении прежней работы), уменьшать оплату командировочных расходов, лишать процентной надбавки в районах Крайнего Севера.

Временный перевод на нижеоплачиваемую работу или смещение на низшую должность допускается только с учетом специальности (профессии) работника. Неправомерно переводить слесаря на подсобную работу, шофера — слесарем, инженера — рабочим. Иногда администрация заявляет, что на предприятии нет нижеоплачиваемой работы, на которую можно было бы перевести нарушителя дисциплины с учетом его специальности. Что ж, в таком случае можно объявить другое взыскание.

Увольнение — крайняя мера дисциплинарного взыскания. Она может быть применена в двух случаях: за прогул либо за систематическое неисполнение работником без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к виновному ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания.

Прогулом считается неявка на работу без уважительных

причин в течение всего трудового дня, а также появление в нетрезвом виде. Причем не имеет значения, когда человек появился в состоянии опьянения — в начале, середине или конце рабочего дня. Пришедший нетрезвым в этот день к работе не допускается.

За прогул администрация вправе либо применить одно из взысканий, предусмотренных статьей 56 Основ законодательства о труде (в том числе увольнение), либо лишить работника права на получение процентной надбавки за выслугу лет на срок до трех месяцев или снизить ему единовременное вознаграждение за выслугу лет (за стаж работы по специальности на данном предприятии) в размере до 25 процентов.

За один и тот же проступок можно наложить только одно дисциплинарное взыскание. При этом следует иметь в виду, что полное или частичное лишение премии, предусмотренной системой оплаты труда, не относится к числу дисциплинарных взысканий. Не считается им и привлечение нарушителя к материальной ответственности за ущерб, причиненный им предприятию, учреждению. Поэтому за один проступок (например, за допущенный по вине работника брак) можно привлекать к дисциплинарной и материальной ответственности, а также лишать премии. За прогул работник — независимо от применения к нему мер дисциплинарного или общественного взыскания — лишается производственной премии полностью или частично. Ему может быть уменьшен размер вознаграждения по итогам годовой рабо-

ты предприятия, организации или совсем не выплачено это вознаграждение.

При выборе меры дисциплинарного взыскания необходимо учитывать тяжесть проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующую работу и поведение провинившегося.

До наложения взыскания администрация обязана затребовать от нарушителя объяснение. Отказ дать объяснение не препятствует наложению взыскания.

Взыскания налагаются администрацией непосредственно после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске. В любом случае взыскание не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка. Если проступок обнаружен через пять с половиной месяцев со дня его совершения, то администрация вправе наказать лишь в течение 15 дней, оставшихся до истечения шести месяцев.

Нередко возникает вопрос: какой день считать днем обнаружения проступка? Судебная практика исходит из того, что днем обнаружения следует считать день, когда о проступке стало известно любому должностному лицу, которому по работе подчинен нарушитель, независимо от того, наделено ли оно правом налагать взыскания.

Дисциплинарные взыскания налагаются руководителем предприятия, учреждения, организации, а также другими должностными лицами, перечень которых утверждается министерством (ведомством).

Взыскание объявляется в приказе (распоряжении) и сообщается работнику под расписку в трехдневный срок. Отказ работника удостоверить своей подписью, что он ознакомился с приказом, не влияет на действительность взыскания. Приказ доводится до сведения работников данного предприятия, учреждения.

Дисциплинарное взыскание, наложенное администрацией, не исключает возможности рассмотрения того же проступка в товарищеском суде по инициативе общественной организации или самого товарищеского суда.

Если работник считает, что дисциплинарное взыскание на него наложено неправильно, он вправе обжаловать его в комиссию по трудовым спорам, а затем в фабзавместком профсоюза и в районный (городской) народный суд.

Если в течение года со дня наложения взыскания рабочий или служащий не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, то он считается не подвергшимся взысканию. Иными словами, взыскание в этом случае снимается автоматически. Если рабочий или служащий не допустил нового нарушения трудовой дисциплины и притом проявил себя как хороший и добросовестный работник, руководитель предприятия (учреждения) может издать приказ (распоряжение) о снятии взыскания до истечения года.

Таковы основные положения дисциплинарной ответственности по правилам внутреннего трудового распорядка. Как указано выше, есть и другие виды этой ответственности.

Дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности

несут работники, занимающие должности, указанные в перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров (к ним относятся руководители предприятий, организаций, их заместители и помощники; главные инженеры, главные врачи; начальники цехов и их заместители, мастера; руководители управлений, отделов министерств, ведомств и некоторые другие).

К работникам, несущим дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности, наряду с взысканиями, перечисленными в статье 56 Основ законодательства о труде, могут применяться также смещение на низшую должность сроком до одного года и увольнение за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей (взыскания, предусмотренные статьей 56 Основ, могут налагаться на рабочих и служащих всех категорий, независимо от вида дисциплинарной ответственности).

Дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности налагается лицами или органами, от которых согласно действующим правилам зависит назначение данного работника на должность, либо лицами и органами, вышестоящими по линии подчиненности в отношении указанных лиц или органов. Например, начальник цеха (если ему предоставлены министерством дисциплинарные права) вправе объявить взыскание рабочему. Однако он не может наказывать мастера, несущего ответственность в порядке подчиненности. Наказать того вправе директор предприятия, от которого зависит назначение мастера на должность. Начальник цеха в

случае необходимости обращается к директору с предложением привлечь мастера к дисциплинарной ответственности.

Наложенные в порядке подчиненности дисциплинарные взыскания не подлежат обжалованию в комиссию по трудовым спорам, фабзавместком профсоюза, народный суд. Их можно обжаловать должностному лицу или органу, непосредственно вышестоящему по отношению к тому должностному лицу или органу, которым наложено взыскание. Руководитель вышестоящего органа обязан рассмотреть жалобу в течение десяти дней и немедленно уведомить работника о результатах.

Рабочие и служащие некоторых отраслей народного хозяйства несут дисциплинарную ответственность по уставам о дисциплине, которые предусматривают различные взыскания с учетом особенностей той или иной отрасли. Например, Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР устанавливает такое взыскание, как лишение машинистов права управлять локомотивом с переводом на работу помощниками машинистов, слесарями, кочегарами на срок до одного года (это взыскание может применяться за крушение, аварию, проезд запрещающих сигналов и нахождение на работе в нетрезвом состоянии). Жалобы работников, подвергнутых взысканиям, рассматривает вышестоящая организация.

Законодательство предусматривает дополнительные гарантии против необоснованного привлечения к дисциплинарной ответственности работников отдельных категорий. Рабочие и служащие, избранные в со-

став фабричного, заводского, местного, цехового комитета профсоюза и не освобожденные от своей производственной работы, не могут быть переведены на другую работу или подвергнуты дисциплинарному взысканию без предварительного согласия фабзавместкома профсоюза, а председатели этих комитетов и профсоюзные организаторы — без предварительного согласия вышестоящего профсоюзного органа. Эта дополнительная гарантия распространяется на всех членов фабзавместкомов и цеховых комитетов профсоюза — независимо от занимаемой ими должности по основной работе и вида дисциплинарной ответственности, в том числе и на работников, указанных в перечне № 1 приложения № 1 к

Положению о порядке рассмотрения трудовых споров.

Депутат Совета депутатов трудящихся не может быть по инициативе администрации уволен с предприятия, из учреждения, организации или переведен в порядке дисциплинарного взыскания на нижеоплачиваемую работу без предварительного согласия Совета, а в период между сессиями — без предварительного согласия соответственно исполкома Совета или Президиума Верховного Совета.

Администрация вправе вместо применения дисциплинарного взыскания передать вопрос о нарушении трудовой дисциплины на рассмотрение товарищеского суда или общественной организации.

Е. ГЕРШАНОВ,
кандидат юридических наук

**Читатель
на приеме
у юриста**

**П. Самсонов
из Челябинской области
спрашивает,
какую ответственность
несет гостиница
в случае кражи
личных вещей граждан
из занимаемых ими
номеров.**

Довольно часто в гостиницах разных городов можно видеть объявление: «За вещи, не сданные в камеру хранения, гостиница ответственности не несет». Эти объявления появляются по личной инициативе администрации гостиниц и, по существу, противоречат закону.

Дело в том, что в статье 429 Гражданского кодекса РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных рес-

публик прямо указано, что гостиницы, дома отдыха, санатории, общежития и тому подобные организации отвечают за утрату или повреждение имущества граждан, находящегося в отведенных им помещениях, хотя бы это имущество не было особо сдано на хранение этим организациям.

Не несут ответственности эти учреждения лишь за деньги и драгоценности, которые не были особо сданы им для хранения.

Гостиницы, дома отдыха, санатории и тому подобные организации несут ответственность за имущество граждан в размере стоимости утраченных вещей. Ущерб определяется исходя из установленных розничных цен, при этом учитывается процент износа вещей или амортизации.

Если же имущество гражданина повреждено, то сумма возмещения определяется по соглашению сторон, а если такое соглашение не достигнуто — то размер возмещения может быть определен торговой инспекцией, экспертизой.

В случаях, когда администрация отказывается возмещать стоимость утраченного или поврежденного имущества, гражданин может обратиться в народный суд в течение трех лет.

Вот один из примеров. Житель Норильска гражданин Б. приехал в Москву и временно поселился в гостинице. Через некоторое время Б. обнаружил пропажу ряда ценных вещей, которые находились в его номере. Он немедленно сообщил об этом администрации гостиницы. Найти вора не удалось. Тогда гражданин Б. потребовал, чтобы администрация возместила причиненные ему убытки. Однако та отказалась это выполнить, сославшись на то, что преступник не задержан. Народный суд, куда обратился Б., удовлетворил его иск, постановив взыскать с гостиницы убытки.

Следует отметить, что гостиницы и другие подобные им учреждения освобождаются от ответственности за утрату, недостачу или повреждение имущества в случаях, если эти последствия были вызваны непреодолимой силой, то есть событием чрезвычайным и непредотвратимым при данных условиях.

И. ГРИШИН,
старший преподаватель
Академии МВД СССР

**«Я колхозник,
работаю пастухом.
Из-за моего недосмотра
потерялся колхозный
теленок. В каком
размере я должен нести
ответственность за
причиненный ущерб?»
— спрашивает нас
В. Дорохов
из Ленинградской
области.**

В пункте 13 Примерного устава колхоза говорится, что колхозники, допустившие гибель, порчу или утрату колхозного имущества, а также виновные в самовольном использовании тракторов, автомобилей, сельскохозяйственных машин, рабочего скота и причинившие колхозу материальный ущерб, обязаны его возместить. Размер действительного ущерба определяется правлением колхоза. Взыскание ущерба производится также правлением колхоза, а в случае спора — через народный суд.

Ущерб, причиненный небрежностью в работе, взыскивается в размере, не превышающем одной трети месячного основного заработ-

ка колхозника (так называемая ограниченная материальная ответственность).

Полная материальная ответственность наступает при умышленном причинении вреда, а также в ряде других случаев, предусмотренных законодательством. При этом взыскивается весь фактический ущерб независимо от размеров заработка виновного.

Так, например, по постановлению Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 года полную материальную ответственность несут колхозники, виновные в гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз. Такая же ответственность, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 августа 1964 года, наступает и для лиц, по халатности которых произошла недостача этих животных перечисленных видов.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 года отмечено, что материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба наступает, например, в таких случаях: когда ущерб причинен преступными действиями колхозника, наказуемыми в уголовном порядке, либо в результате самовольного использования колхозных тракторов, автомобилей, сельхозмашин, рабочего скота.

Исходя из всего сказанного, с пастуха-колхозника должна быть взыскана полная стоимость пропавшего теленка.

В. СТЕПАНОВ,
консультант журнала
«Советы депутатов трудящихся»

Е. Приходько
из Краснодара пишет,
что порой возле кино-
театров можно видеть
людей, продающих
билеты по повышенной
стоимости. «Можно ли
привлечь их к
ответственности?»
— спрашивает она.

Люди, о которых пишет Е. Приходько, занимаются мелкой спекуляцией и должны нести за это административную ответственность. Мелкая спекуляция — это скупка и перепродажа частными лицами в небольших размерах товаров народного потребления и продуктов сельского хозяйства, кассовых и товарных чеков и талонов, билетов в зрелищные и другие предприятия, книг, нот и иных ценностей с целью наживы. Ответственность за мелкую спекуляцию

установлена законодательством союзных республик. Так, в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 года говорится, что мелкая спекуляция, совершенная впервые, влечет за собой арест на срок от 3 до 15 суток или штраф до 50 рублей с конфискацией предметов спекуляции. К ответственности за мелкую спекуляцию привлекаются лица, достигшие шестнадцати лет.

Материалы о мелкой спекуляции рассматриваются народным судьей единолично в течение трех суток после поступления их в суд из органов милиции, с вызовом совершившего спекуляцию и, в случае необходимости, свидетелей. Постановление народного судьи об аресте или наложении штрафа приводится в исполнение немедленно и обжалованию не подлежит. Арестованные за мелкую спекуляцию содержатся в камерах предварительного заключения или в тюрьмах и используются на физических работах. Конечно, за то время, которое они находятся под арестом, заработная плата по месту постоянной работы им не выплачивается.

Материалы о лицах, впервые совершивших мелкую спекуляцию, могут быть — с учетом личности нарушителя и характера совершенного им проступка — направлены в общественные организации, коллективы трудящихся и товарищеские суды для принятия мер общественного воздействия.

В. САМОЛЮК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА-ДЕЛО БРУНО ЛЮДКЕ

ГЮНТЕР
ПРОДЛЬ

Необходимое предисловие. Опубликованный в 1956 году одним западногерманским журналом сенсационный репортаж и созданный годом позже фильм утверждали, что Бруно Людке из Кёпеника (район Берлина) совершил с 1924 по 1943 год 84 злодейских убийства. Оба — и репортаж, и фильм — назывались «Ночью, когда орудует дьявол» и были якобы основаны на документальных данных, почерпнутых из секретных архивов бывшего главного управления безопасности фашистского рейха.

Тщательное изучение этих материалов ясно показало, почему главное управление безопасности было так заинтересовано в сохранении тайны. Дело шло вовсе не о крупнейшем в истории криминалистики случае зверских убийств, как утверждали репортаж и фильм, а о крупнейшем надувательстве со стороны следственных органов.

„**Ч**етыре раза в году ярмарка, один раз — судебный процесс — вот и все развлечения, ведомые идиллическому померанскому городку Реетцу. Жизнь здесь текла спокойно. Дважды в неделю люди ходили в трактир и один раз — в церковь. Будни их не знали сенсаций. Но сегодня, 24 октября 1930 года, происходит нечто исключительное, неправдоподобное, жуткое...

Сегодня судят убийцу. Этот маленький, щедушный человек кажется сейчас, когда он сидит между двумя полицейскими, еще более невзрачным. Ему 26 лет, и зовут его Герман Верх. Четыре месяца назад в канаве нашли труп его тридцатидвухлетней любовницы Эльзы Ладвиг. Она была беременна, что, по мнению прокурора, и послужило для Верха мотивом убийства.

Присяжные совещаются всего сорок минут. Их вердикт: виновен. Профессиональным судьям, устанавливающим меру наказания, тоже не требуется много времени. «Именем народа», возглашает председательствующий, Герман Верх приговорен за жестокое убийство к смертной казни.

В этот миг подсудимый теряет сознание. Никто не знает, какие муки переживает он затем в камере смертников. Кассационная жалоба отклонена. Прощение о помиловании оставлено без ответа. И вдруг, совершенно неожиданно, осужденному заменяют смертную казнь пожизненным заключением в каторжной тюрьме. Через десять лет его, так же неожиданно и без объяснения причин, выпускают на свободу.

Пройдет еще три года, прежде чем Герман Верх узнает, что оказался запутанным в историю, равных которой не ведала криминалистика. Но тогда эта история никому еще не была известна, как не известно никому имя Бруно Людке...» — так начинается в «Мюнхнер иллюстрирте» названный документальным репортаж «Ночью, когда орудует дьявол».

Ни слова правды нет в этом завлекательном начале «документального» репортажа. Ни 24 октября 1930 года, ни в какой другой

день Германа Верха не судили за убийство, а тем более не приговаривали к смертной казни и не отправляли затем в каторжную тюрьму. Все это выдумки «Мюнхнер иллюстрирте».

О Германе Верхе в деле Людке (том II, страница 56) сказано: «Из материалов дознания явствует, что крестьянин Верх был заподозрен в убийстве Ладвиг, с которой сожительствовал и которая от него забеременела. Он свою вину категорически отрицал и после длительного содержания в следственной тюрьме был освобожден за недостаточностью улик. Родственники убитой и односельчане продолжали считать его убийцей...»

Итак, несколько месяцев предварительного заключения «Мюнхнер иллюстрирте» превратила в десять лет каторги.

В предисловии к репортажу главный редактор журнала заверяет: «Двадцать лет убийца выискивал по всей Германии свои жертвы. 84 человека погибли от его руки. Я сначала не хотел верить этой истории. Но затем мне показали материалы дела...»

В материалах дела (том VI, страница 176) перечислены все якобы совершенные Людке злодеяния: 54 убийства и три покушения на убийство.

Зачем же главный редактор имеющего миллионные тиражи журнала подписывается под топорной фальсификацией, выдавая ее за документальный отчет? Зачем выбрасывают миллионы марок на экранизацию этой чепухи и еще награждают фильм премией? Только потому, что вся история сенсационна? Но ведь и действительная история дела Людке не менее сенсационна.

«Ночью, когда орудует дьявол» — хитроумная пропаганда, удостоенная премии именно потому, что отвечала неонацистским стремлениям недобитых фашистов, тех, кто снова мечтал о восточном походе и стремился подготовить к нему массы. Медленным ядом отравляя сознание людей, они служили той же цели, что и оснащение Западной Германии ракетным оружием. Полтора часа молодежавшие офицеры СС гонялись на экране за опаснейшим убийцей, озверевшим, кровожадным идиотом, которого затем, не разводя судебной волокиты, безболезненно прикончили с помощью цианистого калия. Кого это могло возмутить? Почему бы и впрямь подобным гуманным способом не уничтожать такого сорта людей? Выходит, они были не такие уж плохие, эти эсэсовцы! В фильме они выглядели хоть и отрицательно, однако столь шаржированно, что их вообще нельзя было принимать всерьез, а значит, нельзя было и ненавидеть. Остальных представителей фашистского государства фильм изображал честными, думающими, а порой и доблестными. Они заслуживали скорее восхищения, чем презрения. Молодой человек, сам не переживший ужасов фашизма, мог решить, что все это было не так уж гнусно и что на фашистов возводят поклеп!..

Что же в действительности представляло собой объявленное «крупнейшим в истории криминалистики» дело? Обратимся к фактам.

В 1941—42 годы в Берлине было зарегистрировано несколько нераскрытых убийств и одно покушение на убийство.

3 апреля 1941 года в лесу была изнасилована и удушена двадцатичетырехлетняя Кэте Мундт.

4 мая 1941 года шестидесятилетнюю Минну Гутерман нашли с проломленным черепом в ее спальне.

Два дня спустя были зарезаны супруги Уман, владельцы ресторана. На сей раз убийство было сопряжено с ограблением.

9 марта 1942 года прохожие наткнулись в роще на разложившийся труп сорокавосемилетней Берты Бергер. Вскрытие установило пролом черепа.

5 июня 1942 года поздним вечером тридцатичетырехлетняя Тереза Пол, возвращаясь с двумя своими детишками с вокзала, подверглась нападению. По мнению полиции, только поднятый малышами отчаянный крик помешал преступнику убить женщину. Похитив сумку, он скрылся.

3 августа 1942 года была удушена электрическим шнуром тридцатилетняя Анна Салтис. Вначале подозрение пало на женщину, с мужем которой сожительствовала покойная. Однако шесть недель спустя дело за недостаточностью улик было прекращено.

Гражданских криминалистов времен Веймарской республики смещали в ту пору со всех ответственных постов, и руководителем комиссии по расследованию убийств стал штурмбаннфюрер СС Тоготце, быстро сделавшийся советником уголовной полиции, хотя криминалистическими познаниями он отнюдь не обладал и ничем, кроме нацистских убеждений, похвастать не мог. Между тем от него ожидали, что он быстро наведет порядок и не позволит, чтобы в гитлеровском «образцовом» государстве убийцы разгуливали на свободе.

Когда Тоготце впервые переступил порог берлинского полицей-президиума, его ожидали шесть толстых папок — оставшиеся нераскрытыми дела об убийствах. Ознакомиться с этими делами он не успел: судьба тут же послала ему серьезное испытание.

31 января 1943 года комиссию по расследованию убийств опять поднимают по тревоге: на 56-м участке в Кёпеникском лесу найдена задушенной неизвестная женщина средних лет.

Тоготце несколько раз перечитывает краткое донесение. Еще одна убитая! Неужто продолжение все той же серии загадочных убийств? Если так, карьера его кончится, не успев начаться, и ему не миновать фронта... Нет, это убийство он должен раскрыть любой ценой!

Выезд на место преступления не входит в его обязанности. Он должен обеспечить руководство и правильно расставить людей.

Случается так, что в этот самый момент к Тоготце заглядывает один из новоиспеченных комиссаров полиции, партайгеноссе и штурмовик Хейнц Франц. Это стройный блондин, которому нет еще и тридцати и который охвачен неукротимым стремлением сделать карьеру. Сейчас он, собственно, пришел попросить трехнедельный отпуск для прохождения курсов СА. Но советник уголовной полиции не дает ему и рта раскрыть:

— Соберите комиссию и примите дело в Кёпенике, Франц. Да поможет вам бог! В случае неудачи вам останется только подать рапорт с просьбой об отправке на фронт, партайгеноссе!

Получить дело об убийстве — мечта каждого молодого комиссара. Франц даже теряет от неожиданности.

— Слушаюсь, господин советник уголовной полиции! — машинально отвечает он и только затем, спохватившись, что перед ним штурм-

баннфюрер СС, щелкает каблуками и вытягивает в приветственном жесте руку: — Хайль Гитлер!

Три месяца спустя Франц пишет одному из своих коллег: «Сама судьба привела меня в тот день к советнику уголовной полиции Тоготце...»

Впрочем, первое время он еще весьма сомневается в успехе. Личность убитой установлена. Это — пятидесятитрехлетняя Фрида Резнер. 20 января, как в эту четвертую военную зиму делал почти каждый житель Кёпеника, она отправилась набрать сухих сучьев на растопку. В лесу ее потом и нашли задушенной и, судя по всему, изнасилованной. Преступника никто не видел. Единственная надежда, что он попытается сбыть сделанную из хорошей кожи сумку покойной, не оправдывается, и Тоготце решает уже, что поставил не на ту лошадь. Но он недооценивает упорства, терпения и усердия молодого комиссара полиции.

Франц не сдаётся. Убийство, заявляет он, было совершено в состоянии аффекта. Преступник и жертва были знакомы раньше и случайно встретились в лесу. Значит, преступник из местных.

Соответственно Франц решает проверить всех известных в Кёпенике правонарушителей-мужчин. Почти два месяца уходят на этот поистине сизифов труд. Исследуются 93 версии. Несколько человек задерживают, но в конечном счете отпускают как явно не имеющих отношения к убийству.

Среди прочих нарушителей порядка значится и кучер Бруно Людке, к возмущению кёпеникцев хлеставший кнутом своих лошадей. Кроме того, он замечался в краже дров. Однако в местном полицейском участке его считают безобидным дурачком, и Францу он тоже не кажется поначалу подозрительным.

Молодому комиссару приходит на ум, что все оставшиеся за последние двадцать лет нераскрытыми убийства женщин в Берлине были совершены одним человеком. Правда, криминалисты, занимавшиеся расследованием дел об убийствах, решительно такую возможность отрицают. Отсутствует, говорят они, единый «почерк»; а здесь мотивы, способы, обстоятельства убийств совершенно различны.

Франц возражает: «почерк» — это правило, но разве не может быть исключений? Однако, как ни корпит он над старыми делами, связи между ними и кёпеникским убийством не находит. И вот, когда он готов уже сдать, на глаза ему снова попадает папка с делом Бруно Людке. Позднее Франц говорит об этом, как и о визите к Тоготце: «Сама судьба натолкнула меня еще раз на эту папку, которая иначе давно пылилась бы в архиве».

18 марта 1943 года Франц прочитывает ее всю до конца. Он обращает внимание и на то, что Людке, случалось, приставал к женщинам, говорил им публично всякие непристойности. Невольно Франц задумывается: не естественно ли предположить, что Людке психически ненормальный, пытается овладеть женщинами насильно? Раз он воровал дрова, значит, частенько наведывался в лес. Что, если он встретил там фрау Резнер?

Взволнованный комиссар объявляет обер-секретарю кёпеникского полицейского участка Хайцмюллеру, что намерен лично заняться Бруно Людке.

— Дурачком Бруно? Напрасный труд! — И Хайцмюллер недовер-

чиво покачивает головой, глядя, как Франц достает из письменного стола пистолет и наручники.

Но Франц уже целиком одержим своей идеей.

В «документальном» репортаже и в фильме сцена ареста представлена весьма драматично. Со всей своей медвежьей силой набрасывается Бруно Людке на Франца. Только ловким приемом джиуджитсу удается тому высвободиться из смертельно опасных объятий. Одновременно он завоевывает безграничное восхищение и доверие убийцы, преклоняющегося лишь перед теми, кто сильнее его.

Сам Франц в докладной описывает процедуру задержания много прозаичнее: «Считая, что Людке наверняка причастен к убийству фрау Резнер, я объявил ему о взятии под стражу и доставил его в полицей-президиум».

Два часа Франц в присутствии Хайцмюллера и протоколистки допрашивает Бруно Людке. Безуспешно! Бруно держится неприязненно и упорно отрицает свою вину. Он не скрывает, правда, что ему нравятся хорошо сложенные женщины, и это его высказывание дословно заносится в протокол. Затем он заявляет, что голоден и, пока не поест, ни слова больше не скажет.

Комиссар Франц прерывает допрос и отпускает обоих помощников, записав в протоколе: «Я чувствовал, что присутствие посторонних и официальная обстановка смущают Людке. Необходимо было попытаться установить с ним личный контакт».

Он продолжает допрашивать Бруно Людке до глубокой ночи. Допрос ведется без свидетелей и не протоколируется, но из записи в книге дежурных по тюрьме известно, что Людке был доставлен из кабинета комиссара Франца в камеру только в 1.30.

На другое утро сияющий Франц объявляет, что дело об убийстве фрау Резнер раскрыто. Хайцмюллер изумлен:

— Как так? Людке все-таки сознался?

— Еще нет, но сегодня сознается, я уверен,— загадочно улыбается Франц и назначает выезд на место преступления.

Людке словно подменили. Сегодня он держится с Францем как с добрым старым приятелем и даже говорит ему «ты». Еще до того, как машина прибывает в Кёпеник, он с улыбкой признается, что убил фрау Резнер.

В деле есть запись: «В присутствии обер-секретаря уголовной полиции Хайцмюллера Людке сознался в убийстве, сказав, что подробности содеянного вспомнит на месте».

Бруно сдерживает обещание. Его показания в точности совпадают с данными протокола, составленного 31 января при обнаружении трупа. Правда, сообщаются все детали не в виде связного рассказа, а в форме своего рода игры с комиссаром Францем в «вопросы и ответы».

Позднее Людке повторяет свое признание перед всей комиссией по расследованию убийств, перед Тототце, перед господами из управления безопасности, перед каждым, кому его представляет Франц. Только одного не говорит Бруно Людке: куда девалась сумка убитой? В фильме ее обнаруживают в конюшне, на самом же деле ее так и не нашли. Людке указывает то одно, то другое место, но полицейские напрасно обшаривают лес, дом, участок.

И это понятно: Людке подтверждает данные протоколов комиссара Франца, а того, чего не знает Франц, не знает и Людке.

Но весной 1943 года подобные соображения никого не смущают. И Людке попросту не оставляет уголовной полиции времени для критических размышлений, признаваясь все в новых убийствах. Поначалу признания даются лишь в общих чертах, и любопытно проследить, как они затем уточняются. 22 апреля 1943 года в деле, например, записано: «Когда Людке объявили, что его подозревают и в других преступлениях, он согласился, что, возможно, удушил еще нескольких женщин, однако ему требуется время, чтобы припомнить подробности. Он обещал сделать это завтра».

В последующую ночь, как видно из книги дежурств по тюрьме, Людке опять до двух часов засиживается в кабинете комиссара Франца. Протокол беседы не ведется. А утром получено признание еще в двух убийствах. Где и когда они совершены, Людке сказать пока не может, но обещает уточнить детали на месте. На другой день его везут в лес, где в 1941 году была убита Кэте Мундт. Здесь Людке пересказывает подробности удавления и дальнейшего надругательства над трупом, которые успел тем временем почерпнуть из материалов дела Франц. В заключение выезжают на место, где девять лет назад была зарезана Берта Шульц. И опять слабоумный, который совсем недавно вообще не мог сказать, где и когда совершил свои преступления, демонстрирует феноменальную память. Пораженные точностью и четкостью его ответов, члены комиссии по расследованию убийств забывают даже, что накануне он говорил об удушении руками и что ни об удавлении, ни тем более о применении ножа тогда и речи не было.

На обратном пути в тюрьму Бруно Людке «мимоходом» признается, что в мае 1941 года зарезал супругов Уман и ограбил принадлежавший им ресторан. После очередного ночного собеседования с глазу на глаз с комиссаром Францем уточняются и детали, кроме одной: о похищенных из ресторана двух битком набитых продуктами и носильными вещами чемоданах Людке так же ничего не может сообщить, как и о сумке фрау Резнер. Кстати, противоречат его показания и сделанному криминалистами при расследовании убийства супругов Уман выводу: «Обстоятельства этого двойного убийства с несомненностью указывают на участие в нем нескольких лиц».

Но комиссар Франц безапелляционно заявляет: «Коллеги ошиблись!» — и продолжает получать у Людке одно признание за другим. Ему верят даже тогда, когда Людке с его помощью признается в покушении на оставшуюся в живых Терезу Пол, хотя сама она не опознает обладающего чрезвычайно приметной внешностью арестованного.

Проходит еще несколько недель, и Франц сообщает начальнику сенсацию: во всех совершенных в Берлине с 1924 года и оставшихся нераскрытыми убийствах повинен Бруно Людке!

Тоготце ничуть не удивлен тем, что слабоумный убийца не допустил за почти двадцать лет ни единой ошибки, обведя вокруг пальца несколько сотен опытейших криминалистов.

Но и эта сенсация еще не последняя в неправдоподобной истории Бруно Людке.

До сих пор речь шла только об убийствах в столице рейха, за пределы которой Бруно, по его словам, никогда не выезжал. Но затем к комиссару Францу попадает сообщение, что 10 апреля 1943 года в лесу неподалеку от Гентина (под Магдебургом) обнаружен женский труп. Убийство, по-видимому, совершено много времени назад. Вся одежда убитой похищена. Далее следует подробное описание трупа, а в заключение главное управление безопасности рейха спрашивает, не было ли и это преступление делом рук Бруно Людке.

И что же? На следующем допросе Людке показывает: «Мне сказали, что теперь расследуется убийство женщины в районе Гентина. Признаю, что и эту женщину убил я. Точной даты я указать не могу, но помню, что это было довольно давно...»

Как и во всех других случаях, Людке ограничивается вначале простым признанием. На вопрос одного из членов комиссии по расследованию убийств, что он сделал с одеждой своей жертвы, он неуверенно, после многократных понуканий говорит, что спрятал ее где-то в лесу.

Францу никак не удается заполучить это дело в Берлин. Магдебургская комиссия по расследованию убийств, разрабатывающая совсем другие версии, не отдает его. И в протоколе допроса Людке есть знаменательная пометка: «Допрос прерван в связи с тем, что обстоятельства преступления пока неизвестны. Людке предложено вспомнить подробности».

В Гентине между тем безмерно удивлены сообщением из Берлина, будто убийство совершил Людке. Здесь давно напали на след преступников, и дело фактически почти раскрыто.

Убитая, некая фрау Хозанг из Браунлаге, отправилась в Гентин навестить дочь и домой не вернулась. Имеются весьма основательные подозрения против дочери и зятя покойной, которые после долгого запирательства вынуждены были признать, что отношения с матерью у них были неприязненные и что во время пребывания ее в Гентине у них вышла ссора. Уличает их и то, что они не заявили об исчезновении покойной, а зять вместо этого съездил в Браунлаге за ее вещами. В довершение всего у них нашли одежду фрау Хозанг, которая была на ней в момент убийства.

Итак, местная уголовная полиция категорически отрицает причастность Людке к этому преступлению. Но все протесты напрасны: дело попало уже на письменный стол Гимmlера, приобретя тем самым политическое, государственное значение!

Идет пятый год войны, и так называемая программа «эвтаназии» остается первейшей задачей главного управления безопасности рейха. В концентрационных лагерях и тюрьмах уже уничтожено больше шести миллионов людей. Но на этом приходится остановиться: тяжелое военное положение вынуждает использовать выживших в качестве рабочей силы. А вот сотни тысяч калек, слабоумных, психически больных, которые не только не могут работать, но требуют ухода и присмотра, должны быть по приказу Гимmlера уничтожены. Однако в больницах нельзя установить газовые камеры и печи для сжигания; нельзя и потихоньку разделаться с пациентами. Их навещают родственники, и слишком высокая смертность была бы замечена, вызвала бы новое беспокойство в народе. Правительственные круги

давно уже носятся с мыслью, как бы легализовать массовое убийство больных, узаконить его и сделать морально оправданным.

Дело Людке может послужить давно искомым предлогом. Психически больной, зверь в человеческом образе, заклеянный на открытом судебном процессе как опаснейший преступник, маньяк-убийца, явится наглядной иллюстрацией того, что в интересах народа и рейха неизлечимо больных надо уничтожать.

Гиммлер приходит в восторг от этой идеи, и начинается спешная подготовка процесса против Людке. Все нераскрытые дела об убийствах передаются для дальнейшего расследования специальной комиссии под руководством комиссара Франца. К услугам комиссии все — особые полномочия, особые автомобили, особые нормы бензина.

И начинается не виданное во всей мировой истории криминалистики расследование.

Грузовиками свозят в Берлин дела об убийствах. Франц и его штаб просматривают их, отмечают важнейшие детали, делают выписки. А затем Бруно Людке везут в своего рода турне по Германии. Еще совсем недавно он показывал: «Я никогда не был в Гамбурге, Бремене, Лейпциге, Штеттине, Галле. Я знаю о них лишь понаслышке...». Теперь же в каждом из этих городов он сознается в убийстве.

Члены комиссии должны только постоянно поддерживать у слабоумного Людке хорошее настроение. Поэтому они всячески обхаживают его, развлекают, даже спят в его камере, чтобы он не тяготился одиночеством, и ежедневно заверяют, что к рождеству он вернется домой.

Нескольким сотрудникам уголовной полиции, которые первое время еще входят в комиссию, поведение этого странного убийцы абсолютно непонятно. Он со страхом шарахается от них и ни в чем при них не сознается. Франц требует, чтобы их отозвали, и очень быстро добивается этого. Охранникам тюрем, в которых Бруно останавливается, строгойше запрещено говорить ему, что за убийства он может быть наказан.

Один из примечательнейших документов в деле Людке — ходатайство комиссии перед главным продовольственным управлением Берлина: «Чтобы он (Людке) сохранял хорошее настроение, необходимое для дачи показаний, он должен получать вдоволь еды и курева». И жестокого убийцу переводят в виде исключения на особый паек!

На любезность Бруно Людке отвечает любезностью: он сознается еще в 34 убийствах, слово в слово повторяя данные изученных комиссаром Францем уголовных дел. Специальная комиссия объезжает Тюрингию, Бранденбургскую провинцию, Шлезвиг-Гольштейн; Бруно рассказывает, как он убивал женщин в Эрфурте и Гамбурге, в Лейпциге и Любеке, в Готе, в Мюнхене, в Галле, а также в дюжине других городов и селений.

Каждую неделю комиссар уголовной полиции Франц докладывает о новых успехах главному управлению безопасности, где обергруппенфюрер СС Небе занимается дальнейшей обработкой дела. Сегодня невозможно без изумления читать эти бумаги.

Сначала Людке просто признает, что в том или другом месте

«тоже что-то натворил». Протокол неизменно завершается фразой: «Мне нужно сегодня ночью еще раз хорошенько все обдумать, завтра я расскажу подробнее».

Во втором протоколе появляются некоторые уточнения, но еще очень расплывчатые, и Францу постоянно приходится вносить коррективы. В третьем или четвертом протоколе возникает полная картина с самыми удивительными подробностями.

Если вначале Людке не знает даже, каким способом расправился со своей жертвой, то под конец он демонстрирует поразительную память, описывая, к примеру, обстановку, в которой пятнадцать лет назад было совершено убийство. Он вспоминает, где стоял каждый цветочный горшок, каждая ваза. Заканчиваются все такие протоколы стереотипно: «Преступление раскрыто — показания Л. полностью соответствуют объективным материалам дела».

Но ни в одном из огромного множества протоколов не зафиксировано, что какой-нибудь оставленный на месте преступления след соответствует следу Людке. Зато в деле есть десятки показаний свидетелей, решительно утверждающих, что человек, которого они видели вблизи места преступления, не Людке.

Будь Франц хоть мало-мальски опытным криминалистом, он предвидел бы, что рано или поздно вся его затея лопнет, как мыльный пузырь.

В Гамбурге Франц переживает свое Ватерлоо. Приведем выдержки из секретного донесения тогдашнего начальника гамбургской уголовной полиции, советника полиции Фаульхабера главному полицейскому управлению в Берлин:

«Специальная комиссия по расследованию преступлений многократного убийцы Людке... с 27 сентября по 4 октября 1943 года находилась в Гамбурге с целью проверки его показаний... Совершенно очевидно, что Бруно Людке психически ненормален... Здесь он якобы совершил следующие преступления:

1) 27 июля 1940 года сексуальное убийство тридцатилетней жены солдата Генриетты Куйер...

2) 23 марта 1939 года убийство сорокадвухлетней проститутки Августы Мар...

3) 27 мая 1929 года убийство семидесятилетней жены парикмахера Матильды Шлэрке; в свое время в этом убийстве подозревали мужа покойной, который был на двадцать лет моложе нее...

Людке хотел взять на себя и два других сексуальных убийства, но не смог ответить на вопросы здешних следователей. Правдивость его признаний представляется мне весьма сомнительной. Создается впечатление самоговора, порожденного в значительной мере внушением. Ежедневные повторные допросы дают Людке возможность познакомиться со многими подробностями преступлений, которые он потом выдает за свои. Его нелепое стремление оговорить себя так велико, что он плачет и ищет помощи у членов комиссии каждый раз, когда не может сориентироваться на месте преступления и толком ответить на вопросы.

Помимо этих общих соображений в отношении убийства Куйер показания Людке опровергаются многими заслуживающими доверия свидетелями которые видели убийцу и решительно утверждают, что это не Людке.

Поскольку в довершение всего возникли сомнения, бывал ли Людке вообще когда-нибудь в Гамбурге, я постарался без ведома специальной комиссии провести наедине с ним несколько часов. Приняв меня за соседа по камере, он признался, что никогда раньше в Гамбурге не бывал. Вину в здешних убийствах он взял на себя, потому что с ним очень хорошо обходились и обещали в награду за добровольные признания отпустить к рождеству домой. Попутно Людке заметил, что вообще никогда и никого не убивал, но об этом я из-за недостаточной осведомленности судить не берусь. Видимо, целесообразно поручить проверку всего дела Людке сотрудникам, не участвовавшим доселе в расследовании и по своему служебному положению не зависящим от членов специальной комиссии».

Еще определеннее высказывается Фаульхабер в личном письме к одному берлинскому коллеге:

«Дорогой друг! После того, как ваша специальная комиссия приписала «массовому убийце Бруно Людке» и три здешних убийства (по поводу чего я заявил протест), мне хочется сказать тебе как старому другу и ответственному лицу, что я в этот «театр» (прости за такое выражение) не верю.

Дорогой Вильгельм! Неужели и ты всерьез допускаешь, что признания Людке соответствуют действительности и что он совершил все эти убийства, не имеющие между собой ничего общего ни по способу исполнения, ни по мотивам?

Я бы тоже был рад «сбагрить» некоторые нераскрытые убийства. Но когда я поглядел, как это делается, у меня пропала охота...»

Для версии о психически больном «массовом убийце Бруно Людке» эти послания Фаульхабера оказываются губительными. Хотя Тоготце вступает за честь специальной комиссии, в результате чего гамбургскому советнику уголовной полиции запрещают впредь самовольничать, однако сомнения уже порождены и достоверность показаний Людке решено подвергнуть проверке.

В «Мюнхнер иллюстрирте» роль Фаульхабера полностью извращена. Согласно упомянутому «документальному» репортажу, Фаульхабер, проведя ночь в одной камере с Людке, получает от того признание во всех решительно убийствах.

К концу 1943 года специальную комиссию по расследованию преступлений Людке приказом Гимmlера распускают, обязав ее членов хранить все связанное с этим делом в строжайшей тайне. Напоследок руководитель комиссии Франц составляет заключительный отчет, в котором все еще пытается доказывать вину Людке в 54 убийствах и трех покушениях на убийство. Некоторое время спустя разжалованный в солдаты Франц отправляется на фронт и за несколько дней до конца войны погибает в боях за Берлин.

Что касается Бруно Людке, то его переводят в центральный институт криминалистики в Вену. Здесь со всей научной основательностью исследуют его психику и производят различные медицинские анализы. Людке между тем замечает, что не вернется домой к рождеству. Он перестает давать показания и все больше противится исследованиям, требуя, чтобы за ним приехал его друг Хейнц (комиссар Франц). Для проведения последних экспериментов приходится вызвать в Вену двух бывших сотрудников Франца.

В конце марта 1944 года Людке предстает перед комиссией из прокуроров, врачей, сотрудников государственного управления безопасности и министерства юстиции. Директор венского института самым приветливым тоном просит:

— Ну, Бруно, расскажи, что ты там делал с женщинами...

Но никакое дружелюбие не может помочь слабоумному преодолеть страх перед таким множеством посторонних. Бруно Людке давно забыл свои запротоколированные в деле признания. Его памяти и раньше хватало лишь на то, чтобы с подсказками Франца повторить заученные накануне ответы. Теперь он произносит только отдельные бессвязные фразы, да и те касаются его отношений с членами специальной комиссии, а вовсе не преступлений, которые он якобы совершил.

Опытные юристы быстро понимают, какой спектакль был разыгран с этим человеком, и им уже ясно, что открытый судебный процесс здесь ничего, кроме грандиозного скандала, не сулит.

А Людке, заметив, что господа разочарованы его ответами, выходит из себя и орет:

— Вы ведь сами все знаете, я рассказал все Хейнцу, и он записал мои слова. А сейчас я хочу домой и, если вы меня не отпустите, я вообще не буду больше разговаривать!

Он не успокаивается, и охранники, схватив его, швыряют на кушетку. Один из врачей делает ему укол.

На сей раз в шприце содержится успокоительное, но спустя несколько дней Бруно получает в вену раствор цианистого калия...

Последний протокол, датированный 14 апреля 1944 года, гласит, что 8 апреля Людке скончался после непродолжительной болезни. Труп родным не выдают. Дело объявляют «государственной тайной» и прячут в хранилище министерства юстиции, где через двенадцать лет беззастенчивый и жаждущий сенсаций западногерманский журналист Шнитцлер откапывает его, чтобы, не считаясь с фактами, сочинить «документальный» репортаж, а затем и сценарий.

Ничего удивительного, что сестры несчастного обращаются в гамбургский суд с требованием оградить от клеветы память их трагически погибшего брата. Бывший советник уголовной полиции Фаульхабер, живущий теперь в Гамбурге на покое, немедленно выражает готовность выступить свидетелем со стороны истиц.

Дело слушается палатой по гражданским делам в гамбургском суде 12 февраля 1958 года, через неделю после премьеры фильма. Зал переполнен корреспондентами из всех стран мира. Можно ожидать, что величайшее мошенничество, когда-либо затеянное следственными органами, будет наконец разоблачено. Представляющий интересы истиц адвокат доктор Райзе обосновывает ходатайство о запрете фильма:

— Фильм назван документальным, однако преступления, с которого он начинается, вообще не было. Бруно Людке объявляют в фильме многократным убийцей, хотя никакой суд не признал его виновным и официально ему даже не предъявляли никакого обвинения. Людке был больным человеком, и все признания его вымышлены. Он и сам потом отказался от них как в беседе со свидетелем Фаульхабером, так и на обследовании в Вене. И врачи, наблюдавшие его там, сочли его показания членам специальной комиссии недо-

стоверными. Обе сестры Людке, которые и сейчас живут на прежнем месте, в Кёпенике, среди людей, знавших покойного, тяжело страдают от поношения его памяти. С момента выхода фильма на экраны Западного Берлина положение обеих женщин поистине ужасно. Необходимо срочно пресечь дальнейшее распространение этой злобной клеветы!

Ответчик по делу кинокомпания «Глория». Ее представитель адвокат доктор Метцлер вынужден признать:

— Убийство в Гамбурге, с которого начинается фильм,— просто поэтическая вольность...

Затем он, однако, переходит в наступление и утверждает, что Бруно Людке действительно был многократным убийцей! В качестве свидетеля Метцлер ссылается на главного покровителя всей аферы — бывшего штурмбаннфюрера СС Тоготце, который сразу после войны снова занял руководящий пост в уголовной полиции Западного Берлина.

Зал с нетерпением ожидает словесной дуэли между Фаульхабером и Тоготце. Судьям, однако, это ни к чему. Они понимают, что, если дело дойдет до доказательств, фильм придется запретить. Но они не осмеливаются в угоду двум женщинам из демократического сектора Берлина лишить западногерманскую кинокомпанию миллионных прибылей и потому прибегают к юридическому трюку. Вот их решение:

«Ходатайство истиц о запрете демонстрации фильма отклоняется. Истицы не вправе требовать охраны памяти их брата от клеветы. Он сам признался в убийствах, чем поставил себя в центр внимания общественности. Таким образом, судьба его сделалась достоянием истории, а значит, и в наши дни подлежит открытой дискуссии».

В тот же день кинотеатры спешат в вечерних газетах объявить: «Продолжается показ! Вторую неделю демонстрируется боевик экстракласса «Ночью, когда орудует дьявол!»

И создатели этой дьявольской затеи получают возможность загрести двенадцать миллионов марок. А тогдашний боннский министр внутренних дел Шредер награждает режиссера премией на западноберлинском кинофестивале!

Перевод с немецкого Татьяны Гинзбург.

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

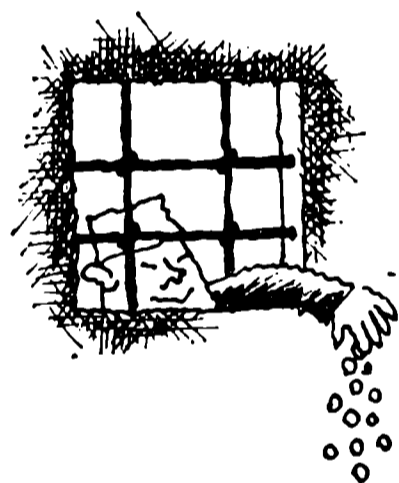
ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Тюрьма небольшого индонезийского городка Черибон на Западной Яве привлекла к себе недавно всеобщее внимание. Здесь в одной из камер находится фальшивомонетчик Маман Субанди, сумевший обзавестись в месте «вынужденного отдыха» инструментами для изготовления привычной ему продукции. Семь лет тюремного заключения он решил использовать для... чеканки монет достоинством в сто рупий. Сырьем послужила оловянная посуда.

Однажды он так увлекся «любимым делом», что не заметил обхода и был застигнут на месте преступления изумленными служителями тюрьмы.

Судьи прибавили к первоначальному сроку Мамана Субанди еще десять лет.

СУД ПОШЕЛ НАВСТРЕЧУ...

Хью Пуллер, босс одной фирмы в Лентгфилде (штат Огайо, США), совершил преступление. Поскольку он должен был срочно выехать за границу, то обратился в суд с ходатайством, чтобы его дело разбирали как можно скорее. Там учли его ходатайство, перенесли слушание дела на более ранний срок и... приговорили Пуллера к трем годам заключения.

КАНЦЕЛЯРСКИЙ СЛОГ

Из документов одного из судов в Вене: «Обвиняемый женат, но больше ни в чем предосудительном замечен не был».

ОТК

— Рекламаций на нашу мебель почти не поступает...

Рис. В. ТАМАЕВА.

СКЛАД

Без слов.

— Нигде не работаете, занимаетесь бродяжничеством и обманом...

Рис. В. МОХОВА.

